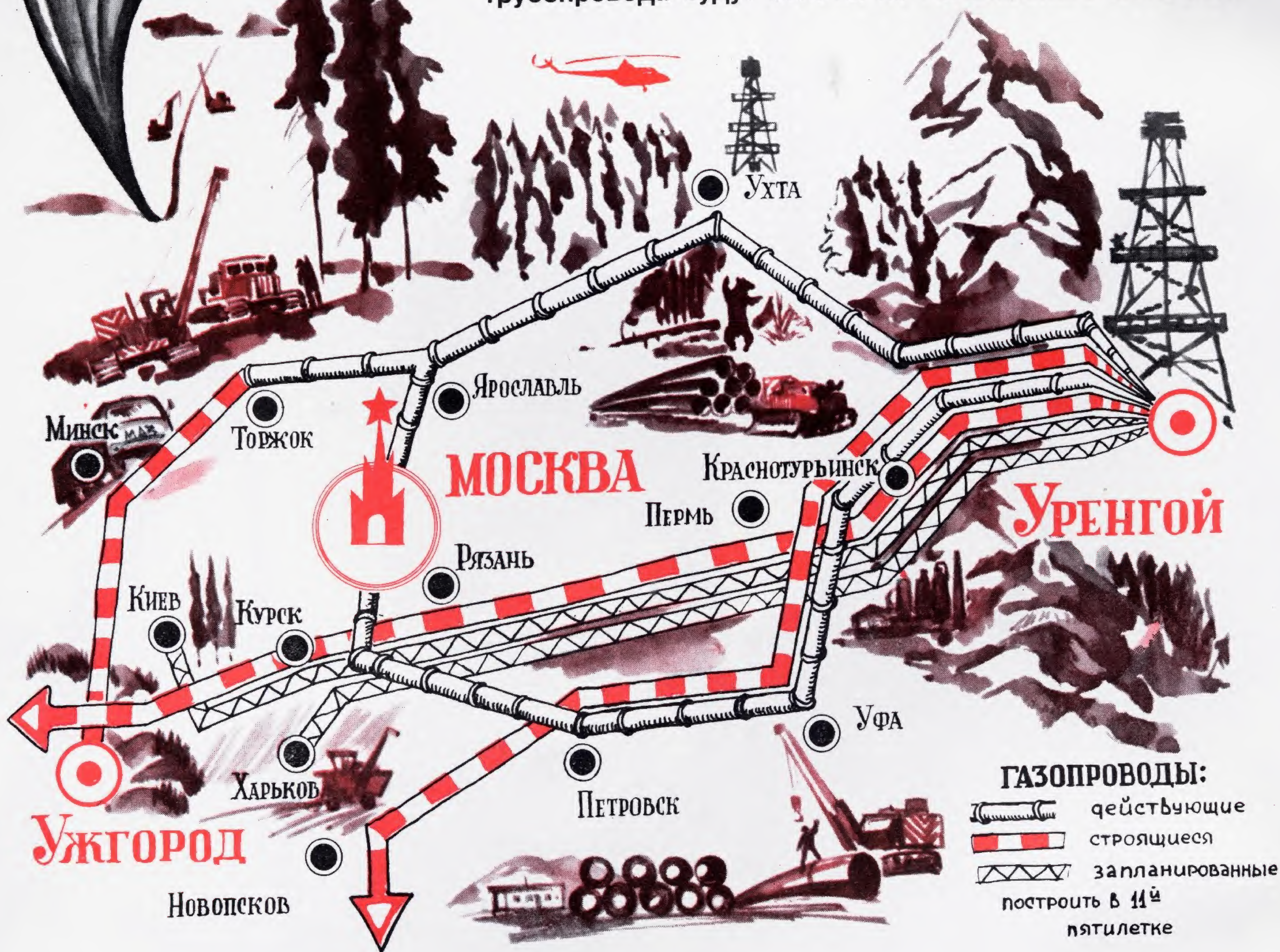
ПИОНЕР 1

1983

В. РЫБИН

МАГИСТРАЛЬ идет на запад

Уренгой... Кто не знает сегодня этой точки на карте Западной Сибири! Уренгойское газовое месторождение — одно из самых больших в мире. Отсюда начал путь гигантский газопровод Сибирь — Западная Европа. «Газопроводом века» назвали специалисты эту магистраль. Трубы нового трубопровода будут отлиты из «пионерского металла».

● *4451 километр — такова протяженность нового газопровода.*

● *40 компрессорных станций и две станции охлаждения газа будут работать на магистрали. Их общая мощность приблизится к трем миллионам киловатт.*

● *959 километров газопровода придется проложить по болотистой местности. 794 раза преодолеют строители водные преграды.*

● *32 миллиарда кубометров — столько газа будут перекачивать за год по трубопроводу Уренгой — Ужгород.*

Выгодно всем!

Слышали ли вы об энергетическом кризисе?

Вопрос этот не праздный. Запасы нефти, газа, угля и другого энергетического сырья на планете не бесконечны. В последние годы во многих капиталистических странах ощущается острая нехватка такого сырья. Вот и в Западной Европе требуется его все больше и больше, а месторождений здесь — раз, два, и обчелся! Некоторые монополии решили поживиться на этом и стали искусственно сдерживать и без того упавшую добычу нефти, газа, угля. Сразу подскочили цены на бензин и электроэнергию. Вот почему жители Западной Европы приветствовали соглашение с Советским Союзом, по которому наша страна будет поставлять им сибирский газ.

Соглашение это выгодно для всех его участников. Советский Союз не испытывает недостатка в энергетическом сырье, мы даже можем им поделиться. А на вырученные средства закупить машины, станки, оборудование для нашей промышленности.

Для Западной Европы сибирский газ — это дешевый источник энергии, сырье для химических предприятий. А будет сырье — будет и работа для тысяч людей, вынужденных сегодня обивать пороги бирж труда.

И конечно, газопровод поможет еще больше сдружиться нашим государствам и народам. Из разных стран пойдут на строительство машины и оборудование. Из разных стран приедут специалисты, чтобы вместе с советскими рабочими и инженерами прокладывать магистраль.

Самый длинный, самый мощный, самый дешевый

Новый газопровод не имеет себе равных. Посмотри на схему трассы. Протяженность только советского участка магистрали от Уренгоя до Ужгорода — почти 5 тысяч километров! Это в два раза длиннее самого крупного пока в СССР газопровода Тюменская область — Урал — Поволжье — Центр.

С 1984 года сибирский газ начнет поступать в ФРГ, Францию, Австрию, а позднее в Бельгию, Голландию и Швейцарию. Сначала газ пойдет с Уренгойского месторождения, а затем еще с одного — Ямбургского, что на полуострове Ямал. Ежегодно западноевропейские государства будут получать 32 миллиарда кубометров советского газа. Столько энергетического сырья европейские страны никогда еще не получали.

Почему же капиталистические государства заинтересовались именно газом, а, скажем, не углем? Дело в том, что это энергосырье самое экономичное. Перекачка газа обходится вдвое дешевле, чем перевозка на то же расстояние тонны угля самым дешевым, водным транспортом.

Диаметр труб газопровода почти полтора метра — 1420 миллиметров. По ним, как по туннелю, можно свободно мчаться на мотоцикле. Почему трубы так велики? Экономисты подсчитали, что именно по трубам такого диаметра газ наиболее удобно и выгодно перекачивать на дальние расстояния.

Помешать не удалось

Строительство невиданного по масштабам газопровода требует особо мощной техники и сложного оборудования. Во-первых, как вы уже знаете, нужны трубы большого диаметра. Во-вторых, — сильные трубоукладочные машины. В-третьих, — мощные компрессорные станции для перекачки газа.

Трубы и часть оборудования для газопровода обязались поставить фирмы США, ФРГ, Франции и других стран. Для них выгодны советские заказы: появляется возможность дать работу тысячам людей — металлургам, станочникам, наладчикам, строителям.

С самого начала за ходом строительства нового газопровода пристально следила администрация американского президента Рейгана. США давно продают Западной Европе различное топливо и теперь могут лишиться части своих огромных прибылей. Да и влияние Соединенных Штатов в Европе пошатнется. Кроме того, правительство Рейгана стремится подорвать экономические отношения Западной Европы с Советским Союзом. Заместитель министра обороны США Икле, например, заявил, что новая стройка-де угрожает единству военного блока НАТО и выгодна только СССР.

Уже после начала строительства газопровода правительство США отказалось поставлять установки для перекачки газа и другое оборудование. Да еще потребовало сделать то же самое своих союзников по

Выходит с 15 марта 1924 г.

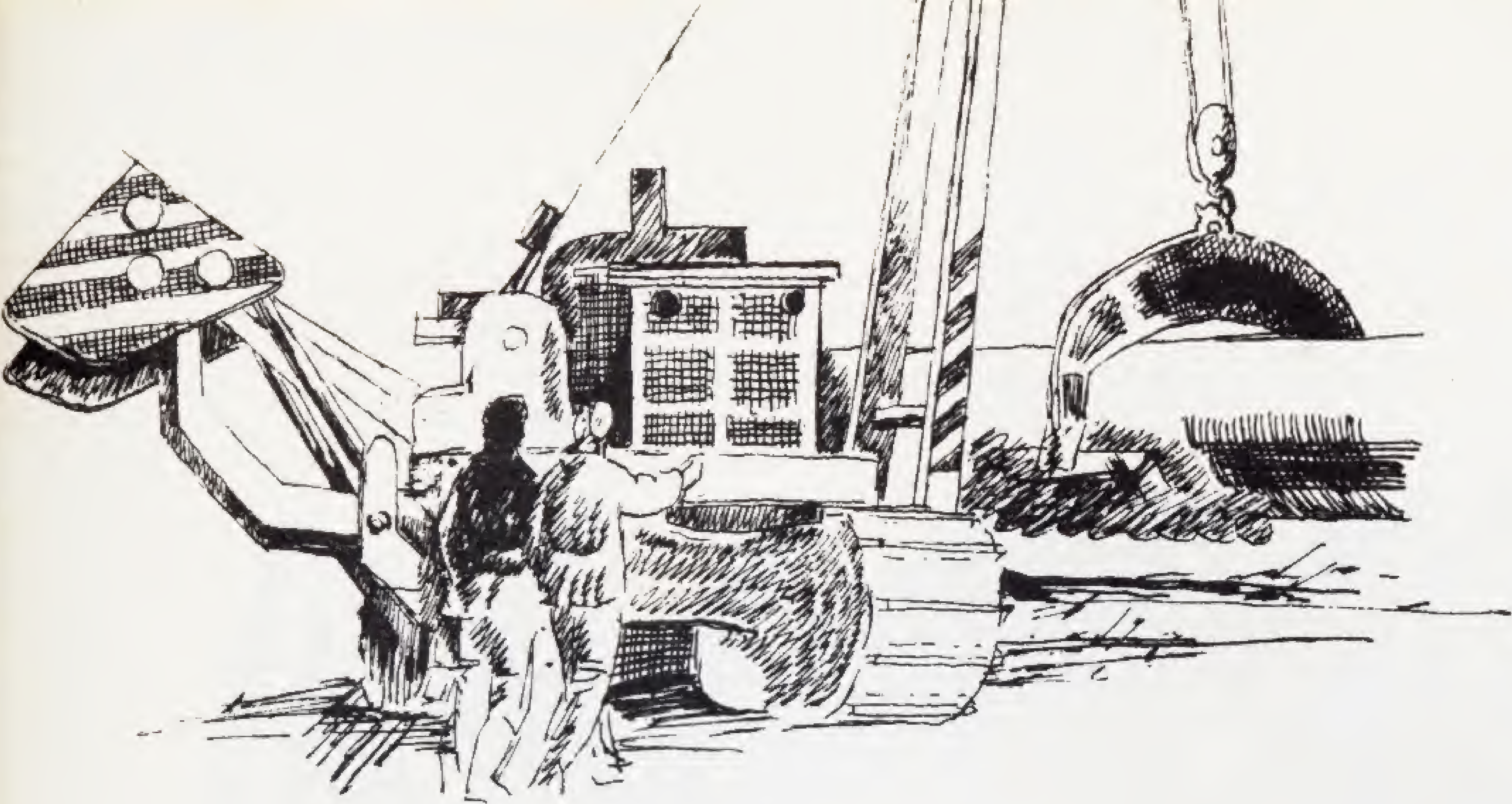
ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

ЯНВАРЬ 1

Москва 1983 г.
Издательство «Правда»

НАТО — Англию, ФРГ и другие капиталистические государства.

Но эта затея сорвалась. В Западной Европе прошли манифестации протеста. Отказаться от сотрудничества с СССР значило бы для многих англичан, голландцев, немцев лишиться работы. Например, западногерманский концерн АЭГ вынужден был бы уволить сразу 20 тысяч рабочих!

Западноевропейские фирмы не подчинились требованию президента Рейгана. Первыми, кто бросил вызов американской администрации, стали французские компании «Дрессер-Франс» и «Крезо-Луар». Да и самому Рейгану пришлось со временем отказаться от попыток помешать строительству газопровода: в ноябре прошлого года он отменил запрет на поставку оборудования.

Попытки американской администрации помешать строительству газопровода Сибирь — Западная Европа возмутили советских рабочих. Они решили сами сделать недостающее оборудование. То самое, которое в свое время под нажимом президента Рейгана отказались поставлять американские фирмы.

На суше и под водой

Трасса газовой магистрали идет через хляби тюменских болот, уральские горные кручи, реки, леса...

Трудно вести газопровод по суше, но еще тяжелее прокладывать его по дну рек и озер. При переходе через Волгу, например, нужно будет прорыть траншею глубиной шестнадцать метров!

Свыше пятисот водных преград обозначено на схеме трассы. Среди них Обь, Волга, Днепр, Дон... Под водой придется уложить сорок километров труб.

Конечно, без современной техники здесь не обойтись. На трассе газопровода работают земснаряды последней конструкции — «Ямал», «Самотлор» и другие. За час они вынимают тысячи кубометров грунта. А земснаряд «Подводник-1», например, способен прокладывать траншеи не только в илистом дне, но даже в скальной тверди.

Уложить трубы на дно реки непросто. Строители сначала сваривают их на суше, соединяют в секции. Длина секции доходит до двухсот метров! Затем покрывают трубы изоляционными материалами и крепят чугунные пригрузы: тогда трубы не всплывут под напором газа. Чтобы чугунные пригрузы не повредили изоляцию, трубы футеруют — обвязывают деревянными рейками. Наконец стальные секции готовы к погружению. Их подхватывают мощные краны и осторожно опускают в воду.

Когда трубы скрываются в воде, за дело принимаются водолазы. Среди строителей газопровода есть и люди подводной профессии.

Весь маршрут газопровода разбит на участки. На каждом из них днем и ночью кипит работа.

Газопровод строит вся страна. Десятки заводов, тысячи рабочих изготовляют оборудование для новой стройки. От их работы зависит слаженность и темпы «трассовиков» — всех тех, кто занят на трассе.

Новая стройка — это еще и стройка дружбы. Плечом к плечу здесь трудятся русские и грузины, украинцы и латыши, узбеки и эстонцы... Из всех союзных республик приехали на строительство магистрали рабочие и инженеры.

На «стройке века» немало и молодых рабочих, комсомольцев. Вы, наверное, знаете, ребята, что по давней традиции с комсомольских съездов отправляются на важнейшие стройки страны ударные молодежные отряды. Вот и с последнего, XIX съезда ВЛКСМ уехал на строительство газопровода Сибирь — Западная Европа такой отряд. Называется он Всесоюзный комсомольский отряд имени XIX съезда ВЛКСМ.

Когда я готовил этот материал, то встретился с заместителем заведующего отделом рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ Виктором Прокопьевичем Корнюшиным. Он рассказал о том, как трудятся на строительстве газопровода комсомольцы. Триста бойцов отряда работают сегодня в Березовском районе Тюменской области — в том самом месте, где ударил первый фонтан тюменского газа. Комсомольцы строят здесь компрессорную станцию. Работают по-ударному. Недельное задание выполняют в пять дней!

Свыше двух тысяч молодых рабочих приехали на строительство по комсомольским путевкам. На разные участки трассы прибудут отряды из Литвы, Украины, Грузии и других союзных республик. Молодые специалисты взяли шефство над заказами для газопровода. Ленинградские машиностроители, например, в ответ на попытки правительства Рейгана сорвать строительство газопровода обязались досрочно изготовить газоперекачивающие агрегаты. Слово они свое сдержали.

Когда готовился этот материал, на трассе было сварено 500 километров труб. А когда вы, ребята, получите наш журнал, магистраль станет длиннее еще на сто километров!

Уникальный газопровод шагает вперед, к западной границе СССР.

ОТ РЕДАКЦИИ: Представляете теперь, какой грандиозной станет новая стройка? А знаете, сколько металла она потребует? Сотни тысяч тонн! Включайтесь в операцию «Уренгой»! «Газопровод века» ждет «пионерский металл»!

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола

ЛЕНИНСКИЕ ОКТЯБРИ

Продолжение. Начало в № № 11, 12, 1982 г.

Рисунок С. ТРОФИМОВА.

1921.— «Чудесная в мире сила»

— На этот раз в Большом театре выступать не буду. Нет, нет! — отвечает Владимир Ильич управляющему делами Совнаркома Горбунову.— Поеду к рабочим на заводы.— И просматривает листки календаря.— Вот как бы выкроить время? Сегодня принимал монгольскую делегацию Сухэ-Батора.— Владимир Ильич откидывается на спинку кресла, и на пожелтевшем и усталом лице ярко загораются глаза.— Чудесная сила в мире! Араты сбрасывают власть интервентов, феодалов, и крепостной арат, скотовод, становится богатырем, героем, вождем революции. Монгольский народ присваивает бывшему арату Сухэ звание Батора — богатыря... Чудо!

— Да, но если бы не было Октября,— говорит Горбунов. «И если бы не было Батора Ленина»,— мысленно добавляет он.

Владимир Ильич листает календарь.

— Завтра шестое ноября. Рабочие завода «Каучук» просили приехать к ним. Сообщите, что буду, ненадолго, минут на двадцать — тридцать. Конечно, надо побывать у трехгорцев — моих избирателей. Есть о чем с ними потолковать. Тоже завтра. Седьмого ноября — на завод «Динамо»...

— Может быть, хватит, Владимир Ильич,— деликатно замечает управделами.— За одну неделю два заседания Политбюро, два заседания Совнаркома, заседание Совета труда и обороны. А сколько людей приняли...

— Да, да, заседаем слишком много. Но уймища вопросов навалилась. Чудовищно трудный год пережили мы. Так, так... Поеду еще к рабочим в Хамовники, седьмого. Давно обещал. Пусть пригласят в рабочий клуб красноармейцев тоже. На большее, пожалуй, времени не хватит... и сил,— сознается Владимир Ильич.

Николай Петрович закрывает блокнот и собирается уйти, но Владимир Ильич движением руки задерживает его. Извлекает из ящика стола маленькую коробочку.

— Вот, пожалуйста, Николай Петрович, возьмите эту безделицу и внесите в фонд помощи голодающим. Надежда Константиновна обнаружила, единственная золотая вещь оказалась в доме. Моя гимназическая медаль. И,— Владимир Ильич прижал палец к губам,— никому ни-ни. Запишите от какого-то неизвестного, поставьте какие-нибудь инициалы...

Николай Петрович пробует возражать, но Владимир Ильич делает решительный жест рукой: мол, разговор окончен.

Горбунов уходит. У себя в кабинете раскрывает коробочку. Там поблескивает золотая медаль и на ней надпись: «За благонравие и успехи в науках».

«На такое кощунство я не способен,— говорит про себя Николай Петрович.— Медаль останется как реликвия для потомков, а для голодающих, для народа вы отдаете всего себя, свое сердце, ум, талант да и солидную долю своей зарплаты». Горбунов спрятал коробочку с медалью в маленький ящик внутри сейфа, в котором хранились особо важные и секретные документы.

...Владимир Ильич подошел к карте. Только недавно сняты со стены и убраны со столов карты военных действий. Гражданская война еще не закончена Белогвардейские армии и иностранные интервенты разбиты Красной Армией и изгнаны из страны. Только Приморье еще в руках белогвардейцев и японцев. Но следом за этими врагами подкрался новый, не менее коварный враг — голод. Суховей и засуха выжгли травы и хлеба на Поволжье, Урале, Левобережной Украине. Тридцать губерний заштриховано на карте темным цветом, тридцать миллионов человек под угрозой голодной смерти. Ленин и партия обратились к своему народу и международному пролетариату с горячим призывом о помощи голодающим. Семь миллионов голодных детей! Они прежде всех могут погибнуть. Комиссию по борьбе с голодом — Помгол — возглавил председатель ВЦИКа Михаил Иванович Калинин.

Большую часть времени Всероссийский староста, как любовно прозвали его в народе, проводит «на колесах». Еще в 1919 году задумали они вместе с Владимиром Ильичем организовать агитпоезд «Октябрьская революция». Оборудовали его киноустановкой, типографией, библиотекой, книжной лавкой. На всех фронтах побывал со своим поездом Михаил Иванович. В этом 1921 году объехал все районы, охваченные голодом, организовывал пункты питания, вывоз детей. А сейчас пришел к Владимиру Ильичу, чтобы посоветоваться и вместе «обмозговать» самые насущные вопросы.

Смотрит Ильич — похудел Михаил Иванович, даже бородка поредела, и под стеклышками очков веки в красных обводах, как когда-то у Якова Михайловича Свердлова.

— А не следует ли, Михаил Иванович, перевести дыхание? — участливо спрашивает Владимир Ильич.— Я уж не говорю о капитальном ремонте, но на текущий ремонт отправить бы вас, а?

— Ладно, ладно, кто бы уж говорил,— отмахивается Калинин.— Вот победим голод, тогда отдохнем всласть. Я в свою Верхнюю Троицу двину, на покос, закопаюсь в духовитую копну сена и буду спать целую неделю. А вы, наверно, с ружьишком на

охоту? А? — пытается отшутиться Михаил Иванович, а на душе ох как тяжело. К какому человеческому горю воочию приобщился... Целые вымершие от голода деревни видел. Но подробности Владимиру Ильичу не рассказывает, щадит его.

— Страшное дело — голод, — говорит Владимир Ильич. — Размеры его, я думаю, близки к 1891 году. Вот тридцать лет назад такая же засуха и неурожай охватили Поволжье. Я тогда в Самаре помощником присяжного работал. Крестьян защищал в суде. Целые деревни от голода вымирали. Купцы и помещики на этом деле миллионы наживали, а за пригоршню украденного зерна волокли крестьян в суд. А сейчас на нашем голоде империалисты нажиться хотят. Подлые американские торгаши предложили нам «помощь», но такие условия поставили, хоть Советскую власть закрывай. Наглецы. Под видом «спасателей» от голода прислали десятка два шпионов. Это то, что Дзержинский пока выловил.

— Да, — говорит Михаил Иванович, — американский министр торговли Гувер и иже с ним надеются нас голодом, измором взять, на это они горазды.

— Голодом трудового человека капиталисты всегда пользовались и всегда будут пользоваться, чтобы закабалить его душу и тело. Но до нас их руки не дотянутся. И потом... — Владимир Ильич многозначительно поднял палец, — есть гуверы и есть хаммеры. Гувер готов нас удушить, а вот здравомыслящий американский миллионер Хаммер решил установить с нами честные деловые отношения. Он предложил продать для Урала миллион пудов пшеницы на выгодных для нас и, конечно, для него условиях. А его сын-врач передал в Наркомздрав щедрый подарок в фонд голодающих — хирургические инструменты на шестьдесят тысяч долларов. С такими бизнесменами приятно иметь дело.

Владимир Ильич встает и ходит по кабинету, потирая виски ладонями. Михаил Иванович понимает: болит у Ильича голова.

— И вот что отрадно, Владимир Ильич, — продолжает Калинин, — отношение трудового народа к общей беде. На Правобережной Украине урожай добрый. Мужички продналог сдали и в закрома себе ссыпали. Со многими я беседовал — то общедеревенский сход соберешь, то по избам пройдешь. И что примечательно: чем беднее мужик, тем отзывчивее, а кулачье — зверь зверьем, заодно с гуверами.

Владимир Ильич сел за стол, что-то подсчитывает, столбики цифр выписывает и внимательно слушает.

— Вы правы, — говорит он, — в этой беде каждый себя выявил. Американские гуверы из своих сейфов пока ни цента не дали, кроме широковещательных обещаний, американские же рабочие собрали миллион долларов. Гамбургские докеры из своего заработка внесли почти четверть миллиона марок, хотя и сами впроголодь живут.

— А наш Туркестан? — восторженно отозвался Михаил Иванович. — Мы им дали задание выделить для голодающих из своего урожая двести пятьдесят тысяч пудов хлеба, а какое благородство проявило население этого края — узбеки, киргизы, казахи, таджики! Шестьсот тысяч пудов выделили. Каково? В Белоруссии, в Питере, в Москве, да везде рабочие отчисляют по пять — десять, а то и больше процентов своей зарплаты в фонд Помгола, сдают ценности, организуют субботники, воскресники, от своего ломтя добрую половину отдают.

— Да, Михаил Иванович, в беде выявляется великое содружество наших народов. Украина дала Поволжью тридцать один миллион пудов хлеба. Московская губерния выручает Чувашию, Петроградская — Башкирию и Татарию, Иваново-Вознесенск — Марийскую область, грузины спасают крымчан... Это настоящее братство народов... Но вот я подсчитал, — Владимир Ильич показал на листки, исписанные столбиками цифр, — нам все же пятнадцати миллионов пудов не хватит, даже если мы сумеем вывезти хлеб из Сибири. Надо закупить за границей. Будем платить за хлеб золотом в слитках, втридорога заплатим, но вмешиваться в наши дела не позволим. А капиталисты на золото падки. Продадут! Великие державы решили нас не признавать, не желают устанавливать с нами дипломатических отношений. Но сама жизнь заставит их это сделать. Признают! И — «все флаги в гости будут к нам». Они вычеркивают нас с географической карты, благо бумага все терпит, но вырубить из планеты Земля одну шестую ее часть невозможно. Нет такой силы! — Владимир Ильич заглянул в свои списки и спросил: — Ну, а как насчет Сибири?

— Вот об этом я и хотел поговорить с вами. Отгрузка хлеба идет неимоверно медленно, зерно гибнет под открытым небом, а железнодорожники весьма и весьма неповоротливы. Там нужна твердая рука...

На столе Владимира Ильича зазвонил телефон.

— Да, да, слушаю вас, Феликс Эдмундович. Легки на помине. — Владимир Ильич произнес свое характерное: «Гм... гм...» — Вот Михаил Иванович здесь, говорит, что в Сибири нужен рукастый человек, чтобы организовать оттуда вывоз продовольствия. Он ищет особоуполномоченного ВЦИКа для Сибири... Да? Понятно! И вы согласны? А как со здоровьем? Да? Ну, до встречи завтра, обсудим все вопросы.

Владимир Ильич положил трубку и сказал:

— Этот удивительный Феликс все понял с полуслова. Согласен ехать в Сибирь и организовать отправку продовольствия. Считайте, что хлеб из Сибири пойдет, и, кстати, наш главкомрыбы Книпович мне сообщил, что в Аральском море нынче улов рыбы богатый. Я написал аральским рыбакам письмо с просьбой уделить из их добычи долю для голодающих. Уверен, что откликнутся.

— Безусловно, откликнутся, — подтверждает Михаил Иванович, вставая со стула. Хотел было сказать, что вот Ильичу-то необходимо передохнуть, уже четыре года как он на капитанском мостике, сквозь какие штормы ведет корабль, какие опасные рифы и мели обходит, какого нечеловеческого напряжения все это ему стоит. Но понял, что говорить об отдыхе с Ильичем бесполезно.

— Спокойной ночи!

Надежда Константиновна еще в коридоре услышала громкий смех Ильича. «С кем это он в такой поздний час?» — подумала она, прислушиваясь. Как она любит этот смех, душевный, заразительный! Только Ильич может вот так смеяться, хохо-

Калинин хотел было сказать, что Ильичу необходимо передохнуть, но понял, что говорить с ним об отдыхе бесполезно.

тать до слез, откинувшись на спинку стула. Он не умеет улыбаться вежливо. Смеется тогда, когда ему весело, забавно. Давно она уже не слышала такого веселого смеха. Уж очень тяжелый, трудный год выдался.

Она вошла в комнату Ильича. Он сидел у стола с книгой в руках, продолжая смеяться взахлеб.

— Что это ты такое веселое читаешь? — спросила Надежда Константиновна.

Владимир Ильич вытер платком глаза и протянул ей книгу.

— Помнишь, в конце прошлого года у нас был английский писатель Герберт Уэллс?

— Да, конечно,— ответила Надежда Константиновна.

— Так вот, мне Красин прислал из Лондона его книгу. Называется она «Раша ин зэ шэдоуз».

— «Затемненная Россия»? «Россия в сумерках»? — перевела Надежда Константиновна.

— Пожалуй, правильнее перевести «Россия во мгле». Так вот, этот знаменитый романист пишет, что «Ленин, отвергающий всех утопистов, сам впал

в утопию, в утопию электрификации». Это я-то стал романистом-утопистом, а? Он пишет по поводу нашего плана ГОЭЛРО: «Можно ли представить себе более дерзновенный проект в этой огромной, равнинной, покрытой лесами стране, населенной неграмотными крестьянами, лишенной источников водной энергии, не имеющей технически грамотных людей, в которой почти угасли торговля и промышленность...» И называется эта глава «Кремлевский мечтатель». Это я-то утопист, мечтатель. И какое невежество Уэллс проявил! У нас в стране три миллиона рек и такие гиганты, как Енисей, Лена, Обь, Амур, Волга, столько же озер. Байкал — самое глубокое озеро на нашей планете, а он представляет нашу страну безводной пустыней. Уэллс ничегошеньки не понял. Да он и сам признается в этом. «В какое бы волшебное зеркало я ни глядел,— продолжал читать Владимир Ильич,— я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром».

— «Невысокий человек»,— рассмеялась Надежда Константиновна.— Дело в том, что Уэллс видит в этом зеркале свое собственное представление о наших возможностях, на большее у него не хватает фантазии, хотя он и родоначальник фантастической литературы.

Надежда Константиновна, Глеб Кржижановский, Скворцов-Степанов да и все близкие друзья подтрунивали над влюбленностью Ленина в план ГОЭЛРО.

Он носил пухлую папку со схемами и объяснительными записками из кабинета в спальню и обратно, не уставал перелистывать, хотя знал наизусть все 650 страниц. Колонки цифр, диаграммы, разноцветные кружочки на карте были для него тем «магическим кристаллом», сквозь который он видел Россию будущего, страну развитого социализма, страну, в которой электроэнергия будет считаться не на миллиарды, а на триллионы киловатт-часов. На днях этот план обсуждался на электротехническом съезде, где собрались крупнейшие специалисты. Владимир Ильич на съезд не пошел, но с каким волнением он ждал Кржижановского, который ворвался в кабинет с победным видом: «Победа, победа! Одобрили единогласно!»

«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» — эти ленинские слова обрели крылья.

На следующий день Ильич поехал по заводам. Для него нет большей радости, чем встреча с рабочими. Вместе с ними он подводит итог четырехлетнего существования Советской власти.

— Осуществлено невиданное чудо,— говорит он.— Голодная, слабая, полуразрушенная страна победила врагов — могущественные капиталистические страны. Никто из нас не поверил бы четыре года назад, что мы сможем выдержать такую войну.

— Нет, не поверили бы,— соглашаются рабочие.

— А почему победили? Почему свершилось такое чудо? — спрашивает он и отвечает: — Победили потому, что опирались на самую чудесную в мире силу — на силу рабочих и крестьян.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Богдан ЧАЛЫЙ,
лауреат премии имени Николая Островского

ПОРТРЕТ

ПОЭМА

В дорогу! На утро назначен полет,
Подняться придется нам рано.
В Канаду с рассветом летит самолет.
Осталось сложить чемоданы...

Летал за моря и не раз, и не два
Я в детских мечтах незабытых,
Туда, где звенела струной тетива
И вторили эхом копыта.

Вперед, ирокезы! Решающий миг!..
Пел воздух от копий летящих,
И клич делаваров, собратьев моих,
Носился устало по чаще.

Гремел над Канадой пылающий смерч,
Сражались индейцы бесстрашно.
Но ружья английские сеяли смерть
На мертвых обугленных пашнях.

Индейцы из детских зачитанных книг,
Любимых, волнующих, первых!
Герои былых сновидений моих,
Какими же стали теперь вы?

* * *

...Лучи заплясали в просвете гардин.
Ну что же, пора торопиться.
Кричит мне Максим, восьмилетний мой сын:
— Индейцам привет, бледнолицый!..

Мы в воздухе. Полюс — как белый платок,
Гренландия смутно маячит.
А вот на волнах тополиный листок —
Ньюфаундленд, остров рыбачий.

Плеснула потоком огней магистраль —
Куда занесло нас от дома! —
Плывут небоскребы. Привет, Монреаль!
Что нового? Будем знакомы!

В гостинице встретили мы земляков,
Канадской земли хлеборобов.
На митинг приехали с дальних лугов,
С широких полей Менитобы.

Но как на чужбину попали они?
Неужто отчизны не жаль им?
От смерти голодной в далекие дни
Сюда украинцы бежали.

В кровавом поту, не считая утрат,
Трудились за медные центы.
Ну, что ж, пообвыклись; как мы, говорят,
Но с сильным английским акцентом.

Им снятся просторы родимых полей,
Карпатские быстрые реки...
Душа с Украиной и помыслы с ней,
Да ноги увязли навеки.

О родине слушают. Горько молчат.
В ладонях натруженных греют
Значки, на которых портрет Ильича
И знамя багряное реет.

— Вы долго пробудете в наших краях?
Поможем маршруты наметить...
— На первых порах,— отвечаю им я,—
Индейцев мне хочется встретить.

И вот мы в душистых кленовых лесах,
Поют на бегу автострады.
Успела и нам полюбиться краса
Зеленых просторов Канады.

Меж солнечных рощ, отразив облака,
Струится река голубая.
Да только не вижу хозяев пока
Прекрасного этого края.

Голландцы и шведы встречаются мне,
Французы, арабы и немцы...
А жили индейцы в озерной стране,
Пока не пришли иноземцы.

Но что это?.. Вьется дымок впереди.
Шофер тормозит у ограды,
За нею — деревья.
— Богдан, выходи!
Окинул опушку я взглядом...

Никак, заповедник. Ведь эта страна
Богата и птицей, и зверем...
Но словно растаяла вдруг пелена,
Смотрю — и глазам я не верю.

Бизон не встречает нас в чаще лесной,
Не видно медведей, оленей.
Здесь люди живут! За тюремной стеной
Дымит среди сосен селенье.

Ворота открыты. Пестреют щиты —
Ну как обойтись без рекламы! —
«Войди в резервацию «Волчьи хвосты»!
Живые индейцы! Вигвамы!»

И, будто сошедшие с книжных страниц,
Ребята навстречу нам мчатся.
Сияют чумазые солнышки лиц.
Привыкли к чужим. Не боятся.

— Нам хочется есть! Не жалейте монет! —
Кричат и кричат голосисто.
Играть бы, учиться им надо... Да нет —
Пляши на потеху туристам!

Тут взрослые вышли неспешно во двор.
Тряхнув волосами густыми,
Оставили копья. И, радуя взор,
Цветистым созвездьем застыли.

Блестит изукрашенный ярко ремень,
Убранство на солнце искрится.
Недвижен тугих подбородков кремень.
Как бронза — прекрасные лица.

Сомкнулись индейцы в незыблемый ряд.
Глаза у гуронов горели...
Пронзительно в воздухе синем жужжат
Летящие быстрые стрелы.

Под бубны фигуры, крепки и стройны,
В размеренном танце качнулись...
И вдруг показалось, что детские сны
Ко мне ненадолго вернулись.

Не видел я больше решеток, оград...
Но тихо сказал мне канадец:
— Пойдем-ка, не то этот весь маскарад
Влетит нам в копеечку, братец.

Что деньги? Отдам я — и дело с концом —
Туристские доллары эти
Гуронам с открытым хорошим лицом
И вам, мои славные дети.

— Берите!
Но слышу в ответ:
— Погоди!
Обидел их?.. Зря торопился...
Над алым значком у меня на груди
Высокий индеец склонился.

Воскликнул он:
— Ленин! —
И воины все
Меня окружили стеною.
Орлиные перья в суровой красе
Склоняются передо мною.

Воскликнул он:
— Ленин! —
И снова к груди
На миг прикоснулся рукою.
— К Большому Медведю, пришелец, войди.
Увидеться хочет с тобою.

Замедлил я шаг у вигвама вождя,
Мне было чуть-чуть страшновато.
Повеяло смутно дыханьем дождя,
Дыханьем полыни и мяты...

На шкурах медвежьих в седой полумгле,
В душистой прохладе вигвама
Один из старейших вождей на Земле
Сидел неподвижно и прямо.

Глаза из-под белых косматых бровей
Спокойно и ясно глядели.
Он трубку курил. И клубился над ней
Дымок серебристой куделью...

— На землю, омытую реками слез,
Родную для нас и чужую,
Ты в сердце священное имя принес.
За это — «спасибо» скажу я.

Пускай мы бесправны... Везде и всегда,
Во всех испытаньях суровых,
Сквозь тьму и ненастье нам светит звезда —
Высокое Ленина слово!

Поднялся индеец, не чувствуя лет,
И сдвинул завесу с оконца.
Я замер, увидев чудесный портрет
В лучах заходящего солнца.

Он зернами выложен был и травой.
Руками и солнцем согретый,
Знакомо прищурившись, будто живой,
Ильич улыбался с портрета!

Усталые пальцы седых матерей
Любовно над ним колдовали.
В нем слышался шепот лугов и полей,
В нем пели озерные дали...

И верило сердце, что тьма — не навек,
Звенело, гудело набатом...
Шагнул мне навстречу седой человек,
И обнял меня он, как брата.

«АРТЕК» ПОМНИТ!

«Артеку» почти столько же лет, сколько пионерской организации. Это первый всесоюзный лагерь в стране. Сейчас артековцы живут в белоснежных многоэтажных корпусах, на стадион и в школу их возят яркие автобусы, свободное время пионеры проводят в обсерватории, кружках, игротеках, на экскурсиях.

Но хранит «Артек» память и о прошлом нашей страны. Возвышается над пионерской республикой памятник В. И. Ленину, имя которого с гордостью носит лагерь. Почетный караул сменяется у могилы Неизвестного солдата. Отряды отдают салют обелиску, сооруженному в память о пионерах-героях, бывших артековцах. В лагере «Морской» стоит бюст Пальмиро Тольятти, выдающегося деятеля коммунистического и рабочего движения.

А скоро в «Артеке» по решению XIX съезда комсомола будет воздвигнут монумент славы юных героев.

Сбор средств на этот памятник уже начался. Деньги на строительство монумента вы, пионеры, должны заработать сами — в лагерях труда и отдыха, собирая металлолом, макулатуру и лекарственные травы...

Внимание, юные художники, скульпторы, все, кто хочет принять участие в конкурсе на лучший эскиз монумента!

Ваши эскизы, проекты, рисунки присылайте в редакцию журнала. На конверте пометьте — «Монумент славы юных героев».

Внимание! Внимание! Кто носил и носит красный галстук! Становитесь друзьями пионерских отрядов и дружин!

«ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ»—так называется новая рубрика журнала «Пионер».

Всесоюзный Марш юных ленинцев под девизом «МЫ ДРУЖБОЙ ЛЕНИНСКОЙ СИЛЬНЫ!» ведет тебя и твой отряд от одной ВЫСОТЫ к другой.

Расскажи, как преодолеваете вы эти ВЫСОТЫ?

Давай вместе подумаем, к чему стремится твой отряд, дав ПИОНЕРСКОЕ СЛОВО?

Поделись опытом, что делаешь ты и твои друзья по отряду, чтобы ПИОНЕРСКОЕ СЛОВО не расходилось с ПИОНЕРСКИМ ДЕЛОМ?

Как понимаете вы, что значит ПИОНЕРСКАЯ ЧЕСТЬ?

Как готовитесь к ПИОНЕРСКОЙ ПОВЕРКЕ?

Как решаете для себя, кого можно назвать АКТИВНЫМ УЧАСТНИКОМ МАРША? Каким звеньям, отрядам и дружинам и за что присваивается звание ПРАВОФЛАНГОВЫХ?

«ПИОНЕР» ждет ответов на все эти и еще многие другие вопросы. Рубрика «ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ» приглашает на свои страницы:

ВСЕХ, кто хочет встретиться и подружиться с другими отрядами;

ВСЕХ, кто может предложить интересное и полезное дело и хочет знать о делах своих сверстников;

ВСЕХ, у кого есть, о чем рассказать, и тех, кто хочет выслушать мнение других.

Итак, начинаем наш разговор. Давайте знакомиться!

ДЕЛО, КОТОРЫМ МОЖНО ГОРДИТЬСЯ

Есть у твоего отряда дело, которым можно гордиться? Не спеши с ответом. Хорошенько подумай. И расскажи нам всем.

ШКОЛЬНАЯ КРОЛИКОФЕРМА —
вот дело, которым могут гордиться пионеры Стрижевской восьмилетней школы Житомирской области.

Они не мучили друг друга вопросами: чем нам заняться? Как прогнать скуку? Как подружиться? Собрались вместе и решили: поможем взрослым выполнить Продовольственную программу.

Не было долгих разговоров: как создать кролиководческую ферму? Где взять корм? Каждый принес для начала кроликов из дома. И корм тоже.

Когда появилась трава, стали собирать для кроликов траву. Потом дружно работали на сенокосе. Заготовили корма на зиму для своих кроликов и колхозу «Украина» помогли.

Кролики на школьной кролиководческой ферме расплодились. Их уже более ста штук было осенью, а сейчас, должно быть, и того больше.

ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ

ВСЕМ, кто и кто красный

Прежде всего прочитаем вместе письмо Светланы Ефимовны Журковской из города Риги.

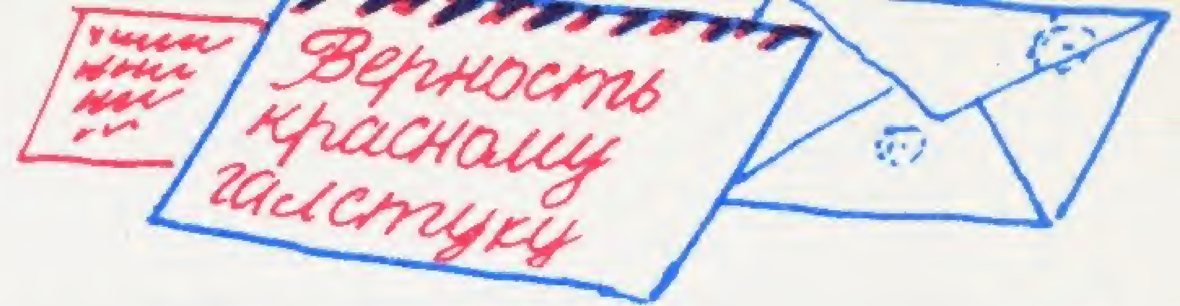
«В нашей семье радостное событие: самый младший, третьеклассник Алик, стал пионером. Мы все собрались за семейным столом, чтобы его поздравить. Алик принес из школы анкету под названием **«ПИОНЕРСКАЯ БИОГРАФИЯ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ»,** и вот мы все стали отвечать на вопросы этой анкеты. Когда соединили воедино все наши рассказы, то оказалось, что пионерская биография нашей семьи включила в себя все этапы пионерского движения нашей страны. Мы, конечно, и раньше знали, что наш дедушка был одним из организаторов первых пионерских отрядов в Бобруйске, в Белоруссии. Мы знали, что бабушка в конце двадцатых — начале тридцатых годов вместе со своим отрядом боролась с безграмотностью, помогала колхозам, собирала средства в фонд помощи нуждающимся детям, и было это в городе Минске. Мой муж, отец моих детей, Алексей Васильевич, был пионером в предвоенные годы, и мы все услышали от него, как помогали пионеры строителям Магнитки, и Кузбасса, и Комсомольска-на-Амуре. Как готовились к труду и обороне под лозунгом: «Пусть у каждого пионера и пионерки засияют три пионерских значка». И как во время блокады Ленинграда первыми поднялись на крыши домов, чтобы тушить зажигалки. Я была пионеркой в пятидесятые годы. Товарищи выбирали меня председателем совета отряда и членом совета дружины, но больше всего мне нравилось работать с младшими, с октябрятами и младшими пионерами — ходить с ними в походы, устраивать веселые игры и концерты. Мы пионеры разных лет, но у всех у нас были и есть общие песни: «Взвейтесь кострами», «Картошка», «Юный барабанщик»...

Мы впервые собрали нашу «биографию» и, знаете, о чем подумали: мы ведь очень многим можем помочь пионерскому отряду нашего Алика. Жаль, что никто нас об этом не просит. А самим

Молодцы ребята! В Продовольственной программе записано: «Увеличить производство мяса кроликов. Улучшить работу добровольных кролиководческих товариществ, полнее удовлетворять спрос населения на племенных кроликов». В эту большую

РАССКАЗ о музее Пионерской Славы.

ВСЕМ, носил носит галстук!

неудобно напрашиваться... Мы желаем всем юным пионерам настоящих интересных дел на пользу Родине и верности пионерскому галстуку. Мы ее пронесли сквозь годы».

Прочитали мы это письмо в редакции и подумали: предложим всем пионерам, всем пионерским отрядам и дружинам —

ЗАПИСАТЬ ПИОНЕРСКУЮ БИОГРАФИЮ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ,
ОРГАНИЗОВАТЬ МУЗЕИ ПИОНЕРСКОЙ СЛАВЫ,
ПОПРОСИТЬ БАБУШЕК И ДЕДУШЕК, ПАП И МАМ, РОДНЫХ И БЛИЗКИХ СТАТЬ СТАРШИМИ ДРУЗЬЯМИ И ПОМОЩНИКАМИ ПИОНЕРСКИХ ОТРЯДОВ И ДРУЖИН.

Внимание! Внимание!

Всем! Всем! Кто носил красный галстук! Становитесь друзьями пионерских отрядов и дружин! Передайте свои знания, умения, навыки пионерам отрядов и дружин, где учатся ваши дети и внуки, ваши младшие друзья! Смелее идите в пионерские отряды, организуйте походы, кружки, соревнования, художественную самодеятельность. Пусть не пропадет ваш опыт пионерской работы! Пусть вашу верность красному галстуку примут в наследство ваши дети и внуки!

Журнал «Пионер» созывает всех юных ленинцев, всех пап и мам, бабушек и дедушек — пионеров прошлых лет и просит принять участие во Всесоюзном пионерском сборе-поиске «Верность красному галстуку». Он пройдет на страницах журнала.

Всех, кто хочет участвовать в сборе-поиске, всех ребят и взрослых просим:

ОРГАНИЗОВАТЬ ОБЩИЕ ДЕЛА, а потом РАССКАЗАТЬ о них журналу,
ПРИСЛАТЬ ПИОНЕРСКУЮ БИОГРАФИЮ СЕМЬИ и РАССКАЗ о музее ПИОНЕРСКОЙ СЛАВЫ.

Ждем сообщений. На конверте пометьте: ВЕРНОСТЬ КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ.

КАК НАМ БЫТЬ?

Таким вопросом заканчиваются многие письма в редакцию. На этих страницах отряды встречаются, стараются подружиться, помогают друг другу. И отвечают на письма друзей.

КАК НАМ БЫТЬ? ЧТО ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ? — спрашивает в своем письме Лена Василькова из средней школы №5 города Павлодара. «Ребята грубят девочкам. Ни в чем не хотят участвовать. Девочки тоже не знают, чем заняться. Мне очень обидно за свой отряд, и я решила обратиться к вам за помощью. Как нам быть? Что делать дальше?»

Лариса Репина из города Рени Одесской области **ОТВЕЧАЕТ:** «Мы все хотели «что-то» придумать, и все не знали, что именно. А потом однажды собрались, и я решительно сказала: «Давайте покажем концерт нашим родителям, знакомым, всем желающим». И сама первой начала действовать. И постепенно все ребята ко мне присоединились. Кто-то принес из дома газеты, кто-то журналы, книги, песенники. Стали искать стихи, пьески, песни, клоунады. Потом вместе делали костюмы, декорации, афиши. И так все здорово получилось. Взрослые радовались, хохотали от души, а потом сами предложили нам устроить еще одну встречу и рассказать о своих профессиях. А потом они тоже устроили для нас концерт самодеятельности. Теперь нам всем хорошо, и жизнь пошла совсем другая. Если и вы, ребята, не знаете, как занять свободное время, начинайте с чего-нибудь, хоть с концерта. Вы не только развеселитесь, но и узнаете много нового, интересного, что потом пригодится вам в жизни».

РАЗВЕ ТАК МОЖНО? — спрашивает в своем письме девочка, которая не назвала себя, только поставила свои инициалы — Б. Т. из Новосибирска. «Живу с бабушкой. Папы и мамы у меня нет. Одеваюсь я не очень хорошо. Форма у меня старая и короткая. Но выглядит на мне аккуратно. Когда я пришла в новый класс (мы с бабушкой переехали), то все девчонки и мальчишки стали смеяться над моей формой и показывать на меня пальцами. Я закрыла лицо руками и выбежала за дверь. А мне вслед летели обидные слова. Ну, скажи, «Пионер», разве так можно? Как мне теперь быть?»

РЕБЯТА, ОТВЕТЬТЕ ДЕВОЧКЕ ИЗ НОВОСИБИРСКА И ЕЕ ОТРЯДУ!

* * *

Ребята, просим всех, кто пошлет письмо в нашу новую рубрику, ставить на конверте «ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ».

Ждем ваших писем!

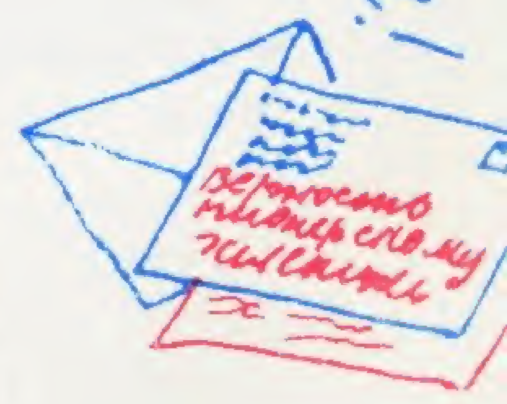

отрядов и дружин, где учатся ваши дети и внуки, ваши младшие друзья!

государственно важную работу внесли свой вклад и пионеры Стрижевской восьмилетней школы.

А ты, твой отряд, каким делом гордитесь вы? Напиши нам об этом.

БАРАБАНЫ ИГРАЮТ СБОР

Сейчас зима. Засыпаны снегом лесные поляны, где мы разводили костры, сугробы на лагерной линейке, поземка метет по берегу, на котором спят перевернутые шлюпки и швертботы... Но мы берем пачки фотографий или включаем кинопроектор — и возвращается август. Время, когда мы все были вместе.

Как в песне из нашего старого фильма про барабанщиков:

Так безжалостны
декабрьские рассветы,
Серый снег засыпал
дремлющие лодки.
Но опять среди зимы
приходит лето
По сигналу барабанщика
Володьки...

Лето прошлого года завершилось для нас праздником. К юнкорам-уральцам приехали товарищи из Обнинска, Калуги, Симферополя. Жили сначала в штабе отряда «Каравелла», потом в гостях у пресс-центра «Алый парус», в одном из пионерских лагерей под Первоуральском.

Как жили? Какие были у юнкоров дела? Для чего нужна была эта встреча?

Рассказывает отряд «СОЛЯРИС» (г. Обнинск).

Павел МОРОЗОВ, командир отряда:

Мы решили: едем на Урал к «Каравелле» и «Алому парусу», с которыми давно хотели встретиться. С нами был юнкор из калужского пресс-центра «Звездный» Ясик Столярский. На несколько часов раньше нас приехали в Свердловск симферопольцы из отряда «Синий краб — зюйд». И таким образом собрались представители пяти юнкоровских отрядов из разных мест...

Кирилл ВАНЬКОВ, юнкор:

Ребята из флотилии «Каравелла» научили нас фехтованию, и между отрядами состоялся мушкетерский турнир. Мы ходили под парусами по Верх-Исетскому озеру. Отряд «Алый парус» водил нас на экскурсию в музей Александра Степановича Грина, который они создали в Первоуральске. Почти каждый вечер мы смотрели фильмы, которые сняли сами ребята. Много было развлечений, но корреспондентской работы не меньше...

Саша КРАМАРОВ, юнкор:

Приехав в лагерь, первым делом мы выбрали название для газеты. Им оказалось веселое выражение «Каррамба». Потому что решили: газета тоже должна быть веселая и задиристая. Правда, сначала было много споров из-за названия, но все-таки «Каррамба» осталась. В тот же день вышел первый номер. И затем газета появлялась ежедневно.

Сразу же мы составили план на всю двухнедельную смену: когда поездка в Кунгурскую пещеру, когда костры, когда работа в совхозе, когда игры и соревнования, когда учеба юнкоров. По-моему, смена прошла удачно. Это я считаю потому, что получил ответы на вопросы, которые меня волнуют.

Славик ЛЕНКОВ, командир сводного отряда барабанщиков:

Еще до подъема вставали барабанщики и потом своим утренним сигналом будили весь лагерь. Начиналась линейка, и на ней обсуждались дела, которые мы должны сделать за день.

За смену у нас несколько раз были костры, там мы еще больше подружились с другими отрядами. А в конце смены у нас прошла юнкоровская пресс-конференция...

О пресс-конференции надо рассказать подробнее. Именно она помогла Саше Крамарову из «Соляриса» и многим другим юнкорам получить ответы на вопросы, которые их волновали. Во многом разобраться и принять твердые решения.

Тема была серьезная: **«Юнкоры страны и наше время».** Какие же вопросы обсуждали ребята? Вот какие.

Кем должен стать юнкор? Служить только «зеркалом», добросовестно отражающим события, или активно влиять на жизнь? На жизнь своего отряда, дружины, школы, иногда города и в итоге — на жизнь всей пионерии, всей страны?

Что означает право на вмешательство? Есть ли у юнкора право вмешиваться в серьезные дела, ставить важные вопросы?

Почему во многих школах нет настоящих пионерских стенгазет — боевых, самостоятельных, регулярных? Таких, у которых толпятся и спорят читатели?

Кто должен быть «хозяином» пионерской стенгазеты, радиостудии, киножурнала? О чем должны рассказывать эти выпуски?

Каким должен быть сам юнкор? Достаточно ли иметь репутацию успевающего и послушного ученика, чтобы оказаться в редколлегии? Достаточно ли уметь живо написать о чем угодно, чтобы считаться активистом пионерской печати? Не секрет, что достаточно таких «активистов», которые лихо строчат репортажи, умело читают доклады, а больше не могут ничего — ни гвоздя вбить, ни дерева посадить, ни модели построить, ни товарища выручить из беды...

Обсуждение было горячим. Очень оживился и то и дело поднимал руку обычно молчаливый калужанин Ярослав Столярский, когда речь зашла о стенгазетах. По нескольку раз вскакивали на скамейки лагерной эстрады симферопольцы Игорь Лозовицкий и Сержик Худолей — свое мнение о юнкорах и их работе у них было четким, твердым, но так хотелось высказаться подробнее... Олег Денисенко из «Соляриса» и Олег Кононов из «Алого паруса» доказывали, что, если юнкор только «зеркало», то это и не юнкор вовсе. Он должен быть не только старательным и честным, но и активным, непримиримым... Дима Пыхтеев из «Каравеллы» подготовил целый доклад о праве на вмешательство и критику, но доклад этот часто перебивали: не потому, что возражали, а каждому хотелось Димку поддержать, добавить свое...

Мы перечитываем стенограмму выступлений, которую добросовестно вела капитан «Каравеллы» Наташа Гарина, и видим: говорили горячо, шумели, но... споров не было. Потому что вскоре выяснилось: все юнкоры по главным вопросам придерживаются одинаковых точек зрения. Если и спорили, то, пожалуй, об одном: как эти точки зрения лучше отстаивать на практике, в повседневной юнкоровской работе. Потому что у настоящего юнкора жизнь нелегкая, она часто похожа на жизнь взрослых журналистов, а у тех профессия почти солдатская: то в походе, то в суровой разведке, то в жаркой схватке.

Все знают: юнкорам и целым юнкоровским отрядам бывает трудно. И гораздо легче работать, если вместе. И вот в конце разговора встал вопрос, который давно носился в воздухе:

— А почему юнкоровские отряды, у которых столько общего, живут отдельно? Почему видятся лишь изредка, связь поддерживают кое-как, а если и делают общие материалы, то от случая к случаю? Смотришь, возник где-то юнкоровский пресс-центр, развернули ребята прекрасные дела, а через полгода нет пресс-центра. Не справились одни...

Юнкорам нужно объединение, чтобы в своей работе всегда быть вместе. Чтобы сразу — в разных городах — дружно откликаться на задания пионерских редакций. Чтобы держать друг друга в курсе корреспондентских дел. Обмениваться стихами и репортажами, рассказами и корреспонденциями. Регулярно встречаться. Вместе проводить рейды и операции. Помогать друг другу, если трудно.

У собравшихся отрядов очень похожие юнкоровские уставы — их основные пункты одинаковы. И вообще много похожего: даже форма, даже высокие — суворовские — барабаны. И песни у них одни и те же... Но главное — кто такие юнкоры и какая у них задача, ребята понимают одинаково. И у всех одно желание — как можно активнее участвовать во Всесоюзном пионерском Марше юных ленинцев, стараться, чтобы нигде не гасли огоньки романтики, интереса, активности. Ведь недаром XIX съезд комсомола столько внимания уделил развитию инициативы в отрядах и дружинах, воспитанию самостоятельности у пионеров...

В тот августовский день, собравшись на открытой лагерной площадке, юнкоры дружно решили: здесь ребята из пяти городов, и пусть у нас будет юнкоровское объединение **«ЗВЕЗДА»**. И придумали эмблему: пятиконечная звездочка с чуткими антеннами на боковых крыльях. И отправили в наш журнал «Пионер» телеграмму с просьбой считать нас юнкоровским объединением журнала.

...Потом, уже в Свердловске, была торжественная линейка. Сводный отряд барабанщиков «Звезды» дружно сыграл сигнал построения...

Мы смотрим кинохронику августа, и опять вспоминает-

Юнкоры выпускали пионерскую стенгазету.

ся «Песня барабанщика Володьки»:

...И мальчишка-ветер
теплою ладошкой
Осторожно бьет
по барабанной коже —
И встают в шеренгу
Саня и Антошка,
Дима с Лешкою,
Андрюшка и Сережка...

Встают барабанщики отрядов: Игорь, Славик, Ксеня, Франтишек, Гриша, Володька... Встают в шеренги юнкоровские отряды.

Мы хотим, чтобы в этих шеренгах юнкоров было как можно больше. Пусть у «Звезды» будет много-много лучей. Мы зовем в ряды юнкоровского объединения при журнале «Пионер» пресс-центры, форпосты, отряды, редколлегии и просто боевых, любящих корреспондентскую работу ребят. Всех, кто согласен с основными пунктами нашего общего юнкоровского устава:

Ночью и днем, в любое время года, в любую погоду каждый из нас готов к выполнению задания редакции, пресс-центра, отряда. Я сделаю все, чтобы выполнить задание точно и в срок.

* * *

Я вступлю в бой с любой несправедливостью, подлостью и жестокостью, где бы их ни встретил. Я не стану ждать, когда на защиту правды встанет кто-то раньше меня.

* * *

Я никогда не обижу того, кто меньше или слабее. Всегда буду помощником и защитником младшим товарищам.

* * *

Если мне когда-нибудь станет страшно, я не отступлю. Смелость — это когда человек боится и все-таки не сворачивает с правильной дороги.

* * *

Везде и всегда буду помнить, что состою в юнкоровском пионерском отряде, и никогда не сделаю ничего, что может подвести отряд, уронить звание юнкора.

* * *

Я могу поссориться с друзьями, обидеться на всех ребят, но даже в этом случае я не покину отряд в трудном деле, в важной работе или походе, потому что это — предательство.

Эти правила рождены долгим опытом, а иногда буквально «выстраданы» в таких юнкоровских отрядах с большим стажем, как «Каравелла», «Алый парус», «Солярис». Они есть и у многих других отрядов.

Но, разумеется, одних этих правил мало. Юнкор — прежде всего член Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Главные законы для него — Законы юных пионеров. Он их должен помнить всегда — не просто так, не потому, что выучил, когда вступал в пионеры, не потому, что «могут спросить». А для того, чтобы они были для него руководством каждый день — во всей жизни и работе.

...Отгремели барабаны торжественного сбора, и юнкоры взялись за работу. Новый учебный год, новые дела, новые заботы.

Вместе с поздравительной телеграммой «Пионер» прислал юным корреспондентам «Звезды» задание: подготовить беседу за «круглым столом» дискуссионного клуба «За и против» на тему «Юнкоры страны и наше время». Всех, кто хочет принять участие в этом разговоре, просим ответить на вопросы, возникшие на нашей пресс-конференции. Вы их уже прочитали на странице 13 этого номера журнала.

До встречи в клубе «За и против».

Материал подготовлен редакционной группой юнкоровского объединения «Звезда» по записям участников сбора.

Фотографии пресс-центра «Каравелла».

Юрий ЯКОВЛЕВ

ОСТАЕШЬСЯ ЗА МЕНЯ

или Иван-Виллис

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО.

1

Сколько я себя помню, мы жили над озером в рубленом трехэтажном доме. Улица кончалась под нашими окнами, и дальше шел пологий спуск к воде, поросший кустами ежевики и редкими кряжистыми вязами. В мощном стволе одного дерева зияла большая сквозная дыра — след удара шаровой молнии. Как-то ночью весь дом был разбужен оглушительным треском, напоминающим взрыв. Дом качнуло, стекла задребезжали. А утром в теле старого дерева обнаружили пахнущее горелым круглое окно. Если посмотреть на него со стороны озера, виден наш дом: серебристые от времени бревна и покрашенная ярким суриком крыша с трубами и антеннами. А если обойти дерево и заглянуть с другой стороны — синеет вода.

Озеро, как старое помутневшее зеркало, отражало весь окружающий меня маленький мир: насосную станцию, мачты электропередачи, фонари, густую щеточку камышей, облака и далекие синеватые горы, которые всегда казались мне недоступными и нереальными. Когда поднимался ветер и вода покрывалась морщинками — отражение коверкалось и получалось, что озеро не отражает, а передразнивает, как кривое зеркало.

Однажды, возвращаясь домой из школы, я увидел странную машину с выпуклыми старомодными фарами и брезентовым верхом. Крылья у нее были ребристыми, а сзади, как жирная круглая печать, был припечатан запасной баллон. Эту машину с криком и гиканьем катила по мостовой ватага ребят.

Я хотел было тоже принять участие в этой забаве, но ребят оказалось так много, что мне не хватило места, и, размахивая сумкой, я побежал рядом. В кабине я увидел большого краснолицего человека в брезентовом плаще с капюшоном, похожим на слоновое ухо. Не обращая внимания на гиканье ребят, водитель спокойно держал руки на баранке руля, словно машина шла своим ходом.

Большие отцовские сапоги гремели о камни и, казалось, вот-вот спадут с ног, но я то забегал вперед, то отставал, все искал себе место. Наконец не выдержал и вклинился в самую гущу ребят. Кто-то ударил меня локтем, кто-то сильно толкнул в грудь. Я упал на мостовую и больно ушиб коленку. А машина уже скрылась за поворотом. Тогда я поднялся и, прихрамывая, побежал за ней.

Возле бензоколонки водитель махнул могучей рукой и крикнул:

— Стоп!..

Машина остановилась. Ребята стали расходиться. А водитель выбрался из кабины. Он был крупным полным человеком, с красным одутловатым лицом. Остатки бурых вьющихся волос венчиком лежали на большой тяжелой голове.

Я хотел уйти вместе с ребятами, но какая-то сила удержала меня. И пока водитель, нагнувшись к маленькому окошку, переговаривался с заправщицей, я тайком юркнул внутрь и примостился на заднем сиденье рядом с потертым чемоданом из свиной кожи.

Залив полный бак, водитель достал заводную ручку и так крутанул, что машина вздрогнула. Но завести ее оказалось не таким простым делом. И

пока водитель делал тщетные попытки оживить старый автомобиль, за нами образовалась целая очередь машин. Шоферы нервничали, сигналили, кричали: «Эй, дядя, давай быстрее!..», «Приехал на колымаге, людей задерживаешь!», «Да откатите вы его, он до вечера не заведется...»

Наконец машина уступила усилиям своего немолодого хозяина и завелась. Тогда он, презрительно взглянув на насмешников, занес свою огромную ногу и, с трудом втиснувшись в кабину, опустился на сиденье. Машина накренилась, заскрипела, готовая развалиться под его тяжестью. Но не развалилась — медленно покатила по улице.

Я доверился судьбе и, забившись в угол, помалкивал. Куда привезет меня эта странная машина? Я был уверен, что водитель не заметил меня. Но едва мы отъехали от колонки, он, не оборачиваясь, сказал:

— А в Будапеште идут дожди... что немаловажно!.. Тебе куда?

— Все равно,— отозвался я.

И снова мы ехали молча.

— У вас в доме никто не сдает жилье? — снова обратился ко мне водитель.

— Макавеиха сдает,— подумав, ответил я.— Только дерет дорого. И ей обязательно, чтобы был одинокий непьющий мужчина.

— Я и есть одинокий и непьющий. Тебя как зовут?

— Елкин... Валера!

— Дядя Аполлон,— через плечо представился шофер.— Фамилия — Голуб. Как нам ехать?

— Прямо! До самого озера.

Переваливаясь с боку на бок, машина покатила по длинной зеленой улице.

И тут, движимый мальчишеским любопытством, я спросил:

— Откуда у вас такая машина?

— Нашел на свалке! — невозмутимо ответил дядя Аполлон и провел рукой по венку уцелевших волос.

— На свалке?! — Я почувствовал, как лицо мое вытягивается от разочарования.

Но дядя Аполлон не заметил перемены в моем настроении.

— Обычно все истории заканчиваются на свалке, а тут все началось по новой,— задумчиво произнес он.— Я еду на автопогрузчике среди гор ржавого железа и вдруг вижу — автомобиль. Старый знакомый, фронтовой друг, можно сказать! Стоит и смотрит на меня печально, словно чувствует, что через мгновение тяжеленная клин-баба рухнет на него и превратит в железную лепешку. И фары, как глаза, спрашивают меня: «Помнишь, сколько раз я спасал тебя от смерти?» Как не помнить! Я тут же соскочил на землю и бросился к нему, не беря в толк, что над головой покачивается клин-баба весом в полтонны... Очнулся я от крика крановщика: «Голуб! Тебе жить надоело?». «Ладно,— отвечаю,— все обошлось. Я друга фронтового встретил. Мы вместе с ним пол-Европы исколесили, что немаловажно». А сам глажу его, рассматриваю знакомые вмятины, царапины, следы от пуль и осколков. Подогнал я автопогрузчик, мягко подхватил автомобиль, словно взял его на руки, и повез в безопасное место.

Дядя Аполлон разволновался, заново переживая встречу с фронтовым другом. А мне не терпелось поскорее узнать, что было дальше.

— Что было дальше? Написал заявление и отправился к начальнику шихтового двора, так называется эта железная свалка. «Что у тебя, Голуб?» «Заявление... если не возражаете». Протягиваю ему бумагу, а он читает, и брови у него от удивления лезут на лоб. «Зачем тебе эта развалюха? Тебе как ветерану «Запорожец» полагается вне очереди». «Не нужен мне «Запорожец»,— говорю,— дайте мне мой фронтовой автомобиль... В память о Великой Отечественной». «Что ты с ним будешь делать? Безумный!» «Ремонт сделаю, кое-кого навестить съезжу». Начальник долго думал, потом махнул рукой: «Ладно, забирай своего козла!»

Дядя Аполлон закончил рассказ. Вдали показался наш дом.

Еще никогда в жизни я не подъезжал к своему дому на машине, и когда тормоза скрипнули и автомобиль, качнувшись, замер перед подъездом, мое сердце наполнилось гордостью.

— Будем разгружаться, если не возражаешь,— сказал дядя Аполлон и, выйдя из машины, легко извлек большой пухлый чемодан, который в его руках казался пустым.

Мы вошли в подъезд. Я постучал. Дверь открыла Макавеиха. Она была в шлепанцах и старом засаленном халате. Темная прядь волос небрежно выбивалась из-под платка. Бесцветные глаза враждебно уставились на меня:

— Тебе чего, Елкин?

— Вот привел вам... жильца.

— Тебя просил кто-нибудь? — Она разговаривала со мной так, словно я доставил ей неприятность.

— Я только дорогу указал.

— Любезный! — криво усмехнулась Макавеиха. И наконец удостоила дядю Аполлона вниманием: — По объявлению? Заходи, поговорим... А ты гуляй, Елкин!

И, пропустив будущего жильца, вызывающе захлопнула дверь перед моим носом.

— А в Будапеште идут дожди,— пробормотал я и зашагал прочь.

Когда я переступил порог своего дома и из прихожей заглянул в комнату, то увидел нежданную гостью: за столом на краешке стула сидела моя учительница Жанна Сергеевна. Перед ней стоял непочатый стакан чая. Мать сидела напротив, уронив голову на грудь.

Я незаметно проскользнул в кухню, надеясь здесь переждать грозу. Но в дверях кухни тут же появилась мать.

— Идем. Жанна Сергеевна ждет тебя.

Учительница посмотрела на меня сквозь большие очки, которые смешно сидели на ее маленьком носике, и строго спросила:

— Елкин, что будем с тобой делать?

— Не знаю! — Я в самом деле не знал, что со мной делать.

— Ты не знаешь, я не знаю, родители не знают. Придется обращаться в Академию педагогических наук.

— В Академию наук! — всхлипывая, воскликнула мама.

Учительница поморщилась. И вдруг, подойдя ко мне, в упор спросила:

— Ты почему не учишься?

— Скучно,— чистосердечно признался я.

— Скучно! — взорвалась учительница.— Ему скучно! Да, школа не цирк. Веселье не предусмотрено. Вот оставлю тебя на второй год, совсем будет скучно... Послушай, Елкин, у тебя есть цель жизни или нет?

— Нет!

Возле бензоколонки машина остановилась. Водитель выбрался из кабины.

— Плохо, Елкин.

Жанна Сергеевна осмотрела меня с головы до ног, и ее взгляд остановился на сапогах.

— Что это у тебя на ногах за бахилы?

— Отцовские.

Жанна Сергеевна наступила своей легкой туфелькой на грубый носок сапога и вдавила его.

— Видишь, какие большие... Думай и решай, Елкин, как будешь жить,— сказала она и решительно направилась к двери.— И вы, Вера Федоровна, думайте и решайте!

Дверь захлопнулась. И тут мама встрепенулась.

— Вам легко говорить, Жанна Сергеевна,— крикнула она вслед ушедшей учительнице.— «Думайте и решайте»! А мне маяться. Школа называется. Повернулась и ушла.

И тут заработал приемник и зазвучал знакомый голос первого космонавта. Я сразу забыл, что надо было думать и решать, забыл про разбитую коленку.

Приемник работал с треском. Глуховатый голос Гагарина звучал слабо, словно доносился не из Москвы, а из далекого космоса:

«...Мне хотелось понаблюдать Луну, узнать, как она выглядит в космосе. Но, к сожалению, ее серп во время полета находился вне поля моего зрения. «Впрочем,— подумал я,— увижу ее в следующем полете...»

Я колдовал над старым приемником, сквозь шумы и помехи помогая прорваться голосу Гагарина:

«Мои планы на будущее такие: хочу посвятить свою жизнь и работу новой науке, занимающейся завоеванием космического пространства... Хочу побывать на Венере, увидеть, что находится под ее облаками, увидеть Марс и самому убедиться, есть ли на нем каналы...»

— Тебе чего, Елкин? — спросила Макавеиха.
— Вот привел вам жильца.

На другой день утром, гремя отцовскими сапогами и размахивая сумкой, я вышел из дома и уже собрался идти в школу, но, увидев у подъезда знакомую странную машину, остановился.

Двигатель работал, из недр автомобиля доносились веселые перестуки и фырчанье. А левое крыло в такт двигателю слегка позванивало. Кузов цвета жухлой травы был сильно побит — сразу видно, машина много поездила на своем веку, много повидала. Вообще она больше напоминала трудягу грузовичок, чем легковушку, но для грузовичка была слишком мала.

И тут из подъезда вышел дядя Аполлон. Он был при полном параде: в черном костюме, в белой рубахе с галстуком, который, правда, был неумело завязан и топорщился. На пиджаке позвякивали кружочки медалей, а с правой стороны на лацкане вишневым цветом алел орден Красной Звезды.

Дядя Аполлон был в прекрасном расположении духа и напевал свою любимую песню:

И на груди его сияла
Медаль за город Будапешт.

Двигатель работал, из глушителя вился голубой дымок. Над озером поднималось солнце.

— Еду представляться начальству! — весело сообщил дядя Аполлон и, заметив мой интерес к машине, спросил: — Нравится?

Ему хотелось услышать от меня похвалу. Но я ничего не ответил, только пожал плечами.

— Ты, Валера, не смотри, что он неказист. Он пушку может тащить, сорокапятку. И поболее того... Я на нем Командира возил! — воскликнул новый жилец, изо всех сил стараясь поднять в моих глазах свой неказистый автомобиль.— Хорошая проходимость, две ведущие передачи. Недавно перебирал двигатель, поршни как новые. Кольца, правда, пришлось заменить...

Я не знал, что такое «ведущие передачи» и какие «кольца» пришлось заменить, но чувствовал, что это хорошо рекомендует странную машину. И приличия ради спросил:

— А какая это марка?

Новый жилец посмотрел исподлобья, словно почувствовал в моем вопросе подвох, и с вызовом ответил:

— Иван-виллис — так зовут его.

— Кого... его?

— Ба! Вот непонятливый,— воскликнул дядя Аполлон.— Его!

И, как по плечу, своей большой ручищей похлопал машину по железному крылу. Словно она существо одушевленное, имела, стало быть, имя и была, то есть был, мужского рода.

— Машина — Иван? — удивленно переспросил я.

— Имя — русское, фамилия — американская,— пояснил мой новый знакомый.— А теперь мне пора ехать, если не возражаешь.

Он занес ногу... и тут машина заглохла.

— Белиберда! — воскликнул дядя Аполлон и быстро залез в машину.

Взвыл стартер. Машина не завелась. Еще раз, еще раз. Тщетно!

— Так можно и аккумулятор посадить! — воскликнул дядя Аполлон и вылез из машины с заводной ручкой.

Несколько раз крутанул. Потом открыл капот, покопался и с грохотом захлопнул капот.

— Валера! Сядь на мое место, когда схватится, жми на газ... Ты знаешь, где педаль газа? Эх, молодо-зелено!

Я забрался на место водителя. Дядя Аполлон показал, где находится педаль газа. И снова взялся за ручку.

Машина вздрагивала. Гремела. Пот струйками тек по лицу шофера. Медали звенели, галстук съехал на сторону.

— Не перекачивай! — временами кричал мне дядя Аполлон.— Не жми все время на педаль.

Он кряхтел, охал, маленькие глаза вылезали из орбит, на шее шнурком вздулась жила. А внутри автомобиля что-то гремело, скрипело и всхлипывало, словно водитель крутил ручку огромной мясорубки и рывками перемалывал железные внутренности своей машины.

Когда Иван-виллис наконец пожалел своего хозяина — заработал, вид у дяди Аполлона был плачевный. Венчик волос растрепан. Белая рубашка утратила свежесть, галстук съехал на сторону.

Вечером моросил невидимый майский дождь. Иван-виллис стоял на месте, и только щетки-«дворники» двигались из стороны в сторону, очищали ветровое стекло от мутной дождевой пленки. Они образовывали два вееровидных окошка. Перед одним окошком сидел дядя Аполлон, перед другим — я.

Дядя Аполлон обучал меня премудростям вождения.

— Выжимаешь педаль сцепления,— говорил он и так сильно нажимал на педаль своей ножищей, что раздавался скрип.— Затем включаешь первую передачу — налево вперед. Даешь немного газку правой ногой и плавно отпускаешь сцепление. Усвоил?

— Усвоил! — откликался я.

— Потом снова выжимаешь сцепление и рычаг — влево — на себя...

Тут он замолчал, задумался. Забыл своего ученика.

И тогда я осторожно спросил:

— Были у начальства?

— Был,— не сразу ответил дядя Аполлон.— Поцеловал замок. Соседка сообщила — отдыхают, приедут через неделю.— Он повернулся ко мне всем своим могучим торсом, и его маленькие глаза заблестели.— Подождем, правда, Валера? Нам спешить некуда. Я пока тебя шоферскому делу пообучаю. После второй передачи включается какая?

— Третья!

— Верно. Выжимаем педаль сцепления...

2

С приездом дяди Аполлона никаких перемен в жизни нашего дома не произошло, только раньше наш дом называли «последним домом на улице», а теперь его стали величать иначе — «дом, у которого стоит машина».

Дядя Аполлон ежедневно появлялся у своей машины в темном замасленном комбинезоне, делавшем его похожим на огромного ребенка в ползунках. Он раскладывал на земле инструмент, потом открывал капот и надолго погружался в недра мотора. Были видны только две широкие штанины и сапоги. Первое время мне казалось, что дядя Аполлон засыпает там. Но однажды, разжигаемый любопытством, я заглянул внутрь и увидел, как новый сосед старательно подкручивает какие-то гайки, перебирает провода в цветной оплетке, нажимает на рычажки. Иногда он засовывал руку вглубь по самое плечо, видимо, пытаясь дотянуться до какого-то труднодоступного органа. Он напоминал врача, который возвращал к жизни больного. А Иван-виллис терпеливо и безропотно переносил все операции.

Из-под автомобильного капота дядя Аполлон выбирался весь красный, перемазанный, струйка черного пота текла по его необъятному лбу, и он стирал ее рукавом комбинезона.

Окончив эту операцию, дядя Аполлон с грохотом захлопывал капот и брался за заводную ручку. И снова начинались настоящие мучения. Случалось, что, так и не добившись успеха, он сокрушенно говорил: «Не хочет» — и с обиженным видом отходил от машины.

А Иван-виллис виновато смотрел ему вслед выпуклыми глазами-фарами.

Обычно в такие минуты рядом оказывался наш управдом, подходил бесшумной волчьей походкой и замирал. У него было вытянутое лицо какого-то безжизненного пепельного цвета, тяжелая челюсть и скучные глаза. Он все время сутулился, отчего его спина плоским горбом наползала на шею. Когда управдом говорил, то не смотрел в лицо собеседнику, а опускал глаза в землю.

— Не заводится? — спрашивал он, хотя прекрасно видел, что не заводится.

— Он ведь не новый,— пытался оправдать своего друга дядя Аполлон,— на войне были плохие дороги...

— На войне все было плохое,— глухо поддакивал управдом, словно часть голоса оставалась внутри.

— Ба! Все плохое? Не скажите! Много было и хорошего. Товарищи были хорошие. И Иван-виллис был хорошим,— не соглашался дядя Аполлон.

Управдом усмехался, но глаза его оставались скучными. А старый вояка распалялся, в ту же минуту прощал своему автомобилю упрямство и яростно начинал крутить ручку гремящей мясорубки. При этом напевал под нос свою любимую песенку, из которой я запомнил только две строчки:

И на груди его сияла
Медаль за город Будапешт...

В конце концов Иван-виллис уступал упрямству хозяина и заводился. Прежде чем ожить, он кашлял, подвывал и, наконец, вздрагивая и звеня всеми своими винтиками и гайками, начинал работать.

В дружбе человека и машины последнее слово было всегда за машиной. Пожелает Иван-виллис — покатит, не пожелает — так и будет стоять, словно врос колесами в землю.

Справедливости ради надо сказать, что Иван-виллис редко возвращался домой своим ходом. Чаще всего сердобольный самосвал вез его на буксире. И тогда у обоих — у хозяина и его старой машины — вид был сконфуженный, виноватый и вместе с тем счастливый. Ведь они смогли, сорвались с места, мчались по дорогам, как в былые годы. Ну, а если в конце пути не хватило силенок, что поделаешь!

Куда уезжал дядя Аполлон в те счастливые дни, когда Иван-виллис заводился?

Я хотел расспросить его об этом, но каждый раз не решался.

В тот день, жалея своего друга, автомобиль завелся! Лицо дяди Аполлона, грязное от железа и масел, посветлело, а маленькие глаза радостно засветились. Он быстро сгреб инструмент, стянул с себя пропахший бензином комбинезон и, приблизившись к машине, с трудом втиснулся внутрь, опустился на сиденье. Иван-виллис качнулся, дал пулеметную очередь и выпустил из глушителя синее ядовитое облачко.

— Поехал,— весело объявил мне дядя Аполлон,— если не возражаешь. Ха! Ха!

И машина сорвалась с места.

Я смотрел вслед и жестоко завидовал дяде Аполлону. В мечтах я тоже сжимал баранку руля и мчался легко и весело, как дядя Аполлон.

Но как раз в эту минуту за моей спиной раздался глухой, словно доносившийся из соседней комнаты голос управдома:

— Поехал калымить!

«Калымить». До меня не сразу дошел смысл этого слова.

— Как? — растерянно спросил я.

— Очень просто. Он ежедневно на вокзал ездит, деньгу зашибает. За тем и приехал. А ты что думал, Елкин?!

Что думал Елкин? Елкин думал, что все это не так, не может быть так, не должно быть. Он думал и шел к вокзалу. Сперва шел, а потом побежал.

На вокзальной площади среди ожидающих машин я сразу увидел Ивана-виллиса. Подошел к нему, заглянул внутрь. Никого! Издалека донесся гудок паровоза.

Когда я вышел на перрон, прибывал поезд дальнего следования и было много народу. Встречающие махали руками, бежали за вагонами. Носильщики проворно катили легкие пустые тележки.

И тут в толпе возникла могучая фигура дяди Аполлона. Он шел вдоль состава и тоже посматривал в окна вагонов.

Я спрятался за колонной, чтобы не попадаться ему на глаза, и стал наблюдать.

Но вот поезд тронулся. Приехавшие и встречающие стали расходиться. Шумно разговаривая, делясь впечатлениями, они шли мимо меня, но среди них дяди Аполлона не было, он никому не подносил вещи, никого не вел к своей машине. Когда же перрон опустел, я снова увидел своего нового друга — он стоял на краю платформы. Вид у него был угрюмый и растерянный. Он даже не заметил, как я подошел к нему.

— Дядя Аполлон!

— Это ты? — Он поднял тяжелую голову.

— Дядя Аполлон, что же вы не калымите?.. Люди расходятся...— сказал я.

Дядя Аполлон поморщился, словно, как и я, не сразу понял, о чем его спрашивают. Слово «калымите» дошло до него с опозданием.

— Подожди, подожди. Ты это про что? Ты сам так подумал?

— Управдом,— тихо произнес я.

— И ты поверил?

Я пожал плечами.

— Ты решил проверить? Правильно! — воскликнул дядя Аполлон.— Прежде чем поверить, надо проверить!.. У нас люди часто на слово верят всякой белиберде. В жизни много напраслины.

Мне показалось, что старый вояка сразу стал беспомощным, растерялся, в одно мгновение утратив всю свою силу.

Так мы шли по пустой платформе, и я чувствовал себя пристыженным, словно был заодно с нашим недобрым управдомом. А дядя Аполлон не рассердился, не отругал меня за подозрение, только спросил:

— Знаешь, что такое пиксида?

Я не знал и покачал головой.

— Пиксида — склянка для яда. Это мне одна аптекарша объяснила.

Больше он ничего не сказал, но с тех пор я про себя стал называть нашего управдома аптекарским словом «пиксида».

Молоденький носильщик, катя мимо свою тележку, подмигнул дяде Аполлону и сказал:

— Тебе, дядя, к нам надо идти работать. С твоей силищей цены тебе не будет!

— Вполне вероятно,— пробормотал дядя Аполлон. И прибавил шагу.

— Да, каждый день я прихожу сюда к поезду южного направления... Что кое-кому может показаться подозрительным,— вдруг заговорил дядя Аполлон.— А все объясняется очень просто. Я приехал в гости к Командиру, а он отдыхает на юге, поддерживает свое здоровье. Со дня на день должен приехать. Разумеешь? Мы с ним пятнадцать лет не виделись... Вот приедет, мы на рыбалку съездим. Он рыболов заядлый! На озере Балатон сколько глушеной рыбы было — не брал. «Только та рыба — рыба,— говорил он,— которую сам на крючок поймаешь...» Может быть, мы с ним поохотимся. Тут на озере должны быть утки... Знаешь, какой он ходок — за ним не угнаться!

Мы вышли на вокзальную площадь. Сели в машину. А дядя Аполлон все рассказывал о своем Командире, и глаза его радостно блестели:

— Он насмешником был. Ему на язык лучше не попадайся. Видишь, какая у меня голова?

— Большая.

— Большая. Так он мою голову кумполом называл. «На моего Голуба,— говорил он,— ни одна каска не лезет. Таких касок вообще не штампуют!» Что верно, то верно. Всю войну прошагал в пилотке да в шапке из рыбьего меха. Но бог миловал, ранения в голову не имею... Что немаловажно!

Дядя Аполлон включил мотор. Потом выглянул из кабины, посмотрел на небо и начал рассказывать:

— Стоял ясный, солнечный день. Весной сорок четвертого года мы форсировали реку Прут возле села Старый Бодраж...

Как я потом заметил, все свои рассказы о войне дядя Аполлон обычно начинал словами «Стоял ясный, солнечный день», будто всю войну только и были ясные, солнечные дни.

— Помню белые глинистые берега, сухой, как солома, прошлогодний камыш... Я только переправился с ротой ПТР, как фашисты открыли минометный огонь. И я за здорово живешь получил осколок мины в ногу.

Дядя Аполлон притормозил, принялся сквозь штанину нащупывать старую рану и, только убедившись, что шрам на месте, продолжал рассказ:

— Меня отнесли в хату, разрезали ватные штаны, забинтовали ногу индивидуальным пакетом и дали глотнуть из кувшина румынского вина, чтобы не так было больно. А потом на перегруженной лодке переправили обратно в Старый Бодраж и на волах повезли в тыл...

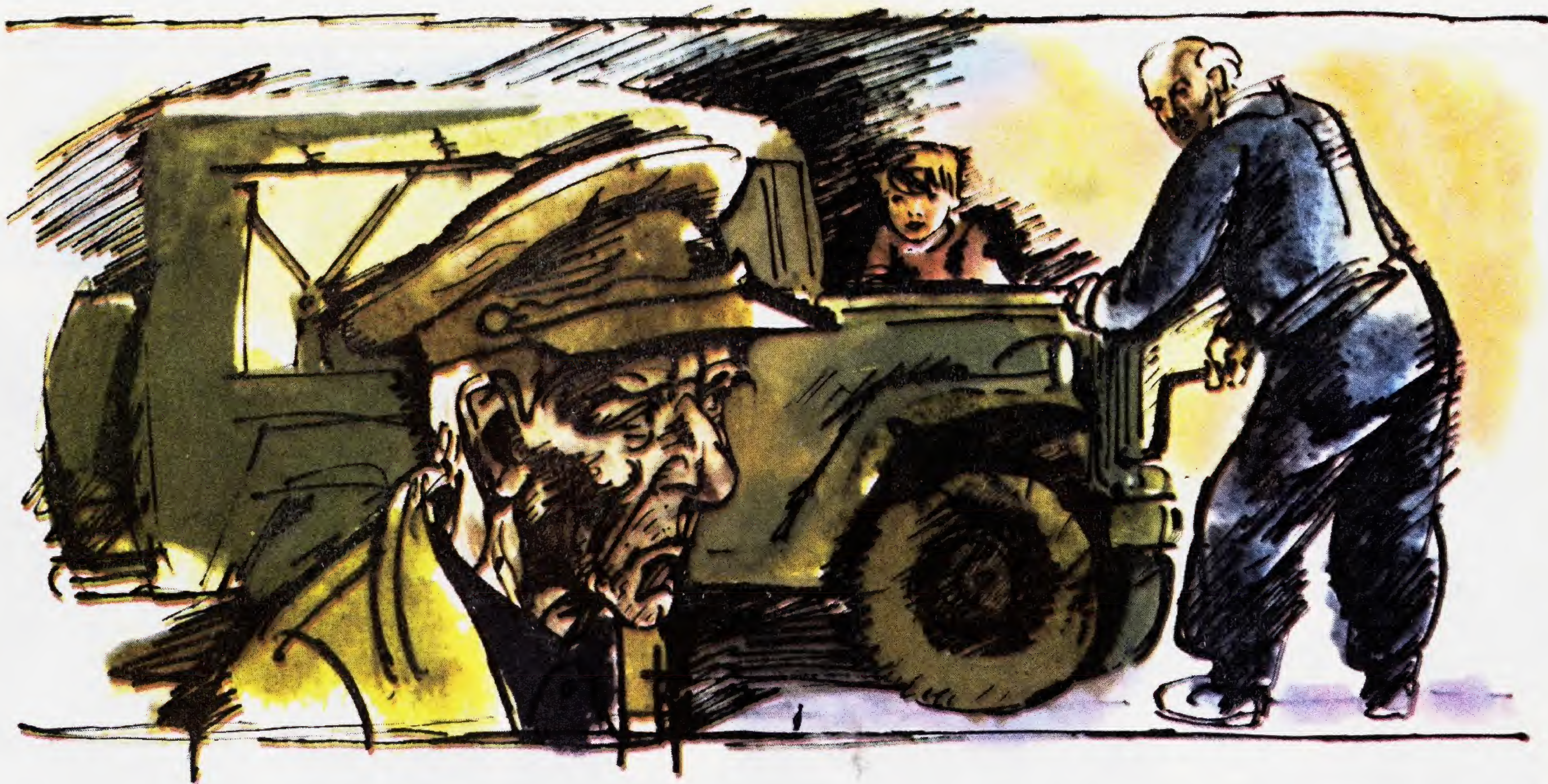
— А Иван-виллис?

— Ба! — Дядя Аполлон уставился на меня своими маленькими живыми глазками.— Иван-виллис здесь ни при чем. Он появился позднее, под занавес. До этого у нас были американские машины «виллис». Мы их получали по ленд-лизу. Ты, конечно, не знаешь, что такое ленд-лиз. Хитрая штука! Американцы вроде бы воюют вместе с нами. Только мы кровь проливаем, а они нам свиную тушенку в банках шлют. Технику тоже присылали — истребители «спитфайеры», машины «студебеккеры» и «виллисы». Хорошие машины — юркие, проходимые, выносливые. Правда, неустойчивые, легко переворачивались... Разумеешь?

— Разумею,— отозвался я, хотя тогда мало что разумел в свои десять лет.

Но дядя Аполлон верил, что я все понимаю, и продолжал свой рассказ:

— А в конце войны наши сами научились делать маленькие фронтовые машины «газики». Похожи они были на американцев, а сделаны в России — вот и прозвали их на фронте «Иван-виллис». Имя — русское, фамилия — американская. И никаких ленд-лизов! Свои машины, а не взятые в долг у заморского дяди. Что немаловажно!

— Не заводится? — интересовался управдом, хотя прекрасно видел, что не заводится.

Дядя Аполлон говорил о войне так, словно она только на днях закончилась. Для него война всегда была рядом. Для меня же она была далеко-далеко. Словно от войны нас отделяло разное время.

Иногда, задумавшись, дядя Аполлон сообщал мне:

— А в Будапеште идут дожди...

Откуда он знал, какая погода в далеком, неведомом Будапеште? И почему она его интересовала?

Когда же мы с ним спускались к озеру, он обязательно вспоминал озеро Балатон.

— Балатон поболее нашего будет, разумеешь? Другого берега не видно. И места красивые.

Он с такой любовью говорил о далекой венгерской земле, словно она была для него родной.

На другой день в школе я писал сочинение, и мне слышался голос дяди Аполлона. Склонясь над тетрадкой, я тщательно выводил слова:

«...Стоял ясный, солнечный день. Дядя Аполлон возвращался из госпиталя на 3-й Украинский фронт, в родную часть после ранения. Рана его еще не совсем зажила, нога болела... Кутаясь в старую шинель, он трясся на разбитой полуторке по венгерской земле. И вдруг на обочине дороги увидел своего Командира, а Командир увидел его. «Старшина Голуб, ко мне!» — скомандовал Командир. Дядя Аполлон вылез из кузова, одернул шинель и, стараясь не хромать, подошел к Командиру...»

Я писал, а дядя Аполлон стоял у меня перед глазами — большой, грузный, с венчиком вьющихся волос... Мне было невдомек, что мой новый друг в тот военный год был молодым, худым и у него под шапкой из «рыбьего меха» вились густые кудри.

«Что так рано вернулся из госпиталя?» — спросил Командир. «Зажила, — ответил дядя Аполлон, — кость не задело... Организм крепкий». «Организм у тебя крепкий», — согласился Командир...»

Я не замечал, как учительница расхаживала по классу, как она остановилась у окна и стала смотреть на улицу.

Урок шел к концу. Некоторые ребята уже кончили писать, проверяли ошибки.

А я, словно под диктовку дяди Аполлона, писал:

«И тут дядя Аполлон увидел на обочине новенький автомобиль. Похож на американский «виллис», но не «виллис». «Что это за марка?» — спросил дядя Аполлон. «Иван-виллис»! — ответил Командир. — Имя — русское, фамилия — американская, а машина советская. За руль сесть можешь?» «Так точно, товарищ майор!» — ответил дядя Аполлон. А Командир говорит: «Врачей ты обмануть можешь, но рану не обманешь. Садись на мое место, а я у тебя шофером поработаю, пока ты совсем не поправишься». И они поехали...»

Учительница отошла от окна и пошла по рядам.

— Елкин! Почему не пишешь?

— Я не знаю, что было дальше. Дальше дядя Аполлон не успел рассказать. Меня мать позвала домой картошку чистить...

3

Постепенно я проникся интересом к старому автомобилю. В моем представлении он из малоподвижной, вечно дремлющей машины превратился в существо живое и весьма любопытное. Я мог указать на его кузове вмятинки от пуль и похожий на шрам шов электросварки, куда угодил осколок мины. Конечно, я еще очень мало знал о нем. Да и жизнь бывшего старшины 3-го Украинского фронта продолжала оставаться для меня загадкой.

В конце апреля дядя Аполлон особенно много времени проводил у старой машины. Мыл ее, подкачивал баллоны. Однажды он пришел радостный и сообщил:

— Какая удача! Я достал новую помпу! Что немаловажно! Но она может не подойти.

В руках у него серебрилась деталь, похожая на большую улитку. Он тут же поднял капот Ивана-виллиса и, погрузившись в недра мотора, начал примерять «улитку».

— Игорька надо везти в больницу,— выдохнул я.— Жизнь в опасности.

Прошло довольно много времени, прежде чем он, кряхтя, распрямился.

— Ба! Подошла-таки! Теперь мы заживем!

По счастливому лицу дяди Аполлона текли темные ручейки трудового пота.

Когда мне было еще лет пять, я любил ездить на повозке рядом с керосинщиком. Он давал мне свой помятый медный рожок, и я, раздувая щеки, трубил на всю округу. От меня всегда пахло керосином. В дни дружбы с дядей Аполлоном давняя страсть пробудилась с новой силой: только место старого коняги в моем сердце занял Иван-виллис, а звук ожившего мотора радовал куда больше, чем пение рожка.

Утром, едва поднявшись с постели, я бежал к окну, чтобы убедиться, на месте ли старая военная машина. И только увидев брезентовый верх, в котором за ночь от дождя накопилась лужица, успокаивался. Иван-виллис стоял на своем месте постоянно, как дерево. Он стал неотъемлемой частью нашего маленького мира вместе с сараюшками, кустами, голубятней и серебристой полоской озера за деревьями.

А у жильцов нашего дома Иван-виллис был предметом общих насмешек. Как только не величали его, беднягу! Козел! Колымага! Развалюха! Металлолом! Жильцы безжалостно насмехались над автомобилем и над дядей Аполлоном, особенно в те дни, когда он, краснея и потея, тщетно пытался завести старую машину.

Но люди привыкают ко всему. Привыкли они и к Ивану-виллису.

Однако главная перемена в отношении к старой машине и ее чудаковатому хозяину произошла после случая, о котором я хочу рассказать.

Если бы о нем рассказывал сам дядя Аполлон, он начал бы неизменными словами: «Стоял ясный, солнечный день». Но история эта случилась ночью. Я проснулся от тревожного голоса мамы:

— Сделала укол... Нельзя упускать время... Острая форма...

Эти слова прорвались в мой сон. Я открыл глаза. В комнате горел свет. Мама стояла в дверях в своем белом медицинском халате:

— Надо вызывать «Скорую»!

— Я сейчас сбегаю... Позвоню по телефону,— отвечал отец, натягивая сапоги.

— Там на углу автомат не работает.

— Когда нам наконец поставят телефон! — сердился папа.— Живем, как на хуторе.

— Что случилось? — окончательно проснувшись, спросил я и свесил с постели ноги.

— Спи. Не до тебя,— отозвалась мама.

Но я и не думал спать — как можно спать, когда в доме тревога.

— У Игорька приступ аппендицита,— пояснил папа.

И тогда я сразу все понял и произнес короткое спасительное слово:

— Иван-виллис!

Я думал, все обрадуются тому, что я нашел выход. Ничего подобного!

— Глупости! — отмахнулась мама.— От него толку...

— У него хорошая проходимость,— не сдавался я,— две ведущие передачи. Он пушку может тащить...

Но меня уже никто не слушал: мама ушла к больному, отец побежал искать телефон. И тогда я решил действовать сам.

Я долго барабанил в дверь Макавеихи в надежде, что разбужу дядю Аполлона. Но дверь открыла сама Макавеиха. Заспанная, с распущенными волосами, она уставилась на меня своими бесцветными холодными глазами.

— Ты что, Елкин, по ночам шастаешь?

— Человек умирает,— тихо ответил я.

— А я тут при чем! — взорвалась Макавеиха.— Я на заслуженном отдыхе, а ты в дверь дубасишь! Мне государство пензию платит, а ты...

Но тут, оттеснив Макавеиху могучим плечом, в дверях появился дядя Аполлон.

— Валера? Что случилось? — Он протирал глаза могучей рукой.

— Тревога! — выдохнул я.— Игорька надо везти в больницу. Жизнь в опасности!

— Жди! — коротко приказал дядя Аполлон.

Макавеиха исчезла. А я, стоя в проеме дверей, видел, как дядя Аполлон засуетился, запыхтел, наматывая портянку, застучал каблуком, втискивая ногу в сапог. И вот он уже готов.

— Пошли, если не возражаешь!

Мы загремели сапогами по лестнице.

— Настоящий солдат должен одеваться в одну минуту... что немаловажно,— говорил он, на ходу натягивая брезентовый плащ.— Сейчас мы его заведем!

Он произнес последние слова и осекся, как бы на мгновение утратил уверенность. Но мы уже бежали к машине, и я, как верный оруженосец, не отставал ни на шаг.

Стояла глухая мутная ночь. Над озером курился туман. Лицо обволакивала влажная прохлада. И ни в небе, ни на воде не было звезд. Иван-виллис, казалось, ждал нас. Дядя Аполлон достал заводную ручку, а я забрался в кабину и поставил ногу на педаль акселератора.

— Только не пересоси! — крикнул мой друг и стал прилаживать ручку.

Было темно, и он долго не мог попасть в маленькое отверстие. Наконец попал. Тяжело вздохнул. Поплевал на руки. И изо всех сил крутанул ручку. Мотор весело заурчал. Иван-виллис ожил. Как говорят шоферы, «завелся с пол-оборота», глаза дяди Аполлона заблестели от радости.

— Где больной? — спокойно спросил он.

Он держался так, словно его Иван-виллис всегда заводился по первому требованию. Но я знал, что случилось чудо.

Двигатель громко работал. К машине бежали люди. Мать несла на руках маленького, закутанного в одеяло Игорька. Она с больным мальчиком села на заднее сиденье. Я же решительно занял место рядом с водителем. Машина с удивительной легкостью сорвалась с места и покатила, желтыми пучками света прокладывая себе дорогу в ночи.

Уже замер рокот мотора, а жильцы дома не расходились, все смотрели вслед Ивану-виллису, и каждый считал, что мальчик уже спасен.

Брезжил рассвет. Над озером курился туман. Город спал. Огни не горели, но было уже светло. По пустынным улицам медленно ехала машина «Скорой помощи». На буксире она везла Ивана-виллиса. В кабине сидел дядя Аполлон. Его тяжелые руки лежали на руле, словно машина шла своим ходом. Рядом с дядей Аполлоном, привалившись к его плечу, клевал носом я. Временами дядя Аполлон одобрительно поглядывал в мою сторону.

У нашего дома «Скорая помощь» остановилась, шофер отцепил буксирный трос и укатил, а Иван-виллис остался у подъезда.

Дом над озером спал. Было безмерно тихо. Где-то хрипло пропел первый петух. Ему отозвался другой, третий. Я почувствовал такую усталость, словно проделал долгий-долгий путь. Веки стали тяжелыми, и я уже не мог бороться со сном. Я не слышал, как дядя Аполлон, кряхтя, выбрался из машины, как облегченно скрипнули рессоры. Не почувствовал, как старый вояка поднял меня и на могучих руках понес в дом. На темной лестнице большой отцовский сапог соскользнул с моей ноги и с грохотом покатился вниз.

— Послушай, Валера,— как-то сказал мне дядя Аполлон,— я сделаю тебе подарок, если не возражаешь. Только ты не подумай, что я подарю тебе что-то дорогое. Я научу тебя свистеть по-особенному.

— Так я умею,— ответил я и, сложив два пальца колечком, сунул их в рот.

— Вынь грязные пальцы,— рассердился дядя Аполлон.— Я научу тебя свистеть без рук, как свистят фронтовые разведчики. У них руки всегда заняты.

И тут дядя Аполлон свистнул. Резкий, пронзительный свист протянулся над озером невидимой дугой и повторился на другом берегу.

Потом он стал объяснять мне, как выгибать нёбо, как держать язык. И я, краснея от натуги, строя гримасы, подражал своему другу. Но вместо свиста из моих губ вырывалось шипение.

Дядя Аполлон возился со мною до тех пор, пока я наконец не свистнул.

— Спасибо за подарок! — сказал я.

— Другого у меня ничего нет,— как бы извиняясь, ответил дядя Аполлон.

Мы зашагали к дому.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ВЕЛИКИЕ БИТВЫ СОРОК ТРЕТЬЕГО ГОДА

Подвиг

ВИКТОРИНА ДЛЯ ЮНЫХ ИСТОРИКОВ

1943 год — третий год Великой Отечественной войны — был решающим, переломным. Именно в этом году на весь мир прогремели победы нашей Отчизны в великих сражениях, определивших нашу окончательную победу над германским фашизмом.

В ФЕВРАЛЕ победой закончилась Сталинградская битва...

ЛЕТОМ прогремели сражения на Курской дуге...

ОСЕНЬЮ наши армии преодолели «Восточный вал» — оборонительные рубежи, возведенные фашистами на западном берегу Днепра...

А первой радостью ЗИМОЙ сорок третьего года стал для советских людей прорыв блокады Ленинграда.

Этим незабываемым победам посвящается наша викторина. Мы будем вести ее в течение года, отмечая каждое из этих великих событий. Авторы лучших работ будут награждены грамотами «Пионера», путевками во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек».

Ведет викторину писатель А. МИТЯЕВ.

Операция „Искра"

Уже вторую зиму Ленинград был в блокаде. Здания в городе не отапливались. Продовольственный паек стал вовсе скудным, голод и холод косили людей. Не проходило дня без артиллерийских обстрелов. Рушились дома, гибли люди.

Но и в таких тяжелейших условиях ленинградцы жили: обороняли свои рубежи, работали на заводах, делали снаряды, пулеметы, автоматы, корабельные пушки, рации, медицинское оборудование...

Советские люди — и в тылу и на фронтах — восхищались стойкостью ленинградцев, старались помочь городу, охваченному кольцом блокады, отрезанному от всей страны. Сообщение шло только по Ладожскому озеру. Летом на небольших судах, зимой в грузовиках по льду везли в Ленинград продовольствие, боеприпасы. Из города тем же путем эвакуировали детей, женщин, стариков, раненых бойцов. «Дорогой жизни» был назван этот путь, хотя не все на том пути оставались живыми — враг обстреливал его из орудий... Спасти город и его жителей можно было только прорывом блокады.

Утром 12 января 1943 года войска Ленинградского фронта с запада атаковали укрепления фашистов у Ладожского озера. В это же время с востока пошли войска Волховского фронта. Началась операция «Искра». Всего по восемь—десять километров нужно было пройти волховчанам и ленинградцам навстречу друг другу, но эта встреча означала бы, что в блокадном кольце пробита брешь!

Местность, где начались бои, фашисты называли «Фляшенхальс» — «горло фляги». Враги сопротивлялись так яростно, будто каждый защищал собственное горло. В беспощадных схватках прошла неделя. И вот 18 января наши войска соединились. Блокада была прорвана!

Отвоевать тогда удалось немного — полосу ладожского берега шириной в одиннадцать километров. Но это была ЗЕМЛЯ. По ней проложили железную дорогу. В Ленинград из Волхова пошли поезда. До полного снятия блокады оставался целый год. Но жить в Ленинграде стало легче. И никто уже не сомневался, что город выстоял, победил в тяжелейшей борьбе.

Вопрос викторины:

Сколько дней продолжалась героическая оборона Ленинграда в блокаде? Нарисуй схему боев за Ленинград.

Ценный трофей

Когда волховчан и ленинградцев разделял узкий коридор у Ладожского озера, там появился новый фашистский танк. Наши пушки стреляли по нему, но снаряды не причиняли вреда. Только когда вступили в дело орудия большого калибра, танк начал отступать. Он съехал с дороги в торфяник и застрял.

Трофей оказался очень ценным. Именно с помощью таких машин гитлеровцы надеялись поправить свои дела на фронте. Танк отправили в Москву. Специалисты изучили его. Они дали войскам инструкции, как уничтожать фашистскую технику. На Курской дуге этих танков было множество. А наши воины умело расправились с ними. Знаменитая Курская битва закончилась нашей победой.

Вопрос викторины:

Какие советские танки времен Великой Отечественной войны ты знаешь? Чем превосходили они фашистские танки?

Ленинграда

ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Как назывался танк, который стал трофеем бойцов Волховского фронта?

В прифронтовой полосе

Фашисты старались уничтожить все предприятия, расположенные в пригороде, которые снабжали Ленинград продовольствием, топливом, электроэнергией, боеприпасами. «Дорога жизни», Волховская гидростанция, железнодорожный мост через Волхов — все подвергалось бомбежке. И дорога, и мост, и гидростанция находились вблизи фронта. Защищать их было нелегко. Но наши летчики сражались с великим мужеством, искусно и изобретательно.

Однажды ночью несколько наших бомбардировщиков пролетели над вражеским аэродромом и сбросили небольшие бомбы на летное поле. Повреждения получились незначительные, и фашисты не обеспокоились. Они не знали, что взрывы бомб маскировали свист сброшенных с самолетов металлических шипов. Едва забрезжил рассвет, как наши бомбардировщики и штурмовики налетели на вражеский аэродром по-настоящему. «Мессершмитты» пытались взлететь навстречу нашим самолетам, но, проколов колеса на шипах, валились при разбеге на крыло, вставали на нос. Ни одна вражеская машина не смогла подняться в воздух. В тот раз наши летчики уничтожили на земле два десятка самолетов, взорвали склад горючего и склад боеприпасов. А гидростанция, мост, «Дорога жизни» до конца блокады служили Ленинграду.

Вопрос викторины:

Каким способом передавалась электроэнергия Волховской ГЭС в блокадный Ленинград? Как переправляли через озеро жидкое топливо?

Бессмертный подвиг

Ленинградцы изумили человечество своим мужеством, дисциплиной, твердостью духа. Велик их вклад в нашу общую победу над фашизмом.

Если бы фашисты овладели Ленинградом, как они планировали, осенью 1941 года, они получили бы множество преимуществ и выгод:

— освободившиеся войска перебросили бы к Москве, и нам было бы еще труднее одержать победу в Московской битве;

— со взятием Ленинграда у нашего Балтийского флота не осталось бы ни одной базы на море, флот погиб бы;

— Балтийское море целиком перешло бы в руки фашистов, они без помех возили бы в Германию из Швеции железную руду и другое сырье для военной промышленности;

— на большом прстяжении была бы перерезана Кировская железная дорога, идущая в Мурманск. Карельский фронт и Северный флот потеряли бы сухопутную связь с центральными районами страны, их боевая деятельность сильно осложнилась бы...

Но ничего этого не случилось, потому что Ленинград — город Ленина, город революции — выстоял.

Вопрос викторины:

Какими наградами отмечен подвиг, совершенный Ленинградом в годы войны? Знаешь ли ты участников войны с такими наградами?

Наталья Владимировна ИЛЬИНА
1904—1982

Слово о нашем друге

Дверь кабинета Натальи Владимировны была всегда нараспашку. Это чтобы никто из посетителей редакции, ни ребята, ни взрослые, особенно авторы первых стихов или первых рассказов, не испытывали робости перед табличкой «Главный редактор». И видели, что ничего редакторски грозного, неприступного в облике Натальи Владимировны нет, а есть, напротив, открытая, искренняя расположенность к тебе и дружелюбное внимание.

Если в молодом авторе угадывался пусть еще робкий, неразвившийся писательский талант да к тому же проглядывала особая, детская, скорее даже мальчишеская радостная вера в бесконечные чудеса мира, автор уходил от Натальи Владимировны в твердом убеждении: он «Пионеру» очень нужен.

Но как строга она была к любой литературной работе — повести ли, рассказу, очерку, репортажу, подписи ли под рисунком, если «Пионер» принимал ее и собирался печатать! Никому не прощалась ни малейшая слабинка в работе, даже самым-рассамым знаменитым. Но, поразительное дело, никто из авторов «Пионера» на Наталью Владимировну не обижался. Почему? Это долгое время оставалось тайной. Потом-то каждый из нас разгадал ее для себя. Наталья Владимировна искренне верила, что ты сможешь, обязательно сможешь сделать лучше, а когда человек видит, что в него верят, он и в самом деле способен сделать лучше, точнее, глубже.

Наталья Владимировна Ильина неустанно, горячо, взволнованно помогала расти, развиваться многим и разным талантам прозаиков, поэтов, художников и тех бывалых, знающих людей, которые умеют интересно рассказывать об истории, науке, технике, искусстве, обо всем, чем богат и славен наш мир.

Она была очень лично заинтересована в том, чтобы советская детская литература радовала ребят настоящими творениями Это видели, это понимали и за это очень любили Наталью Владимировну А. Фадеев и А. Гайдар, С. Маршак и К. Чуковский, Л. Кассиль и С. Григорьев, К. Паустовский и Р. Фраерман.

А сколько сегодняшних авторов «Пионера», ныне известнейших писателей, благодарны Наталье Владимировне за помощь, за творческую свою судьбу!

И вот еще что. Наталья Владимировна всегда старалась, чтобы сами ребята помогали делать журнал. Она собирала их в редакции, организовывала детские клубы на страницах журнала. Читатели получали от «Пионера» задания, участвовали в рейдах и экспедициях, постоянно держали связь с редакцией. Целые отделы родились из писем и рисунков, стихов и рассказов ребят — географическое общество «Компас», «Пионерские известия» «Почемучка», «Кораблик» и другие.

Наталья Владимировна Ильина целых тридцать лет, с 22 июня 1941 года по 1971 год, редактировала «Пионер» и до последних дней была членом его редколлегии. Ее замечательное, мужественное и благородное служение литературе для детей высоко оценено нашей партией и правительством. Она удостоена ордена Ленина, ордена Красного Знамени, ордена «Знак Почета» и многих медалей.

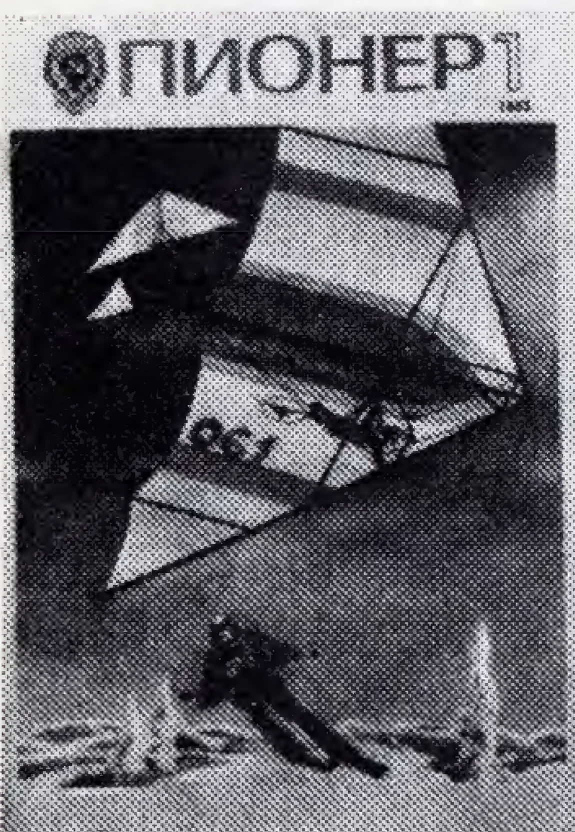
...Знаешь, дорогой друг, чего больше всего хотела наша Наталья Владимировна? Она очень хотела, чтобы читатели «Пионера» росли людьми сильными, добрыми, верными — настоящими.

Люди доброй воли! Сделайте все, чтобы никогда и нигде не рвались бомбы и снаряды, чтобы у всех детей была родина, детство, чтобы мир стал лучше и справедливее.

Из Обращения участников митинга «Мы за мир на всей планете!».
«Артек», 31 июля 1982 года.

Пионерский Марш мира

«НАМ НУЖЕН МИР! НЕ ПОЗВОЛИМ ИМПЕРИАЛИСТАМ ВЗОРВАТЬ ПЛАНЕТУ!»
Эти слова стали девизом «круглого стола», который провел журнал «Пионер» во Всесоюзном пионерском лагере имени В. И. Ленина «Артек». За «круглым столом» — гости и участники международной артековской смены. Они рассказывают о том, как дети разных стран борются за мир, против гонки вооружений и угрозы термоядерной войны.

СВЕТА ВОРОНКОВА, 7-й класс, Саратовская область.

В нашей школе есть клуб интернациональной дружбы. У кидовцев много интересных дел, но особое место в интернациональной работе занимает наша борьба за мир, против новой войны. Нынешним летом, например, мы выезжали в пионерские лагеря и собирали подписи под Обращением к военным министрам стран НАТО. КИД Саратовского Дворца пионеров и школьников призвал все клубы интернациональной дружбы области провести в 1983 году Неделю активных действий в защиту мира. Такая Неделя будет проходить и у нас. Начнется она митингом, на котором все ребята подпишутся под Обращением «Мы за мир на всей планете!». Это Обращение увозят из «Артека» многие участники международной смены. Очень хочется, чтобы его прочитали все, кому дорог мир, чтобы пионеры всей планеты еще активнее боролись за мир.

БРИТТА ПЕНИШ, 14 лет, ФРГ.

В нашей стране есть силы, которые хотели бы превратить страну в склад американского оружия. Им не по нраву демонстрации и митинги в защиту мира. Они хотят запугать простых людей. В Мюнхене на торговой выставке неофашисты взорвали бомбу. Погибли три пионера. Недавно десятки ребят из школы, где я учусь, участвовали в антивоенной демонстрации. В отместку неофашисты устроили в школе взрыв...

Когда идешь в колонне демонстрантов, часто замечаешь нацеленные на тебя полицейские объективы. Они стараются, эти люди в мундирах, спешат внести нас в свои «черные списки»... Но нас много. И нас не запугать ни бомбами, ни полицейскими досье. Мы не позволим, чтобы на нашей земле возродился фашизм и вспыхнуло пламя новой войны.

Первая мировая война унесла около 10 миллионов жизней и обошлась в 300 миллиардов долларов.

Вторая мировая война стоила жизни 50 миллионам человек. На нее затрачено 4 000 миллиардов долларов.

С 1945 года в мире было примерно 150 локальных войн. Их жертвами стали более 10 миллионов человек.

НОРБЕРТ ШВИКЕРТ, член ЦК Коммунистической партии Люксембурга, руководитель люксембургской делегации.

В Люксембурге сейчас много мнений, как сохранить мир. Есть даже такое, что будто бы лучший способ спасти мир — это разместить американские ракеты на территории европейских государств. Автор этих идей не кто иной, как военный министр Крипс. Однако большинство люксембуржцев считают иначе. 15 мая 1982 года у нас состоялась многотысячная демонстрация «За мир! «Нет» — крылатым ракетам!». В демонстрации приняли участие не только взрослые, но и дети — сотни школьников и активистов детских организаций

Люксембурга. Мне запомнился один мальчик лет десяти. Он нес бумажный макет крылатой ракеты с размашистой надписью: «Никогда!». Макет был тяжелый, и все видели, как трудно его нести. Но мальчик не унывал, а когда кто-нибудь предлагал ему помощь, отказывался и даже обижался.

Военный блок НАТО намерен разместить в Западной Европе 464 крылатые ракеты. Радиус действия таких ракет — 2500 километров. Ядерный заряд каждой ракеты в 15 раз мощнее атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму.

МАВРОС АНТОНИОС, 13 лет, Греция.

В Греции очень популярно гончарное ремесло. Им с удовольствием занимаются не только взрослые, но и дети.

Я тоже люблю работать с глиной, делать посуду, лепить игрушки. Представляете, как здорово самому вылепить, например, блюдо, обжечь его, красочно расписать...

У нас есть детская организация «Юный авангард». Второй год я член этой организации. Часто из наших глиняных поделок мы устраиваем выставку-продажу. Люди покупают их охотно. Вырученные деньги мы посылаем в Фонд мира. А еще мы участвуем в антивоенных демонстрациях. В Греции есть американские базы, и мы требуем, чтобы янки убрались вон с нашей земли! Ведь американские базы — это угроза не только Греции, но и миру во всей Европе.

Пентагон разместил на чужих территориях 12 тысяч ядерных боеголовок с клеймом «Made in USA». 7 тысяч ядерных боеприпасов сосредоточено в Западной Европе. На чужих территориях США имеют 2500 военных баз, на которых проходят службу 502600 американцев.

ДЖОННИ ЛЕРИВЕН, 14 лет, Реюньон.

В моем родном городке Ле-Поре есть живописный парк. Мы его называем еще детским центром «Оазис», потому что после уроков сюда спешат ребята всего города. Он притягивает детей, как оазис в пустыне влечет к себе усталых путников. В парке пионеры Ле-Пора выступают с концертами, проводят митинги и манифестации.

Большая пионерская манифестация состоялась здесь 1 Мая. Все выступающие — и взрослые и ребята — говорили о том, что нет ничего важнее мира на планете. Мне запомнились слова одного мальчика, который сказал: «Нам нужно отстоять мир, чтобы земля стала оазисом, а не пустыней».

ШИВАНГЕ ЖОЗЕ АРМЕНДО, руководитель делегации Мозамбика.

Мы приехали из Мозамбика, из государства, которое называют прифронтовым. Почему прифронтовым? Потому что на юге и юго-западе Мозамбик граничит с ЮАР. Южноафриканские расисты не прекращают вооруженных провокаций против нашего государства, так что на десятки километров граница часто становится линией фронта...

Здесь, в «Артеке», нас глубоко взволновал митинг памяти жертв Хиросимы, который состоялся 6 августа на Костровой площади. Сильное, запоминающееся зрелище! Несколько дней мы находились под его впечатлением. Члены нашей делегации решили рассказать о Хиросиме в своих школах и написать Обращение ко всем мозамбикским детям, призывающее активно бороться против угрозы атомной войны, за мир на нашем континенте. Это особенно важно сейчас, когда расисты ЮАР стремятся завладеть атомной бомбой.

Со всех континентов приехали в «Артек» делегации детей. Надолго запомнятся ребятам артековские дни. Ведь каждый из них стал праздником для разноязычной пионерской семьи.

Армия расистов ЮАР насчитывает свыше 200 тысяч солдат, вооружена 600 боевыми самолетами, 2 тысячами танков и бронетранспортеров. Вооружаться Южно-Африканской Республике помогают генералы Пентагона и НАТО.

Более двух тысяч наемников из стран Запада воюют под знаменами ЮАР.

Военная промышленность ЮАР — самая мощная в южном полушарии. Сейчас юаровские расисты близки к созданию собственного ядерного оружия.

ТЭГЭНЭ БЭККЭЛЕ, 12 лет, Эфиопия.

11 августа все артековцы побывали в Ялте. Здесь состоялось факельное шествие мира. Я тоже шел с факелом в руке по вечернему городу. Видел, с каким вниманием и одобрением прохожие смотрели

Конкурсы рисунков, спортивные соревнования, прогулки на катере, песенные фестивали... Сколько их, больших и малых событий, уместилось в скоротечный летний месяц!

на нас. А многие ялтинские ребята присоединились к нашей колонне.

Потом был митинг, девизом которого стали слова «Защитим мир на Земле!». Когда я вернусь домой, я обязательно расскажу в своей школе о митинге и о факельном шествии. У нас пока есть трудности. Не все дети учатся, не у всех есть крыша над головой, много сирот, голодающих... Но мы понимаем, что главное сейчас — мир. Только в мирной жизни можно сделать детей счастливыми.

На родину я увезу Обращение артековцев к Организации Объединенных Наций «Нам нужен мир!». Пусть эфиопские ребята тоже подпишут это Обращение и пусть в Нью-Йорке, в штаб-квартире ООН, узнают о нашем стремлении жить в мире.

Половина населения Земли сейчас голодает. К 1985 году в мире будет не хватать 85 миллионов тонн зерна. Вместе с тем на средства для постройки только одного атомного авианосца можно было бы закупить 2 миллиона 800 тысяч тонн пшеницы.

ИНАНСИО ТАВЕРЕШ, руководитель делегации Гвинеи-Бисау.

С большим успехом в «Артеке» прошла лотерея солидарности. Вырученные деньги — более четырех тысяч рублей — артековцы перечислили в Детский фонд Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ). Такие лотереи солидарности проводят и пионеры Гвинеи-Бисау. Ребята делают игрушки, шьют одежду, плетут из тростника корзины и сумки, все это потом разыгрывается. Конечно, полученные от наших лотерей средства не так впечатляют, как средства артековцев. Зато как стараются ребята, готовясь к таким лотереям. Их поделкам могли бы позавидовать и взрослые!

НГУЕН ХОП ФАТ, руководитель вьетнамской делегации, учитель.

Многие вьетнамские дети на себе испытали ужасы войны.

Сейчас, когда в мире снова сгущаются тучи войны, вьетнамские пионеры вместе с детьми всей планеты гневно говорят: «Нет — военным пожарам! Школы — вместо ракет! Счастливое детство — детям Земли!» Под таким девизом прошел минувшей весной митинг в Ханойском Дворце пионеров.

Под таким девизом идут сегодня все пионерские акции в защиту мира.

На средства для постройки только одной атомной подводной лодки «Трайдент» можно обучать 16 миллионов детей в течение года. Истребитель «F-14» стоит 20,4 миллиона долларов. На эти деньги можно построить 9 школ.

ЯМАМОТО МИНАКО, президент детской демократической организации Японии «Куса-Но Нэ-Кай».

В переводе на русский язык наша организация называется «Корешки травы». Символическое название, ведь если сильные корни — сильным будет растение, слабые — любой ветер его повалит.

Организация «Куса-Но Нэ-Кай» старается воспитать детей убежденными борцами против социальной несправедливости и зла.

Одно из самых страшных зол — война. В Японии есть люди, которые не извлекли или не хотят извлечь урок из трагедии Хиросимы и Нагасаки. Они ратуют за новую войну.

Японские дети, как и все дети мира, хотят чистого неба над головой вместо зловещих атомных «грибов». Вот почему в каждой колонне японских сторонников мира идут и ребята из «Куса-Но Нэ-Кай». Они собирают подписи под манифестами в защиту мира, распространяют антивоенные листовки. С каждым годом все громче звучит голос «Куса-Но Нэ-Кай» в движении за мир. Крепкие «корешки» растут в нашей организации!

От редакции:

Миллионы советских пионеров шагают сегодня Пионерским Маршем мира. К этой большой армии юных борцов за мир присоединяются ваши, ребята, зарубежные сверстники. Со многими из них вы переписываетесь. А знаете ли вы, как они участвуют в борьбе за мир? Что делается в ваших отрядах, дружинах, КИДах в поддержку мира?

Напишите нам.

Подготовил В. АЛЕКСАНДРОВ.

Фотографии В. КРУПСКОГО.

12 января 1983 года исполняется 70 лет со дня рождения П. Н. Ангелиной.

Звонкая песня Паши Ангелиной

И звонкой песнею
пускай прославятся
Среди героев
наши имена!

Так пели девчата тридцатых годов. Слова этого жизнерадостного марша стали их чудесным, зовущим на подвиги девизом. Они первыми шли в забои Метростроя, брали в руки штурвал трактора, покоряли небо, возводили новые города и заводы. Героиней той предвоенной поры, первых наших пятилеток стала Паша Ангелина. Для моих ровесников ее имя звучало так же легендарно, как имена Валерия Чкалова, папанинцев, Алексея Стаханова...

Паша Ангелина — первая трактористка страны, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР.

Чем же знаменита Паша Ангелина?

Сразу же после войны редакция американской «Мировой биографической энциклопедии» обратилась к Ангелиной с просьбой рассказать о себе. Энциклопедия хотела поведать о самых выдающихся людях планеты XX века. Вот что ответила Паша:

«Прасковья Никитична Ангелина. Год рождения — 1912. Место рождения — село Старобешево Донецкой области Украинской ССР. Отец: Ангелин Никита Васильевич — колхозник, в прошлом батрак. Мать: Ангелина Ефимия Федоровна — колхозница, в прошлом батрачка. «Начало карьеры» (и такой вопрос был в анкете) — 1920 год, батрачила вместе с родителями у кулака. С 1927 года — конюх Товарищества по совместной обработке земли, а позже колхоза имени Ленина. С 1930 года трактористка. Являюсь членом ВКП(б) с 1937 года... Что же касается военных отличий, то таковым считаю звание «гвардеец», присвоенное мне фронтовиками из подшефной артиллерийской бригады за успешную работу в тылу в трудных условиях военного времени. Почетные звания и награды: Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии, награждена двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, медалями».

...Конюхом Паша была замечательным, но когда в село прибыли первые тракторы «Фордзоны», она покой потеряла. Пришла в МТС записываться на курсы механизаторов. Ее высмеяли:

— Паша, где это видано, женское ли дело водить трактор? Ухаживать за лошадьми — самое милое занятие для дивчины.

Ей тогда было восемнадцать лет — коротко подстриженные волосы, мальчишечий чуб падает на лоб, дерзкий взгляд. Не девушка — озорной подросток.

Днем Паша работала прицепщицей (все-таки ближе к технике), а вечером, примостившись на задней скамье красного уголка, слушала лекции о вождении трактора, его устройстве. Запоминала все на лету. Часами возилась у машины, знала все ее детали и узлы. Самостоятельно умела разобрать и собрать мотор, на слух могла определить, как он работает. Трактор был для нее не просто механизмом, а существом живым, очень понятным, послушным. И на парней, которые подтрунивали над ней, нисколько не обижалась.

— Подождите, я докажу, что женщина может быть трактористкой.

— Руль-то удержишь? Это ведь конь с норовом.

Шел 1930 год. Мужских рук в селе не хватало. И тогда Паше сказали:

— Ладно, один сезон, так и быть, поработай.

Еще как она руль удержала! Так свою машину подготовила к пахоте, что ни одной поломки не случилось. Работала только на высоких скоростях и вспахала в полтора раза больше, чем самые опытные механизаторы. Потом агроном дивился обработанному Пашей полю: «Подумать только, ни одного «огреха». Чистейшая работа!»

Теперь шутники помалкивали. Посрамила их комсомолка Паша Ангелина своим первым рекордом.

С утра до вечера проводила она в поле, подружки ей завидовали: «Во как управляется Прасковья, не хуже, чем песни поет...»

Тогда Ангелина решила, почему же ей одной среди мужчин трудиться? А если создать женскую тракторную бригаду?

Пашу поддержали. Так первая в стране трактористка возглавила первую женскую тракторную бригаду. Паша сама учила своих подруг — они осваивали не только устройство машины, знакомились со структурой почв, читали труды видных ученых по земледелию.

Наконец пришла их долгожданная весна. Десять девчат во главе с Пашей повели тракторы в поле. Каждая трактористка выработала на пахоте почти вдвое больше, чем полагалось по норме. Вот как научила Паша работать своих подруг! И ничего удивительного нет в том, что в 1935 году всю ангелинскую бригаду пригласили в Москву на Всесоюзный слет передовиков сельского хозяйства. Здесь с высокой трибуны слета Паша от имени подруг пообещала:

— Каждый наш трактор выработает по 1200 гектаров.

Это было в четыре раза больше существовавшей в те годы нормы на пятнадцатисильный трактор. Это был настоящий всесоюзный рекорд.

Но Паша и ее девчата так организовали работу, что ни минуты даром не пропадало. Слово сдержали.

Об Ангелиной уже знала вся страна. В 1939 году она вместе с подругами обратилась с призывом к советским женщинам: «Сто тысяч подруг — на трактор!» Они писали:

— В тот час, когда наши мужья и братья сменят трактор на танк, мы будем крепить нашу Родину, работая на полях.

Почин Паши Ангелиной был услышан — не сто, а двести тысяч женщин вывели тракторы в поле...

Слово и дело Паши Ангелиной было сродни подвигу. Вместе с бригадой все годы войны она работала на казахстанской земле в колхозе имени Буденного. И здесь ангелинцы показывали невиданные образцы труда, перекрывали нормы в пять-шесть раз. Верховное командование Советской Армии поблагодарило Пашу Ангелину за высокие урожаи хлеба, а воины-артиллеристы присвоили бригаде трактористок звание гвардейской.

Прекрасную жизнь прожила Паша Ангелина. Звонкой песнею прославилось ее имя среди героев нашей Родины. Сейчас ей было бы 70 лет. Но мы ее навсегда запомним юной самоотверженной трактористкой — первой трактористкой страны.

Ее имя носит одна из улиц города Донецка. На Украине ее именем назван переходящий приз, который вручается лучшему молодому механизатору, а девушки, которые идут нынче в тракторные бригады, величают себя «дочерьми Паши Ангелиной».

Ее жизнь, как звонкая песня, неподвластна времени.

Новые лауреаты «Пионера»

С писателем Станиславом Романовским вы знакомы давно. Его повести и рассказы не раз печатались на страницах нашего журнала. Особенно понравилась нашим читателям его повесть «Башня над Камой», где действуют ребята смелые и отважные. Станислава Романовского можно встретить в пионерском лагере на Каме, у хлеборобов Оренбуржья, в читальном зале детской библиотеки. Всюду он желанный гость. В 1982 году «Пионер» опубликовал новую повесть С. Романовского «Вятское кружево» (№№ 8—10). Его герои — взрослые и ребята, люди добрые и отзывчивые, любящие свой край.

Писателю РОМАНОВСКОМУ Станиславу Тимофеевичу за повесть «Вятское кружево» и другие повести, опубликованные в «Пионере», присужден диплом имени А. П. Гайдара.

В старинном русском городе Тарусе есть дом, который известен всему миру. Здесь жил великий художник слова Константин Георгиевич Паустовский; в этом году исполнилось 90 лет со дня его рождения. Галину Алексеевну Арбузову по праву называют доброй хранительницей этого теплого дома, где все осталось так, как было при жизни писателя. Галина Арбузова подарила нашим читателям лирическое повествование «Желание все знать, все видеть, путешествовать...», посвященное Константину Паустовскому. В этом повествовании («Пионер» № 6, 1982 год) приведены неопубликованные письма писателя детям, редкие фотоснимки из семейного альбома.

Галине Алексеевне АРБУЗОВОЙ за эту публикацию присужден диплом имени Л. А. Кассиля.

Вот уже несколько лет на страницах журнала «Пионер» существует юмористический раздел «Переменка». В «Переменке» — фельетоны, юморески, невыдуманные диалоги, строчки из школьных сочинений... Очень нравится «Переменка» нашим читателям. Тысячи писем, присланных в «Пионер», начинаются словами «Здравствуй, «Переменка». Успех этой странички во многом зависит от веселого художника, который ее оформляет,— Евгения Семеновича Шабельника.

За оформление юмористического раздела «Переменка» и «Международного пресс-центра» художник Евгений Семенович ШАБЕЛЬНИК награжден дипломом имени Н. Н. Жукова.

Поздравляем новых лауреатов «Пионера»!

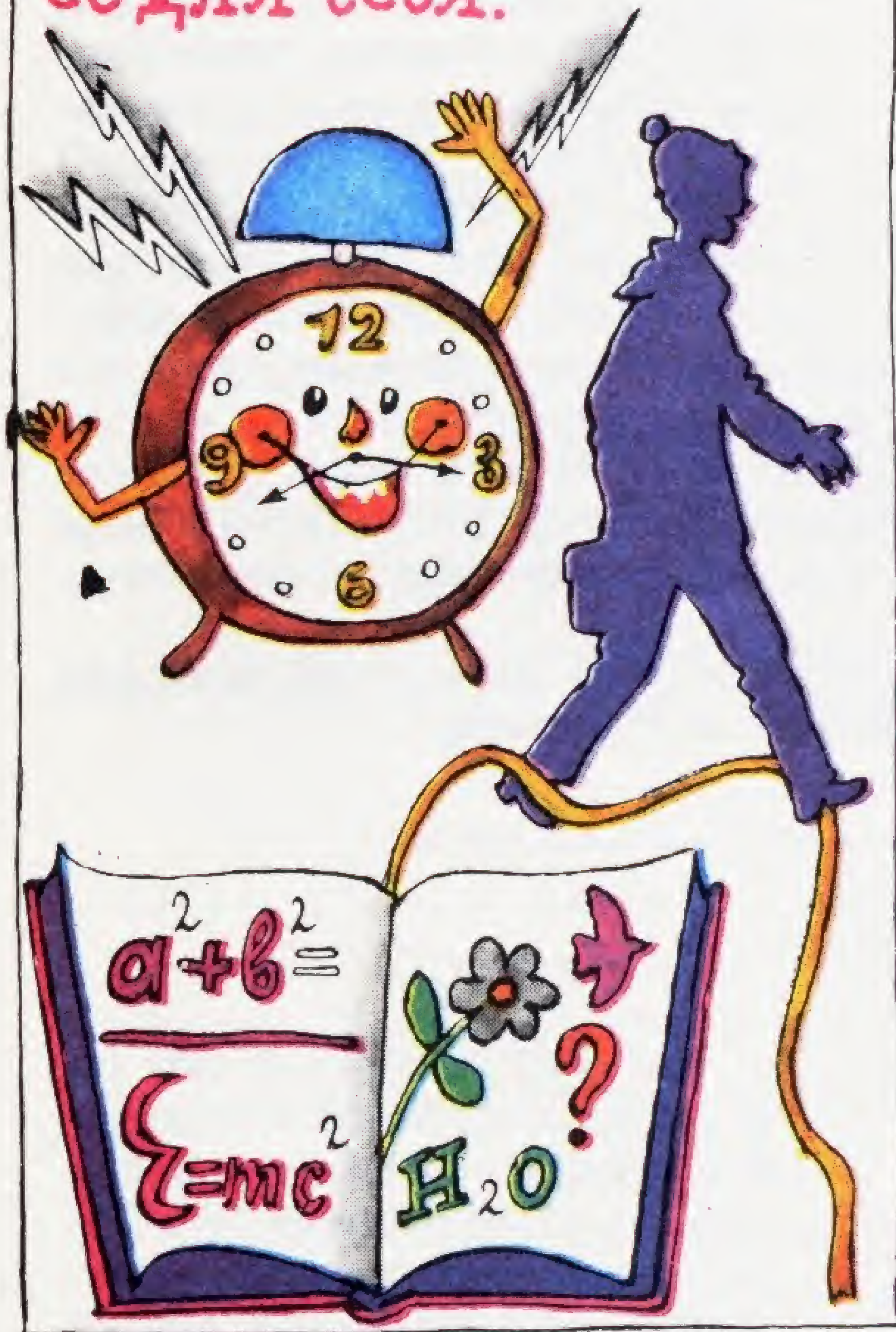
Твоя высота

2 октября на Всесоюзной пионерской линейке был дан старт Маршу юных ленинцев. Вчитайся внимательно в программу его маршрута «Пионеры — Родине!». Там говорится: «Главное дело пионера — учение, учение на совесть — его гражданский долг».

Как сделать, чтобы всем школьникам учиться было интересно? Что поможет тебе и твоему отряду идти от одной высоты к другой? Об этом с читателями «Пионера» ведет разговор заместитель министра просвещения РСФСР Любовь Кузьминична БАЛЯСНАЯ.

Формула учёбы

В работе учителя есть такая формула: урок — внеклассные занятия — урок. А по какой формуле будет строиться твоя учеба? Найди ее для себя.

Мы говорим об ответственном отношении к учебе. Что это значит? Это значит учиться так хорошо, как только можешь. Неужели нельзя заставить себя никогда не опаздывать в школу, не приходить в класс с невыученными уроками и не оставлять без ответа вопросы, которые возникли на уроке? Давай подумаем, как выполнить эти правила, чтобы каждая из сорока пяти минут урока была использована тобой действительно для учения.

Как быть, например, с опозданиями... Пойди на маленькую хитрость, «опереди» время. Вечером переставь стрелки будильника на пятнадцать минут вперед, и вскоре ты уже не услышишь укоризненного: «Опять опоздал!» А потом и обманывать себя не придется, привыкнешь вставать вовремя.

Ты сам себе пообещал: буду учиться на совесть. Решение принял, но как от слов перейти к делу? Есть много книг о научной организации труда школьника. Дают советы журналисты, различные памятки пишут для вас учителя.

Прежде всего, говорят они, научись читать свой учебник, читать внимательно, сознательно, не отвлекаясь. Встретилось незнакомое слово — загляни в словарь: умение пользоваться справочной литературой еще не раз тебе пригодится. Не забывай материал прошлых занятий, все время обращайся к другим предметам. Любишь биологию? Отнесись повнимательнее и к химии. Подчас природа задает человеку такие вопросы, что какой-нибудь одной науке ответить на них не под силу — нужны знания других наук. Разве можно изучать литературу и не интересоваться историей, изучать историю и не знать географию? Конечно, нет!

Самые необходимые сведения ты найдешь в школьном учебнике. Но пойди дальше, за его страницы! Твоими союзниками станут журналы «Юный техник», «Юный натуралист», «Пионер», «Костер». А сколько замечательных телевизионных и радиопередач!

Ты научился читать учебник, научился пользоваться справочной литературой... Научись теперь применять это умение. Знания, которые получил на уроке, в самостоятельном чтении, развей и углуби на занятиях в кружке, студии, во Дворце или Доме пионеров. Как круговорот воды в природе, нескончаем процесс познания. То, что ты узнаешь за стенами школы, снова возьми с собой в класс на урок...

Что такое интерес

Любопытство, увлеченность, заинтересованность ...можно придумать сколько угодно слов, которые помогут ответить тебе на вопрос: «Что такое интерес?»

У писателя С. Соловейчика есть замечательная книга «Учение с увлечением», главы которой печатались в «Пионере». Если еще не читал ее, обязательно прочти, особенно если ты ученик седьмого-восьмого класса. И ребятам помладше она тоже будет интересна. Говорится в этой книге об увлеченности, о творческом отношении к учебе.

Ты учишься сейчас в третьем классе и еще ничем не интересуешься серьезно: спортом, например, или техническим творчеством, туризмом или искусством, чтением... Хотя все должны к этому стремиться. Не думай, что у тебя впереди еще много времени, оно пролетит незаметно. Спеши распознать «свой» интерес уже теперь.

Интерес к какому-нибудь делу, занятию есть в каждом человеке. Только не всегда он, этот интерес, сразу заметен. Что поможет его открыть? Общение с людьми увлеченными и книги.

Твой товарищ занимается в судомодельном кружке. Как-то он пригласил тебя в гости и показал интересную модель катера. Такую, что тебе тоже захотелось заняться судомоделизмом, и ты записался в кружок. Стал больше читать книг о мореплавателях и путешествиях, попросил маму выписать журнал «Юный техник». У тебя появилось увлечение. Ну, а если ты серьезно чем-нибудь займешься, то непременно задашь себе вопрос: «Чем увлекаются другие? Может, мне и это будет интересно?» Так начинается широта кругозора, и начинается общение, без которого невозможно стать социально активной личностью.

«Социально активный» — значит активный для других, для общества. Но что ты можешь дать другим, если сам мало знаешь и умеешь? Нельзя ограничиваться только своим интересом, пусть даже очень важным.

Мы нередко видим юного спортсмена, который поражает нас удивительными рекордами среди своих сверстников, но у него нет интереса к учебе. И что же? С таким человеком общаться неинтересно, потому что его знания ограничены только спортом.

Вот и получается, что социально активная личность начинается с активного познания.

Отдаешь другим — получаешь сам

Твои интересы... Служат ли они интересам коллектива, обогащают ли они людей, которые тебя окружают? Определи свою позицию в пионерском отряде, сотнеси свои интересы с его интересами.

Присмотрись вокруг: какими интересами живут твои товарищи, и всякий ли интерес полезен и заслуживает уважения? Подумай. Ты скоро убедишься, что не всякое увлечение безобидно и помогает растущему человеку стать личностью.

Сколько сил тратится на коллекционирование?! Собирают всё, вплоть до фантиков и этикеток. Коллекционирование ради коллекционирования? Многие собирают марки, но ради того только, чтобы обмениваться, считать, у кого больше. Собирают значки — и тоже ради обмена. Хотя и марки и значки могут помочь приобрести новые знания.

У тебя коллекция марок. Постарайся как можно больше разузнать о стране, где выпущена та или иная марка, о событии, которому она посвящена. Расскажи об этом в отряде — будет интересно, и польза большая.

У нас в стране созданы огромные возможности для занятий по интересам. В школе каждый второй или третий ученик занимается музыкой, а на утреннике у октябрят некому аккомпанировать, потому что учитель пения заболел и не смог прийти. Ты увлекаешься ботаникой, а на подоконниках в школе отчего-то чахнут цветы; любишь мастерить разные поделки из дерева, а вместо указки по-прежнему пользуешься карандашом. Наконец, ты увлекаешься спортом, у тебя даже разряд по легкой атлетике есть, а твой отряд до сих пор не участвует в соревнованиях «Старты надежд», зарядки тоже в отряде не делают и многие еще не получили значка ГТО...

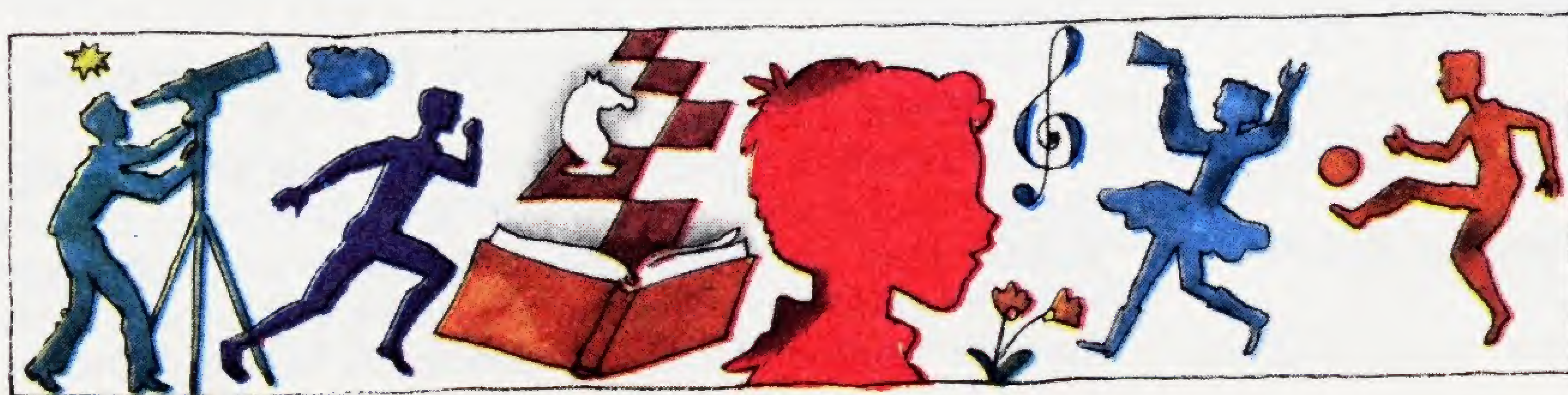
Спроси себя: для кого я научился играть на аккордеоне — только для себя или для других тоже, насколько мои интересы, увлечения полезны другим, насколько они помогают мне.

Чем шире твои интересы, тем интереснее твоя жизнь, тем она становится ярче, содержательнее. И твое участие в жизни коллектива более заметно. Если ты увлекаешься, к примеру, рисованием, литературой, можешь прочитать наизусть много стихов,— ты интересен в общении, интереснее становится досуг твоих товарищей. Чем больше ты отдаешь другим, тем больше получаешь сам.

Спеши учиться, спеши — чем разнообразнее и интереснее увлечения каждого, тем разнообразнее и интереснее жизнь пионерского отряда. И помни: все начинается с тебя!

Рисунки А. БОРИСОВА.

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

Журавлёнок и молнии

РОМАН ДЛЯ РЕБЯТ И ВЗРОСЛЫХ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Еще одна сказка о Золушке

Сверкающая туфелька

Вера Вячеславовна шила из мешковины маленькое разлохмаченное платье. Она была довольна: только что Игорь выставил своего приятеля Иннокентия. Тот пришел и начал звать Игоря к себе в мастерскую «проветриться и посмотреть новые работы». А Игорь сказал:

— Не могу. Ответственный заказ...

Он мазал клеем и посыпал осколками елочных шариков остроносую туфельку. Иннокентий вытаращил глаза:

— Ты чего это сотворяешь?

— Дочка в Золушки подалась. Требует срочно костюм и хрустальные башмаки. Так что уж извини...

Иннокентий обиженно повздыхал и ушел. Игорь поставил на ладонь узкий башмачок и поднес к лампе. От башмачка метнулись тонкие разноцветные лучи.

Из другой комнаты просунула голову Иринка.

— Ой, какая прелесть! Папочка, дай посмотреть! — Она подлетела к столу, протянула руки.

— Подожди, не тронь. Пусть подсохнет... И потом, осторожнее с ним, не порежься осколками.

— Ладно... Можно, я только взгляну?

Иринка убрала за спину руки, а лицо придвинула к туфельке. Вера Вячеславовна увидела, как по Иринкиным щекам словно разлетелись цветные бабочки...

— Папа, а вторую скоро сделаешь?

— Вторую? Здрасьте, а зачем? Ведь Золушка ее потеряла.

— А принц-то нашел! Она у принца будет.

— Ах, да! Про него я и забыл...

— Кстати, принц что-то сегодня задерживается,— заметила Вера Вячеславовна.— Поздно уже, и холод такой...

— Придет, придет,— Игорь Дмитриевич весело взглянул на дочь.— Сквозь тьму, мороз и вьюгу. Все равно доберется до Золушкиной хижины.

Иринка фыркнула:

— Вы еще подразнитесь: «Жених и невеста»...— Она, конечно, не знала, что такие же слова осенью Журка говорил Горьке.— Будто первоклассники. Не стыдно?

— Стыдно. Мы больше не будем,— поспешно раскаялась Вера Вячеславовна. И укоризненно посмотрела на мужа.

— Придется для искупления вины делать второй башмак,— вздохнул тот.— Вот работка... Эге, там звонят! Ришка, открой.

— Папа, лучше ты. Видишь, я платье примеряю.

Когда разгоревшийся от мороза Журка вошел в комнату, Иринка уже стояла в платье из мешковины (еще не дошитом) и осторожно держала у груди сверкающий башмачок. Волосы ее были весело растрепаны. Она нетерпеливо глянула на Журку:

— Ну как?

— Ничего,— снисходительно сказал Журка.— Вполне Золушка. Еще нос помажешь углем да веник возьмешь, и тогда — в точности...

— Их высочество боится, что я перепачкаю его сажей,— хмыкнула Иринка...

— А вот и не боюсь. У меня костюм из черного бархата.

— Уже готово? — спросила Вера Вячеславовна.

— Мама дошивает.

Это Иринка придумала, чтобы они на карнавале были Золушкой и принцем. Журка сперва отказывался. Ему не нравилась дурацкая мода средневековых принцев, которые ходили в бархате, в девчоночьих колготках и кружевах. А самое главное, у

него уже был другой костюм — как у мальчишки из книги «Приключения юнги»: белая матроска, тельняшка, настоящая бескозырка. Мама в старые школьные брюки вставила клинья, и получились матросские клеши. Егор Гладков обещал дать на время ремень с якорем на пряжке. Журка уже сделал флажки и выучил, как сигналить семафорной азбукой слова «С Новым годом!».

И тут Иринке пришла фантазия стать героиней старой сказки! А какая Золушка без принца?

Журка сперва ее очень отговаривал. Предлагал тоже одеться юнгой. Обещал сделать вторую пару флажков, чтобы на празднике обмениваться сигналами. Говорил, что Золушки и принцы уже всем надоели. Но Иринка уперлась.

Журка в сердцах сказал:

— Ну, еще ладно, если ты бы стала Золушкой, которая уже сделалась принцессой. А чего тебе охота в лохмотья наряжаться?

Они вели спор на уроке истории сердитым шепотом. С опаской поглядывали на Маргариту Васильевну, которая что-то объясняла у карты.

— Ты бестолковый какой-то,— прошептала Иринка.— Золушка на балу, когда она уже принцесса,— она красавица. А я кто?

— Кто?

— Скажешь, я красивая?

Журка досадливо засопел: опять она об этом. Нет, она не была красивая. Но она была... как Иринка. И ничего, что зубы пилой и что конопушки. Все равно хорошая. Только про это как говорить? Тем более что Маргарита уже несколько раз косилась на них и от недовольства слегка наливалась помидорным соком.

И чтобы спастись от дальнейших разговоров, Журка пробормотал:

— Ну, ладно, ладно, буду принцем. Тебя все равно не переспорить...

Мама, конечно, очень обрадовалась, узнав об Иринкиных планах. Она распорола старое бархатное платье, отыскала в своих ящиках серебряный галун и кружева, набросала на листе эскиз костюма и села за шитье. Она истосковалась по такой работе. Последний раз до этого она шила театральные костюмы еще в Картинске, для молодежного спектакля «Сирано де Бержерак».

Сначала Журка без восторга смотрел, как неровные куски материи превращаются в одеяние королевского сына. Но мама радовалась, и он, чтобы не обидеть ее, тоже старался радоваться. А потом увидел, что костюм и в самом деле красивый. Журке показалось, что он похож в этом костюме на стремительного черного стрижа, который в полете для скорости прижимает к бокам узкие крылья.

Вместо бальных башмачков с бантиками, о которых Журка думал с тихой ненавистью, мама сшила из черной клеенки мягкие полусапожки. Она отделала их отвороты серебристыми полосками. Такими же полосками украсила края короткого плаща — черного с голубой подкладкой. К узкой курточке пришила витые синие шнуры, смастерила широкий кружевной воротник. Журка прикинул все это на себе и понял, что доволен.

А самое хорошее — то, что принцу полагалась шпага. Она была почти настоящая: братья Лавенковы дали Журке обломок старой спортивной сабли — эспадрона. Для взрослого — обломок, а для Журки — в самый раз. Он начистил до серебряного блеска лезвие и щиток на рукояти, сделал из дюралевой трубки ножны, обмотал их черной блестящей изолентой, украсил жестяными звездочками. Из тонкого алюминия он смастерил шпоры и прицепил к сапожкам. А мама к этому времени сшила широкий бархатный берет.

Костюм понравился даже Горьке, хотя сначала к Иринкиной идее он отнесся пренебрежительно. Сказал, что девчонки помешались на Золушках и для другого у них просто не доросли мозги. Сам Горька делал костюм Гавроша. Работа была нехитрая: пришить на старые широкие штаны несколько заплат, прорвать дыры на рубахе да отыскать большую, чтоб на уши налезала, кепку. Главное-то не в этом. Главное, что у Горьки-Гавроша был пистолет. Очень похожий на старинный. Горька сделал его из деревяшки и обрезка широкой трубы. В трубу можно было вставлять хлопушку. Дернешь за нитку — пистолет грохает, из него летит пламя и цветные бумажные кружочки. Труба усиливала звук. Горька один раз пальнул у Журки дома, и обезумевший Федот с нехорошим воем заметался по дымной комнате...

Ну, а Журкин костюм Горьке в самом деле понравился.

— Ничего,— сказал Горька,— смотришься...— Но тут же добавил слова, которые встревожили Журку: — А Ирка-то что? Рехнулась? Ты вон какой... весь из себя королевский сын, а она в тряпье. Охота ей рядом с тобой выглядеть трубочистихой?

— Она же сама это придумала,— пробормотал Журка.

— Понятно, что сама. А зачем?

— Да я и сам не пойму...

На следующее утро Журка честно рассказал Иринке об этом разговоре. Но Иринка весело хмыкнула и ответила, что Горька и Журка — оба дурни. Простых вещей не понимают! Когда люди видят Золушку в лохмотьях, они знают, что все равно она станет принцессой. Значит, вся сказка у нее впереди.

Впрочем, и в платьице из мешковины Иринка была славная: веселая, ловкая, с забавными косичками, которые торчали одна вбок, другая вверх.

Оставалось придумать, что же Золушка и принц будут делать на карнавале. Каждый, кто в костюме, должен был или стихи прочитать, или сценку сыграть какую-нибудь, или станцевать. Стихов про Золушку и принца Иринка и Журка не знали, танцевать Журка не умел, а сценку... Как ее придумать? Оставалась надежда на Веронику Григорьевну.

Вероника Григорьевна преподавала литературу. Только не у пятиклассников, а в более старших классах. Но знали ее все. Она заведовала школьным драмкружком, устраивала для младших ребят литературные утренники, а кроме того, иногда заменяла у пятиклассников Анну Анатольевну, которая часто болела.

Выглядела Вероника Григорьевна внушительно: высокая, полная, с дремучими бровями, пегой косматой прической и решительным, как у римского полководца, подбородком. И голос у нее был подходящий для такой внешности — басовитый и рокочущий. Он прокатывался по всем этажам громом вагонных колес, когда Вероника Григорьевна созывала ребят:

— Эу, оболтусы мои ненаглядные! Пошли в класс, у меня к вам интересное дело!

«Оболтусы» — это ученики восьмого «А», где Вероника Григорьевна была классным руководителем. В этом классе учился Егор Гладков. Он говорил:

— Вероника — во! Лучше, чем она, учителей не бывает.

Журка про себя не соглашался: Лидия Сергеевна была, без сомнения, лучше. Но Егора он понимал. В самом деле, Веронику Григорьевну все любили. Когда она приходила к пятиклассникам вместо «Аннушки», ребята знали, что двойки никому не грозят и скуки на уроке не будет. Если кто-нибудь не мог ответить у доски, Вероника Григорьевна рокотала:

— Ох, оболтусы... Что же мне теперь, твой дневник двойкой украшать? Это по литературе-то? Русская литература, дорогие мои, существует на свете для того, чтобы доставлять людям радость, а не огорчения... Садись и к следующему уроку выучи так, чтобы не краснеть перед Пушкиным и Гоголем...

Потом она принималась что-нибудь рассказывать. Не всегда по плану урока, но обязательно интересное: про дуэль Пушкина и Дантеса, про то, как воевал на Севастопольских бастионах Лев Толстой, про старинные романы о рыцарях Круглого стола. Или про то, как со своими сыновьями Витькой и Борисом (тоже восьмиклассниками и «оболтусами») путешествовала по Прибалтике и Карелии.

Один раз Сашка Лавенков спросил:

— А почему ваши ребята не в нашей школе учатся?

Вероника Григорьевна замахала большими руками.

— Ну-ну-ну! Этого мне еще не хватало! Было бы здесь на двух оболтусов больше!

И, не смущаясь, рассказала, как накануне ее вызывали в школу номер семь по поводу милых Витеньки и Бори:

— Акселераты несчастные! С меня ростом, а устроили с подшефными третьеклассниками конный бой на перемене. Шкаф со спортивными кубками уронили, балбесы... И на кого! Хоть бы на учителя физкультуры, а то на музыканта!

Класс веселился...

Вероника Григорьевна была энергичным человеком. Когда приходилось устраивать в школе тематический вечер, выставку, встречу гостей или фестиваль искусств, Алла Геннадьевна обязательно звала ее на помощь. Сама Алла Геннадьевна была завуч. Точнее, заместитель директора по внеклассной работе. Она ходила по школе прямая, со сжатыми губами и постоянно чем-то раздосадованная. Обиженно блестели ее круглые очки — такие большие, что они напоминали эмблему, которую укрепляют на крышах свадебных такси. Если человек все время чем-то недоволен, разве он может устроить праздник? Поэтому и нужна была Вероника Григорьевна.

Устройство карнавала Вероника Григорьевна полностью взяла на себя. Поступила она очень хитро: участников будущего праздника приглашала к себе в литературный кабинет поодиночке или маленькими группами и придумывала с ребятами выступления. О чем они там договаривались, почти никто не знал. Ну и правильно! Надо, чтобы на карнавале все номера были неожиданными.

Иринку и Журку она попросила прийти в субботу в шесть вечера. С ними напросился и Горька. Увидев его, Вероника Григорьевна крякнула и насупила брови.

— А вам что надо, товарищ Гаврош Валохин? Стихи я тебе дала, о стрельбе договорились...

— Да пусть,— быстро сказал Журка.— Мы вместе, у нас друг от друга секретов нет.

Он заметил, как благодарно блеснули Горькины глаза.

Иринка и Журка торопливо переоделись. Она — в уголке за отодвинутым от стены шкафом, он — за ширмочкой из стульев и большого плаката с биографией Салтыкова-Щедрина. На узкой бархатной курточке сзади, под воротником, трудно было застегивать «молнию», и Журка окликнул Горьку, попросил помочь. Потом взял из сумки сверкающий башмачок и, смущаясь, вышел из-за плаката.

В эту же минуту — тоже смущенная и тоже с туфелькой в руках — вышла Иринка.

Они взглянули друг на друга, застеснялись еще больше, опустили головы и встали рядышком — в трех шагах от Вероники Григорьевны. Было тихо, только еле слышно звенела в трубах отопления вода, а где-то в отдаленном коридоре перекликались уходившие с продленки малыши. Журка переступил полусапожками — осторожно дзенькнули шпоры. Журка посмотрел на Веронику Григорьевну.

Она сидела, втиснувшись за ученический стол и подперев большими кулаками щеки. И как-то непонятно смотрела на Иринку и Журку. Журка вздохнул и опять дзенькнул шпорами. Не шевельнувшись, Вероника Григорьевна сказала:

— Слу-ушайте. Это же... Даже не знаю, как сказать...

— А что? — ревниво спросил из глубины кабинета Горька. Он переживал за Журку.

Вероника Григорьевна мигнула, качнула головой и крепко хлопнула себя по лбу. Коротко засмеялась:

— Вот ведь литератор! Не могу слов подобрать... В общем, вы, по-моему, готовые Золушка и принц. Настоящие.

— Только мы не знаем, что делать на карнавале,— жалобно призналась Иринка.

— Вам не надо быть на карнавале. Вот в этих костюмах не надо.

Журка оторопело уставился на Веронику Григорьевну. Иринка тоже. А Вероника Григорьевна произнесла таинственно и слегка торжественно:

— Друзья мои, я предлагаю вам заговор. Совершенно серьезно...

На темных стеклах искрились от ламп морозные узоры. Будто снаружи прижался к окнам засеребренный лес, в котором когда-то заблудилась Золушка. В словах Вероники Григорьевны была тайна. Горька настороженно шевельнулся в своем углу. Вероника Григорьевна бросила в его сторону быстрый взгляд. Негромко спросила:

— При нем все можно говорить?

— Можно,— разом сказали Журка с Иринкой.

— Тогда так... Начну издалека. Про себя. Я, дорогие мои, не всегда хотела быть учительницей. В молодости, страшно подумать, была у меня сумасшедшая мечта: сделаться писательницей. Да... Поэму сочиняла, повести, даже роман один. Правда, ничего до конца не дописала, кроме нескольких стихов и одной сказки... Вот об этой сказке и речь. Она про Золушку. И про принца.

Журка с Иринкой переглянулись. Вероника Григорьевна рассмеялась, как на уроке, когда рассказывала забавные истории.

— Вы, наверно, подумали: мало нам Шарля Перро и братьев Гримм! Еще одна появилась... сестрица Гримм! Да?

— Нет, что вы... — пробормотал Журка.

— Вы не думайте, что я просто переписала старую сказку. У меня там все по-другому. И, честно говоря, эту свою «золушку» я до сих пор люблю. И вот сейчас я на вас посмотрела, и

появилась у меня нахальная идея: а что, если написать по этой сказке пьесу и поставить у нас в школе спектакль? А?

Журка с Иринкой опять посмотрели друг на друга. Все было так неожиданно. А Вероника Григорьевна, разгораясь «нахальной идеей», продолжала:

— Только к Новому году спектакль не подготовить. Самое близкое — это к весенним каникулам. И надо, чтобы всем был сюрприз. Вот поэтому и не следует принцу и Золушке появляться на карнавале... Ну как, молодые люди? Согласны?

Журка не знал, согласен ли. Никогда он театром не увлекался. И Иринка? Она... она, кажется, была согласна изо всех сил. Она порозовела, опустила глаза, кончиком языка обвела губы и неловко спросила:

— А почему мы?.. Мы же не артисты... У вас же драматический кружок есть...

— Да там же все такие оболтусы, ростом с меня. Восьмой класс и старше! А в сказке у меня Золушка и принц как раз такие, как вы, им по одиннадцать — двенадцать лет... Кстати, у них еще приятель есть такого же возраста — дворцовый шут. Странная личность, начисто лишенная чувства юмора.

— Это намек, что ли? — подал голос Горька.

— Да бог с тобой, Гаврошенька! Почему намек?

— А вчера, когда я стихи рассказывал, вы сказали, что у меня чувства юмора нет.

— Я уже забыла... А вообще-то у шута очень интересная роль... Ну что, добры молодцы, как моя идея?

— А у нас получится? — тихо спросила Иринка.

Вероника Григорьевна серьезно сказала:

— Вы уж мне поверьте, я сразу чувствую. Я же вам сказала: вы настоящие...

Иринка спросила у Журки одними губами:

— Давай?

Он улыбнулся ей:

— Давай... А на карнавал в морских костюмах пойдем. Я тебя семафорить за один вечер научу.

Цветной телевизор

Карнавал получился замечательный. Иринка и Журка пришли одетые юнгами и лихо сигналили флажками новогодние поздравления. Горька читал стихи про бой с королевскими гвардейцами и палил из пистолета. Палил, пожалуй, лучше, чем читал, но ему хлопали и за то, и за другое. Сашка и Вовка Лавенковы изображали Карлсона и Малыша. Сашка для этого затолкал под широкий клетчатый пиджак две подушки и приладил к спине вентилятор с батарейкой, а Вовке ничего особенного и не понадобилось: джинсы, пестрая рубашка — вот он и Малыш. Были еще космонавты, Буратино, Чиполлино, страшный гоголевский Вий, одноногий Сильвер из «Острова сокровищ». Митька Бурин явился в богатырских доспехах, заявил, что он Илья Муромец, и устроил бой с шестиклассником Вовкой Графовым — тот махал крыльями из лохмотьев, пускал изо рта дым и свистел, как настоящий Соловей-разбойник. Битва получилась нешуточная, даже запахло скандалом: из-за дыма, которого набралось больше, чем хотелось бы...

А потом были каникулы — такое снежное, беззаботно летящее время. Катание на лыжах и санках с Маковой горы, ледяная крепость на пустыре, спектакль «Синяя птица» в ТЮЗе, веселые вечера у Иринки, когда вместе с Игорем Дмитриевичем придумывали декорации к Золушке... А если нагулялся и устал, можно включить телевизор — и смотри сколько хочешь. Программа на каникулах была такая, что сиди у экрана хоть с утра до вечера.

Правда, цветного телевизора все еще не было. Отец бодро говорил, что «дело движется» и скоро «все будет о'кэй». При этом он смотрел на Журку, словно приглашал порадоваться вместе. Журка отводил глаза и не отвечал. Повисало молчание. У мамы опускались руки, и она смотрела то на Журку, то на отца, словно спрашивала: «Ну сколько же можно быть чужими?» И чтобы она не мучилась, Журка выдавливал что-нибудь такое:

— А чего спешить... И этот неплохо работает...

Цветной телевизор появился после каникул, в середине января. Однажды под вечер Журка явился от Иринки и услышал в комнате шум, веселые голоса и песню.

На месте старого телевизора стоял новый — большущий, на тонких растопыренных ногах. Мама стояла над ним, согнувшись, как над стиральной машиной. Отец, сидя на корточках, двигал рычажки и крутил регуляторы. На выпуклом экране, дергаясь то ли от помех, то ли от вдохновения, рвали струны электрогитар волосатые парни в алых рубашках. Рубашки были нестерпимо огненные. Гитары — разноцветные.

— Вот это палитра. Как у Иринкиного папы,— сказал Журка.

Мама и отец повернули к нему веселые лица. Отец спросил:

— Ничего машина, а?

Журка видел, как в маминых глазах метнулось беспокойство. Сказал куда-то между мамой и отцом:

— Ничего. А какая марка?

— «Радуга-семь»,— сообщил отец гордо, будто сам разработал эту систему.

Мама облегченно сказала:

— Саша, переключи на вторую программу. Мне показалось, там краски бледнее. Отчего это?

— Потому что местная студия. Халтурщики,— отозвался отец и защелкал переключателем.

Заметались полосы и зигзаги, потом на экране возникла солидная розоволицая дама и сказала круглым, авторитетным голосом:

— ...а вопрос это совсем не простой. Одни говорят — школа, другие — семья, третьи — они сами. Едва ли можно ответить на это однозначно. Целый комплекс причин заставляет нас думать, что...

Дама была похожа на директоршу Журкиной школы — спокойную и несердитую Нину Семеновну. И говорила она, кажется, тоже что-то педагогическое...

— Давай переключим,— сказал отец.— Сейчас хоккей...

— Подожди, подожди, тут что-то интересное...— Мама взяла с телевизора газету с программой.— Что это за передача?.. Ага, «Подросток — проблемы и тревоги». Журка, это про тебя...

— Разве я подросток? — сказал Журка.

— А кто же ты? — удивился отец.

Журка не ответил бы, но мама тоже смотрела вопросительно, и он сказал ей полушутя:

— Подросток — это во! Ростом с тебя. А я еще малое, недоразвитое дитя.

— Недоразвитое — это верно,— засмеялась мама и хотела взъерошить Журке волосы, но он увернулся. Опять взглянул на экран. Розовощекая тетя продолжала беседу:

— ...однако при всех спорах нельзя забывать, что без благотворного, здорового влияния семьи полноценное воспитание становится крайне затруднительным. А чему могут научить детей люди, которые забывают не только о своем отцовском и материнском долге, но зачастую вообще теряют человеческий облик?.. У нас есть кинопленка, отснятая недавно в городском медвытрезвителе. Чувство тревоги и возмущения вызывают эти кадры...

Журка увидел длинное помещение с барьером, скамейки вдоль стен, поникших людей на этих скамейках. Два милиционера с очень красными петлицами на шинелях вежливо вели какого-то дядьку — он заплетал ногами. Потом на экране возникло женское лицо — измятое морщинами, с маленьким беспомощным подбородком. В морщины скатывались и терялись в них мелкие слезинки. К мокрым от слез щекам прилипали кончики растрепанных волос. Слегка измененный, но знакомый голос розоволицей дамы произнес:

— Ее привели сюда по требованию соседей. Соседи же рассказали нам, что у этой женщины есть десятилетний сын. Однако дома его в этот поздний час не оказалось... Скажите, пожалуйста, где сейчас ваш мальчик?

Плачущая женщина заморгала, на лице проступили тревога и жалость.

— Гуляет он, сыночек мой, к товарищу пошел...— хрипловато и бормочуще заговорила она.— Он вот придет, а я...

— А вас не беспокоило, почему его до сих пор нет дома? Неужели вам все равно, что с вашим сыном?

Лицо у женщины сморщилось, и слезы потекли сильнее.

— Как же все равно-то! — воскликнула она неожиданно тонким голосом.— Это же сыночек мой, я же его люблю, сыночка моего. Как же вы такое говорите! Ведь он же у меня один, сыночек-то...

Журка растерянно оглянулся на маму. В ее глазах — очень больших и слишком блестя-

щих — встревоженно мигали два крошечных цветных экранчика. Мама сжала спинку стула и тихо сказала:

— Ну что же это... Разве можно показывать такое? Ведь она же мать... А если мальчик увидит? А что ему завтра скажут в школе?

Журка опять взглянул на экран и болезненно зажмурился — от мучительной неловкости и ощущения вины. У людей беда, а он смотрит по цветному телевизору, как кино.

«Переключите!» — хотел сказать он, но в горле нехорошо защекотало. Он открыл глаза и увидел на экране снова коридор со скамейками. По нему два человека с красными повязками вели высокого мужчину без шапки. Под лампочками блестяще отливали седые прядки. Мужчина резко дернул плечом, освободил из пальцев дружинника локоть и зло сказал:

— Не держи, я на ногах крепко стою. Вы еще ответите...

Что-то громко и возмущенно разъяснял голос дамы, ведущей передачу. Журка не понимал ни слова. Он закусил губу и беспомощно стиснул кулаки.

— Господи...— шепотом сказала мама. Журка понял, что она смотрит на него отчаянными глазами. Она тоже узнала. Человек без шапки был Иринкин отец.

Они с мамой досмотрели передачу до конца. Молча. Отец поворчал, что не дают смотреть хоккей, и ушел на кухню. Показывали каких-то стриженых парней, милиционеров, занесенную снегом спортивную площадку, потом снова розовощекую даму, которая что-то объясняла. Журка не слушал. Он отчаянно боялся одного: вдруг еще раз покажут Игоря Дмитриевича!

Нет, не показали. Экран вдруг стал ярко-синим, по нему побежали зеленоватые волны, а потом вспыхнула желтая надпись: «Режиссер передачи Э. Кергелен».

Буквы сияли так ярко, что по синему полю экрана от них разлетались золотистые лучи.

«Кергелен,— машинально подумал Журка.— Это что-то южное. Кажется, в Индийском океане есть такой остров...»

В праздничном разноцветье экрана и букв было издевательство. Насмешка над Иринкиной бедой. Журка оттолкнул стул и вышел в прихожую. Мама поспешила за ним.

Журка стал торопливо натягивать пальто.

— Может быть, не надо?.. Сейчас не надо...— неуверенно сказала мама.

Журка досадливо мотнул головой. Надо! Черная молния беды ударила в Иринкиного отца. Значит, и в Иринку. А он будет сидеть дома? Кто тогда ее защитит?

От кого защищать, Журка не знал, но то, что должен бежать к Иринке, знал точно.

Он встретил Иринку в квартале от ее дома. И понял, что она вышла навстречу. Значит, догадалась, что Журка придет.

Они остановились под желтым неярким фонарем посреди заснеженного тротуара.

— Видел? — тихо спросила Иринка и опустила голову.

— Видел,— виновато сказал Журка.

Они помолчали. Фонарь светил сквозь ветки большого клена. Клен был увешан гроздьями необлетающих крыльчатых семян. Ветки качались от снежного колючего ветерка. Их тени на тротуаре ходили туда-сюда, и казалось, что плавно ходит под ногами сам тротуар. От этого начинала кружиться голова.

— Ну зачем только люди эту водку выдумали! — беспомощно и отчаянно сказала Иринка. От ее губ отлетели клубки пара.

Журка переступил на утоптанном скрипучем снегу. Сердито спросил:

— Но за что его? Он же совсем не пьяный был! Просто шел...

— В том-то и дело, что не просто...— Иринка медленно шагнула, и Журка пошел рядом с ней.— Он все-таки выпил тогда. Это знаешь в какой день было? Перед каникулами, когда мы Веронике Григорьевне свои костюмы показывали... А на другое утро, помнишь, я такая хмурая была, а ты решил, что я за что-то на тебя дуюсь...

Журка не помнил, но кивнул. И спросил:

— А что случилось-то?

— Они тогда снежный городок на главной площади оформляли. Целая бригада из художественных мастерских... Понимаешь, там у всех подсобные помещения были, теплые вагончики — у строителей, у электриков. А художникам ничего не приготовили, никакой даже будочки. Ну, они перемерзли все и говорят: «Давайте погреемся»... Знаешь ведь, как они греются. А потом в троллейбусе...

— Что в троллейбусе?

— Контролерша стала билеты проверять. А папа по ошибке пробил не троллейбусный, а автобусный билет. Ну, она и раскричалась: «Седой уже, а обманываешь! Плати штраф!» А почему «обманываешь»? Автобусный билет даже дороже... Папа говорит: «Мне штраф не жалко, только зачем вы мои седые волосы задеваете? Покажите ваше удостоверение». А она: «Ах, тебе удостоверение! Водки нахлестался, а теперь хулиганишь! Милиция!..» Ну, вот и все... Мы с мамой целую ночь не спали, все его ждали...

— Это же несправедливо! Из-за какого-то билета!..— возмущенно сказал Журка.

— А кому докажешь? Эти горластые тетки всегда правы. Помнишь, тогда на Горьку заорали: «Безбилетник, шпана, в милицию!» А у него билет просто за подкладку завалился.

Журка помнил. Он плюнул на снег.

— Кто таких только в контролеры пускает...

— И кто на студию пускает дураков, которые такие передачи делают...

— Точно! А ты фамилию режиссера видела? Какой-то Кергелен.

Иринка сердито мотнула вязаной шапкой с пушистым шариком.

— Не видела... Мама заплакала, я сразу телевизор выключила.

Они подошли к Иринкиному подъезду.

— К нам, пожалуй, не надо сейчас,— неуверенно сказала Иринка.— Мама такая расстроенная...

— Я понимаю.

— Завтра в классе что будет... Папу ведь многие знают.

— Да ничего не будет. Эту передачу, наверно, никто и не смотрел, по первой программе хоккей шел.

— Кто-нибудь все равно смотрел.

— Ничего не будет,— повторил Журка.— Ты не бойся. Если кто что-нибудь скажет... я тогда... Ришка, ты ничуть не бойся, ясно?

Он впервые назвал ее Ришка. Про себя он так ее часто называл, а вслух стеснялся. А теперь сказал.

И она серьезно кивнула.

Шумный день

Утром никто в классе не задел Иринку ни сочувствием, ни расспросами, ни насмешкой. Может быть, и в самом деле не видели передачу. А может быть, видели, но Иринкиного отца не узнали. А если кто-то узнал, то хватило ума промолчать.

К тому же класс будоражило другое событие: накануне арестовали Капрала.

Раньше Капрал учился в этой школе, и его многие знали. Да и не только по школе знали. Кое-кто жил с ним по соседству, а некоторые сталкивались на улице. Компания Капрала была широко известна в окрестностях.

Грабля, то есть Борька Сухоруков, который с Капралом был хорошо знаком, рассказывал про все, что случилось. Рассказывал охотно и даже с какой-то гордостью. В новогоднюю ночь подвыпивший Капрал гулял по улицам с приятелями и затеял драку. Он столкнулся с пареньком, курсантом летного училища, и сказал ему что-то обидное. Курсант оказался не робкого десятка и ответил. Тогда Капрал ударил его бутылкой по лицу. Потом компания убежала, а курсанта увезла «Скорая». Оказалось, что у него на нижней челюсти трещина. В компании Капрала в ту ночь вместе со взрослыми парнями шатался Череп. Курсант, когда вышел из больницы, встретил Черепа на улице и узнал. Черепа задержали, а заодно Шкалика, который оказался рядом. Череп молчал, как бык, но Шкалик, хотя он попал в милицию случайно, разревелся и начал визжать: «Я ни при чем, меня там не было, это все Капрал, а меня опять ни за что...» Тут все стало ясно. Взяли Капрала.

Но, видать, кроме драки, за Капралом были и другие грехи, потому что на квартире у него сделали обыск.

— Много чего нашли,— значительно сказал Грабля.— И между прочим, знаете что? Марки, которые кто-то свистнул со школьной выставки...

Тут Журка вспомнил, что в каникулы в школе была выставка филателистов и с нее кто-то «увел» два планшета с парагвайскими и либерийскими марками, на которых красовались старинные парусные корабли. Марки были замечательные, Журка разглядывал их с завистью. Говорят, когда они исчезли, в кабинете директора был скандал: приходили родители семиклассника — владельца этих марок — и грозили судом и милицией.

— Теперь ниточка потянется,— с многозначительным видом говорил Грабля. Поглядывал выше голов и постукивал по парте обкусанными ногтями. Судя по всему, Капрала он не очень жалел, а молчание внимательных слушателей было ему приятно.— Теперь кой-кого за жабры возьмут...

— Кого? — спросил маленький Дима Телегин.

— Кого надо. Следователь разберется...

Скорее всего Грабля понятия не имел, кто стащил для Капрала марки. Но любопытному Димке Телегину казалось, что у Грабли можно что-то узнать. В классе он сидел позади Сухорукова и на уроке истории донимал его тихими, но упорными расспросами. Борька шепотом отругивался.

— Сухоруков! Ты прекратишь издеваться надо мной или нет? — громко произнесла Маргарита Васильевна.

— А че я сделал?

Маргарита Васильевна терпеть не могла Граблю. Он был прогульщик, двоечник и злостный нарушитель дисциплины. Он по всем показателям тянул пятый «А» в отстающие. Маргарита Васильевна не раз откровенно заявляла, что место Сухорукова не здесь, а в колонии. Она выражала надежду, что в конце концов туда он попадет. Кроме того, она терпеть не могла слов «че я сделал», если даже их произносили вполне благополучные ученики. А уж если этот Сухоруков...

Маргарита Васильевна сразу налилась помидорным соком и закричала:

— «Че» ты сделал? Срываешь урок, вот «че»! Марш из класса!

Грабле было не привыкать. Он стал медленно выбираться из-за парты.

— Шевелись, не тяни время! Нам заниматься надо!.. А ты куда, Телегин?

— Мы же вместе разговаривали,— сказал Димка.— Значит, я тоже...

Он был маленький, вертлявый и прилипчивый, но справедливый. И довольно храбрый.

— Сядь немедленно!

— Но раз мы вместе...

— Сядь, говорю! Нашел себе приятеля! Его давно спецшкола для трудных ждет!

— Уж как ждет. Прямо плачут там без меня,— сказал Грабля.

— Ты смотри сам не заплачь! — вскипела Маргарита Васильевна.— Герой! Вот разберут это дело с марками, посмотрим, кто заплачет, а кто засмеется!..

Все притихли.

— А я-то... при чем? — сбивчиво сказал Сухоруков.

— Там выяснят, «при чем»,— слегка сбавляя тон, ответила Маргарита Васильевна.

Непонятно было: или она правда подозревает Граблю, или со зла наговорила лишнего. Но Грабля испугался. Обычно он разговаривал с учителями сидя, а сейчас встал. Даже побледнел чуть-чуть.

— Да я на каникулах и в школу не заходил!

— Разберутся, разберутся...

— А чего разбираться? — жалобно сказал Грабля.

«Какой ощипанный сразу стал»,— подумал Журка. Граблю он не любил. Правда, к Журке Грабля никогда не приставал да и вообще в своей школе не трогал ребят, даже младших, но все равно он был из «тех». Из тех, которые дежурят в кино, чтобы вытряхнуть у малыша гривенник или дать подножку. Из тех, у кого то ли от курева, то ли от равнодушия лицо будто присыпано серой пылью. Из тех, кто во время хорошего фильма вдруг начинает ржать, когда у тебя в горле щекочет от слез...

Но сейчас Грабля сделался не такой. Обыкновенный мальчишка стал, растерянный, даже маленький какой-то, не больше Димки.

А Маргарита, наоборот, будто выросла, набралась тяжелой правоты и силы. Борькин страх ей добавил уверенности.

— По крайней мере именно ты больше всех был связан с этой воровской шайкой Капралова,— заявила она.

— Чего связан-то...— бормотнул Грабля.

«Он совсем не умеет доказывать правоту»,— подумал Журка. И в это время позади Журки раздался Горькин голос:

— А когда украли марки?

Маргарита Васильевна подумала и довольно благожелательно сказала:

— Пятого числа, после обеда... Ты что-то знаешь?

— Я знаю,— сказал Журка и встал.— И Валохин знает.— Он оглянулся на Горьку.— И многие... Су-

хоруков ничего украсть не мог. Он с обеда до вечера катался на санях на Маковой горе.

— Откуда это тебе известно? — недовольно спросила Маргарита Васильевна.

— Потому что мы там тоже были. Валохин, Брандукова, я... и еще ребята... С утра в ТЮЗе, на «Синей птице», а потом до вечера на горе.

— В хорошей компании ты там резвился...

Журку кольнула злая досада: что Маргарита зря придирается?

— При чем тут компания? Просто на одной горе были. У него своя компания, у нас — своя...

— Вот именно! Так почему ты, Журавин, заступаешься за этого хулигана Сухорукова?

Журка мельком глянул на Граблю. Тот стоял уже более уверенно.

— Я не за него заступаюсь, а... ну просто потому, что он не виноват! Если бы виноват, я бы не заступался. А теперь получится, что на Сухорукова все свалят, а настоящего жулика не найдут.

— Не считай, что все взрослые глупее тебя, — отрезала Маргарита.

— Я не считаю, что все... — вырвалось у Журки, и он даже испугался.

Но в это время кто-то из девчонок перебил его:

— А может, вы не пятого катались.

— Ага! Или там был совсем не Грабля, — ехидно сказал Горька.

— Или вообще ничего не было. Ни пятого числа, ни горы, ни каникул, — подала голос Иринка.

— А чего! Может, правда все перепутали! — вмешался Толька Бердышев — балда и лентяй. Ему было безразлично, за кого заступаться: лишь бы подольше галдели, тогда авось не вызовут к доске.

— Чтобы все перепутать, надо быть малость больным, как Бердышев, — сердито ответила Иринка.

— Или малость пьяным, как твой папа, — сказал Бердышев.

Наступила резкая тишина. Секунд на пять. Потом все случилось очень быстро. Иринка рванулась в проход между партами, со звоном залепила Бердышеву учебником по щеке и выскочила из

класса. Но все же она чуточку опоздала. Борька Сухоруков дотянулся до Тольки раньше и успел отвесить ему по загривку могучего леща. Поэтому Журка оказался только третьим. Он перелетел через парту с Лавенковым и Светкой Гарановой и кулаком врезал Тольке между лопаток. И выскочил следом за Иринкой.

Иринка стояла в конце коридора. Вцепилась в батарею и смотрела в окно. Коротко оглянулась на Журку. Глаза были блестящие, но сухие.

— Не вздумай зареветь,— сказал Журка.

— Не вздумаю. Из-за какого-то идиота...

Но она часто дышала, и Журка понял, что разреветься она все-таки может.

— Ришка,— сказал он.— Бердышев просто тупая свинья. А за тебя все ребята...

Подошли Сухоруков и Горька. Почему они здесь? Выскочили следом? Или Маргарита выставила? Грабля потоптался и неловко сказал:

— Спасибо, парни...

Ему не ответили, не до того было. Он вздохнул и отошел. Горька сообщил задумчиво:

— Я Бердышеву въехал по уху. Для комплекта.

Иринка вдруг сказала:

— Ох, ребята, будет нам теперь! И все из-за меня.

— Почему из-за тебя?— возмутился Журка. Но тут же почувствовал внутри противный холодок. Из-за Иринки или нет, а все равно «будет». Что ни говори, а устроили в классе свалку, самовольно ушли с урока. С Журкой такое случилось впервые.

Но он коротко вздохнул и храбро сказал:

— Пускай. Мы не виноваты.

Но, конечно, оказалось, что они виноваты. В безобразном поведении, в срыве урока и варварском избиении товарища. Именно так заявила Маргарита Васильевна, когда после пятого урока оставила своих питомцев на собрание: разобраться в их «чудовищных поступках». И ладно, если бы разбиралась она одна. Покричала бы, записала бы в дневники — и топайте домой. В общем-то она была не злопамятная. Но, едва началось собрание, появился Виктор Борисович.

— У-у, держись, ребята...— тихонько протянул Митька Бурин. А Журку слегка затошнило от противного страха: все знали, что Виктор Борисович — гроза и бич всяких нарушителей.

— Маргарита Васильевна, пригласите виновников происшествия к доске,— сухим голосом распорядился он и сжал рот в красную точку. Посмотрел, как Журка, Горька, Иринка и Грабля выбираются из-за парт, и повторил громче: — Да-да, к доске. Вот сюда! — Он ткнул острым пальцем.— Вот на это место! Чтобы все видели паршивцев, которым не место в советской школе! — И взвизгнул: — Живо!

Они — что делать — стали у доски понурой шеренгой.

— Отвечайте! — крикнул Виктор Борисович.

Легко кричать «отвечайте». А на какой вопрос отвечать? Что говорить?

— Долго будем молчать? — вдруг, совершенно успокоившись, поинтересовался Виктор Борисович. И по-мальчишечьи забегал вдоль шеренги. Тогда Журка услышал сумрачный Горькин голос:

— Чего отвечать-то?

— Молчать! — снова взвизгнул завуч.— Ничтожные болтуны! Отвечайте, как вы посмели! Да, как вы посмели устроить это надругательство над школьными правилами?!

Надо было отвечать. Кто ответит? Горька? Но он ударил Бердышева последний. Грабля? Но с него какой спрос? Он врезал Тольке просто от благодарности к Иринке: потому что она заступилась перед Маргаритой. Сама Иринка ответит? А Журка, значит, будет прятаться за нее?

Журка поднял глаза:

— Потому что Бердышев обругал отца Брандуковой...— сказал он негромко, но, кажется, без дрожания в голосе.

— Вот как! — язвительно воскликнул Виктор Борисович. И тут же торопливо вмешалась Маргарита Васильевна:

— Но послушай, Журавин, разве это правильно?.. Виктор Борисович, не волнуйтесь, у вас же сердце!.. Скажи нам, Журавин, разве можно в ответ на слова, которые тебе не понравились, пускать в ход кулаки? Да еще так дружно и остервенело?

Она говорила спокойно, почти ласково, и Журка немного осмелел:

— Когда как...

— Что значит «когда как»? — Голос у нее слегка ожесточился.— Когда четверо на одного, на беззащитного товарища — можно? Тут и нервы позволено распускать, и руки? А если кто-то сильнее или взрослее, вы бы, наверно, вели себя с ним сдержаннее. Разве не так, Журавин? А?

Журка пожал плечами.

— Не знаю...

— Нет, знаешь! Со мной бы ты, наверно, не стал драться, если бы даже и обиделся. А?

«Мелет чепуху какую-то»,— с досадой подумал Журка. И сказал устало:

— С женщинами не дерутся...

— Ах вот что! — опять взвизгнул Виктор Борисович.— Ты нахал! Дерзкий мальчишка! Значит, если бы Маргарита Васильевна не была женщиной, ты мог бы кинуться в драку? На своего наставника? На пе-да-гога? Может быть, ты кинешься на меня?

«Что ему надо?» — тоскливо подумал Журка. В классе стало тихо. Видимо, вопрос завуча озадачил всех. И вдруг поднялся Сашка Лавенков. Сказал ясно так и ровно:

— Нет, ему на вас нельзя. Вот если наоборот — другое дело.

— Что?..— озадаченно спросил Виктор Борисович.— Что наоборот?

— Я говорю, что вам, наверно, можно,— разъяснил Сашка, и в голосе его прорезался негромкий звон.— Возьмите его за ухо и головой о дверь. Как Вовку.

Было тихо, а стало еще тише. Виктор Борисович шелестящим шепотом сказал:

— Что? Как ты смеешь? Какой Вовка?

— Мой брат. Лавенков из третьего «Б»,— разъяснил Сашка.— Вы, конечно, уже забыли. Он вчера бежал по коридору, а вы его за ухо хвать и в учительскую поволокли. И лбом о косяк.

Виктор Борисович коротко задохнулся:

— Ты... Ты... Это чудовищная клевета! Это... Ин-си-ну-ация!

— Я не знаю, что такое эта ин... си... В общем, не знаю,— холодно ответил Сашка.— Только Вовка никогда не плачет, а вчера пришел со слезами. И ухо болит до сих пор.

— Ты лжец!

— Нет,— сказал Сашка.

Он стоял прямой, спокойный. «Он совсем не боится,— подумал Журка.— Потому что у него есть брат. Он заступается за брата. Не страшно, если за брата... или за сестру...»

И Журка сказал:

— Лавенков не врет. Он вообще никогда не врет. Он командир нашего отряда.

Виктор Борисович дернул головой с гладкими

бесцветными волосами и тонким пробором. Глянул не то на Журку, не то сквозь него и повернулся к Маргарите.

— Всем! — сказал он с частым придыханием.— Всем! Вот этим... и ему...— Он ткнул в Лавенкова.— За третью четверть поведение «неудовлетворительно»! Всем! Я доложу сейчас директору!

Он почти бегом заспешил к выходу — маленький, худой, похожий на мгновенно состарившегося мальчика — и со стуком закрыл за собой дверь.

— Достукались,— горько сказала классу Маргарита Васильевна.— Пять «неудов» за четверть. Прекрасные показатели! Как ты думаешь, Лавенков?

— А почему пять? — Лавенкова, кажется, ничуть не тронул грозящий «неуд».— Бердышев, значит, ни в чем не виноват? Так и отсидится?

Все повернулись к Тольке. Он сидел, хлопая белыми ресницами. Будто хотел сказать: «А я-то при чем?»

— Разберемся и с Бердышевым,— неуверенно пообещала Маргарита Васильевна.

— А Лавенкову за что «неуд»? — спросил Журка.

— За безобразную грубость! — отрезала Маргарита.

— А-а! — протянул Димка Телегин.— Это значит, Санька сам таскал своего брата за ухо! А свалил на Виктора Борисовича.

— Телегин! Ты тоже хочешь заработать?

— А я не боюсь,— весело заявил Димка.— Подумаешь, поведение снизят. Пять лет впереди, сто раз еще исправлю.

— Это у тебя-то пять лет впереди? С такими-то замашками? Кто тебя возьмет в девятый класс? Как миленький отправишься в ПТУ.

— А что ПТУ, штрафбат, что ли? — спросил Митька Бурин.— В некоторые училища конкурс, как в институты.

— В такие училища, дорогой мой...— начала Маргарита, но тут открылась дверь, и все вскочили: вошла директор Нина Семеновна.

— Садитесь, садитесь, ребята... Маргарита Васильевна, говорят, что-то веселенькое выкинули наши детки, а?

Она была добродушная, уверенная, не умеющая волноваться. А Маргарита заволновалась, как школьница:

— Да, Нина Семеновна, к сожалению. Вот эти... Сначала драка, потом...

— Знаю, знаю. Это и есть заводилы? Смотрите-ка, даже девочка. Ну и петухи...

— Виктор Борисович требует снизить им оценку за четверть,— зло, но неохотно произнесла Маргарита. Понятное дело — ей самой не хотелось, чтобы класс терял показатели.

На добром, домашнем лице Нины Семеновны проступила полуулыбка.

— Ну, это мы посмотрим. До конца четверти далеко, может быть, они исправятся. А, орлы?

Она, кажется, ожидала радостных обещаний, что да, исправятся. Но шеренга хмуро молчала. И Лавенков молчал. Однако это не обескуражило Нину Семеновну.

— Исправятся,— решила она.— А вы, Маргарита Васильевна, понаблюдайте. Разберитесь. Побеседуйте, если надо, с родителями...

Журка и Горька проводили Иринку до троллейбуса. Сначала шли молча. Потом Горька рассмеялся:

— А Бердыш-то ничего не понял!

— Что не понял? — удивился Журка.

— Он же ничего не знал про передачу, точно вам говорю... У него просто привычка такая: отругиваться. Не помните, что ли? Ему скажешь: «Ты дурак», а он: «Как твой папа» или «А у тебя мама горбатая»...

«А ведь верно»,— подумал Журка.

— Все равно. Так ему и надо,— сказала Иринка.

— А Грабля-то как вскинулся! Я даже не ожидал,— вспомнил Горька.

Журка тоже подумал о Грабле, а потом о всей компании Капрала. И о самом Капрале. Было жаль его. Хоть и виноват, а все равно жаль. Потому что не забыть, как он шел рядом и укрывал Журку своей курткой. Но Журка не сказал об этом. Горька все равно не поймет. Он после той истории с бутылкой только плюется, услышав про Капрала. А Иринка поймет, но вспомнит, что Капрал затеял драку, когда был пьяный. И, значит, про отца вспомнит... Журка сказал озабоченно:

— Как бы Маргарита и правда не пошла к родителям...

— Ну и пусть,— отозвалась Иринка.— Меня ругать не будут, меня мама с папой всегда понимают.

Журка посмотрел на нее укоризненно: «А Горька?» Тот будто услышал его мысль. Небрежно проговорил:

— Мне наплевать. Папаша от меня отступился, больше пальчиком не трогает.

«Вот это хорошо,— обрадованно подумал Журка.— Если только Горька не врет. Нет, кажется, не врет».

Иринка взглянула на Журку с беспокойством.

— А тебе не влетит?

— Мне? — удивился он.— За что? Думаешь, мама не поверит мне, если я все объясню?

— А... папа?

Журка скучным голосом сказал:

— Это меня не волнует.

В маленьком королевстве

Наконец Вероника Григорьевна собрала будущих актеров, чтобы почитать свою сказку. Кроме Журки, Иринки и Горьки, в литературный кабинет пришли старшие ребята: девятиклассник Олег Ножкин, который собирался играть короля, высокие девчонки — мачеха и старшие сестры Золушки; восьмиклассники — им предстояло исполнять роли придворных. Среди них был и Егор Гладков — командир королевских гвардейцев.

Сели не за столами, а кружком. За окнами уже синел ранний вечер. Вероника Григорьевна шумно вздохнула:

— Что-то волнуюсь я, братцы. Ежели что не так, вы уж не очень ругайте...

Ее заверили, что все будет «так» и ругать не станут.

— Тогда ладно. Слушайте...

И вот какую историю узнали они в тот вечер.

Все это происходило в королевстве Унутрия. Точнее, Верхняя Унутрия. Не слыхали? Неудивительно. Это очень маленькое королевство. На свете существует много маленьких государств, о которых мы не знаем. Конечно, всякому известно, что есть карликовые княжества Монако и Лихтенштейн, крошечные республики Сан-Марино и Андорра, но про государство Сен-Винсент слышали уже не все, а о таких странах, как Южная Пальмовая Республика или государство Санта-Микаэла, знают, кажется, только ученые-географы. В школах эти государства не изучают. На картах их обозна-

чают не названиями, а цифрами. Да и то не всегда.

Такая судьба и у королевства Верхняя Унутрия.

Когда-то оно было побольше и состояло из двух частей — Верхней и Нижней. Но потом Нижнюю Унутрию отвоевал у королей непокорный герцог Сан-Балконо, а Балконское герцогство завоевал еще кто-то, и половина королевства растворилась без следа среди других стран. Но Верхняя Унутрия существует до сих пор. Южная граница ее проходит по берегу Оранжевого моря. Сколько в королевстве жителей, точно не установлено. Какая территория, тоже трудно сказать. Известно только, что, если поехать вдоль границ Верхней Унутрии на велосипеде, вся дорога займет несколько часов. Есть даже официальные соревнования велосипедистов, они называются «Гонки по Королевскому кольцу». Лучшее время в прошлом году показал учитель физкультуры из столичной средней школы. Он объехал королевство за четыре часа, тринадцать минут и тридцать две секунды. Как видите, путь не очень длинный. К тому же надо учесть, что дорога, хоть и носит пышное название «Королевское кольцо», на самом деле довольно скверная. Кое-где спортсменам приходится тащить велосипеды на себе. А велосипеды, к слову сказать, очень громоздкие и неудобные: с маленьким задним колесом и громадным передним. Традиции старины и правила соревнования позволяют участвовать в гонках только на таких древних машинах.

Недавно министр Здоровья и Физкультуры на заседании Государственного совета потребовал, чтобы спортсмены соревновались на современных велосипедах. Но его не поддержали. Тогда министр сказал, что надо хотя бы заменить литые шины на старых драндулетах новыми, надувными. С ним согласился король. Но члены Государственного совета рассердились, и министру Здоровья и Физкультуры был объявлен выговор (правда, не строгий, а обыкновенный). А королю сделали замечание.

Министр Медных и Серебряных денег сказал, что соревнования на старинных велосипедах привлекают множество туристов из-за границы. А чем больше туристов, тем лучше для королевской казны. Смотреть же на обыкновенных велосипедистов никто не станет. Старый премьер-министр Лео Гран-Градус добавил, что все должны уважать обычаи королевства, а не гоняться за модными новинками. Король смутился и закашлялся.

Короля звали Эдоардо пятьдесят четвертый. Всех королей в Верхней Унутрии звали Эдоардо, это тоже была традиция. Вот поэтому к нашему времени накопился такой счет. Король часто вздыхал и говорил:

— Хорошо было Петру Великому или, скажем, Наполеону Бонапарту. Или нашему Эдоардо Воинственному, основателю королевства. Они все были первые. А попробуй совершить что-нибудь историческое, когда ты пятьдесят четвертый...

Жизнь у короля была беспокойная. Страна маленькая, а хлопот хоть отбавляй. То сломался мост через речку Трех Волков, и: «Ваше величество, вас выбрали почетным руководителем ремонтной бригады»,— то забастовала королевская гвардия — требует позолотить парадные каски, а чем их позолотишь? То иностранные туристы написали жалобу, что в развалинах старой крепости не оказалось привидений, и требуют назад деньги за билеты. Скандал на все королевство!

Ни сна, ни отдыха, а зарплата у короля, между прочим, меньше, чем у любого из министров. Потому что считается: в Верхней Унутрии и так все принадлежит его величеству. Принадлежит-то принадлежит, а разве от этого легче? Если, скажем, износились королевские башмаки, не будешь ведь просить в обувной лавке бесплатно новые туфли. Или захотелось пирожного, а в карманах королевских панталон — ни одного медяка? Конечно, хозяин кондитерской, что напротив дворца, будет закатывать глазки и восклицать: «Ах, ваше величество, какая радость, какая честь, что вы пришли! Нет-нет, забудьте о деньгах!» Но попробуй не расплатиться. Завтра же пойдут разговоры: «Король объедает своих подданных, король злоупотребляет служебным положением, король — тиран!»

От такой жизни у Эдоардо пятьдесят четвертого несколько раз со звоном лопалось терпение, и он требовал, чтобы его отпустили на пенсию. Но Государственный совет не отпускал, потому что не было замены. На престол разрешалось вступать лишь с двадцати двух лет, а наследный принц — будущий король Эдоардо пятьдесят пятый — до этого возраста еще не дотянул.

Он был ничего принц, толковый. Носил титул Правителя Нью-Ахтенберга (такой городок под столицей), имел звание лейтенанта королевской гвардии, был членом Государственного совета, но в короли никак не годился: его высочеству недавно стукнуло одиннадцать лет. Вместе с другими мальчишками и девчонками он учился в столичной средней школе. В пятом классе «Д».

Сказка эта как раз и начинается с того, как однажды в понедельник его высочество вернулся из школы.

...Принц вошел во дворец и зашагал по сводчатым коридорам. Он отражался в высоких мутноватых зеркалах, которые стояли здесь со времен Эдоардо тридцать девятого. Над беретом принца сердито дергалось помятое страусовое перо. По законам Верхней Унутрии члены королевской семьи должны были ходить на работу и в школу в старинных придворных костюмах. Что делать, принц ворчал, но ходил. Однако сегодня его дворцовое одеяние выглядело не по-королевски. Бархатная курточка была в известке и пыли, шелковый чулок разорван на коленке, а широкий кружевной воротник словно драли недавно сердитые коты. Дыру на колене принц прикрывал старым портфелем с королевской монограммой, но ничем нельзя было прикрыть большой синяк под левым глазом, поэтому принц шагал торопливо и не отвечал на приветствия дежурных гвардейцев, которые стояли между зеркалами и салютовали его высочеству шпагами...

В комнате принца сидел насупленный королевский шут. Шуту было тоже одиннадцать лет, и они с принцем учились в одном классе. Но сегодня шут в школу не ходил: по понедельникам он дежурил во дворце.

Такая уж традиция: при дворе должен быть шут. Сын директора зоопарка Генрих фон Кваркус (по прозвищу Генка Петух) быть шутом не хотел, но его назначил на эту должность премьер-министр Лео Гран-Градус. Генрих упирался, говорил, что у него нет чувства юмора, но премьер пожаловался отцу Генриха, и тот пообещал надрать сыну уши: тогда, мол, чувство юмора появится. Что поделаешь, некоторые папаши готовы определить сына даже в шуты, лишь бы должность была придворная.

К своим обязанностям юный шут относился безобразно. Вернее, никак не относился. На голове не ходил, анекдотов не рассказывал и во время

королевских обедов не сидел под столом и не кукарекал. Премьер сказал об этом королю, но тот ответил:

— Ну и шут с ним. При такой жизни все равно не до смеха...

Пока принц был в школе, шут сидел за старинной доской с шашками и лениво играл сам с собой в поддавки. Когда пришел Эдоардо, он оживился:

— Ого! Хорошую блямбу тебе поставили!

Чувства юмора у него не было, но чувство ехидства было.

Эдоардо засопел и швырнул портфель с такой силой, что в тронном зале, который был за стенкой, посыпалась штукатурка и покосился портрет Эдоардо сорок девятого, Великолепного.

— Что, ваше высочество, двойку схлопотал? — спросил шут Генрих насмешливо, но с некоторым сочувствием.

— По поведению,— буркнул принц.

Генрих присвистнул:

— Подрался?

— С Лизкой...

— Не с Лизкой, а с «ее сиятельством юной герцогиней Шарлоттой-Элизабет де Бина»,— наставительно сказал Генка Петух.— Учат тебя, учат дворцовому этикету, а толку... Чего не поделили?

— Да ну ее, ненормальную! Кто-то положил ей в парту заряд с пистонами, а она сразу на меня: «Эдька, это опять твои шуточки!» Я говорю: «Ты что, рехнулась?» А она: «Ах, кто вас воспитывал! Сразу видно, что ваш предок Эдоардо Воинственный был из пастухов!» Я ей сказал, что ее предки были из крокодилов. А она: «Ты просто завидуешь! Наши предки еще тысячу лет назад были владетелями замка Бина и носили фамилию с приставкой «де»...» Ну, я и посоветовал ей сменить «де» на «ду»...

— Тут-то все и началось,— догадался шут.

— Она бросила в меня своим фамильным пена-

лом с серебряной крышкой. А я что, терпеть должен?

— С девочками драться нехорошо,— язвительно заметил Генрих.

— Девочка... Когти как у пумы. Воротник изодрала... Переодеться бы, пока папа не пришел...

Но было поздно. Папа Эдоардо пятьдесят четвертый оказался легок на помине. Он бесшумно приоткрыл дверь и вошел в комнату.

Король был высокий, худощавый и слегка сгорбленный мужчина. Он кутался в плюшевый халат. Небольшая домашняя корона сидела на его лысеющей голове немного набекрень.

— Ну-с, ваше высочество, как дела? — бодро сказал он.

Принц кисло улыбнулся и пожал плечами. Мол, все по-старому, не о чем говорить.

— Дневничок бы посмотреть,— сказал папа, приглядываясь к синяку.

Эдоардо собрался наврать, что дневник взяли на проверку, но король уже заметил валявшийся у стены портфель. Поднял его и вытащил потрепанный дневник на свет.

«Сейчас начнется»,— тоскливо подумал юный Эдоардо.

И началось.

— Эт-то что? — спросил папа-король.

— Что? — тихо спросил принц.

— Я тебя спрашиваю, «что». Иди сюда. Иди, иди... Что здесь написано?

— Где?

— Здесь. Вот здесь. Вот-вот! Читай!

— Ну...

— Без всяких «ну»! Читай немедленно!

Эдоардо вздохнул и скучным голосом прочел:

— «Устроил безобразную драку на перемене. На уроке природоведения подложил под герцогиню де Бина кактус, похищенный с подоконника. Плюнул на герцогиню жеваной промокашкой. Поведение — два. Прошу ваше величество зайти в школу...» Папа, она первая полезла!

— Ма-алчать! — гаркнул его величество так, что шут упал с табурета.— Ма-алчать! — Он огрел наследного принца дневником между лопаток и топнул ногой.— Все! Будешь сидеть в комнате целую неделю! Никаких гуляний! Никаких футболов! Никаких телевизоров!

— Ну, папа...

— Никаких пап! — Он выдернул из телевизора предохранитель, подхватил с пола футбольный мяч и широко зашагал к двери. В дверях король оглянулся и грозно сказал шуту:

— А ты брысь отсюда!

— А че я сделал? — довольно нахально откликнулся Генрих.

— Ничего не сделал! Тунеядец! Два сапога — пара! Марш из комнаты!

— У меня дежурство. Я обязан развлекать принца.

— Я вам поразвлекаюсь,— пообещал его величество. Он бросил мяч в коридор, взял шута под мышку и потащил к выходу.

— На маленького, да?! — заорал Генрих.— А еще король называется! — Он возмущенно задрыгал ногами в черно-желтых клетчатых колготках. Однако Эдоардо пятьдесят четвертый был сильнее. Он унес шута в коридор и там рявкнул:

— Марш домой, двоечник!

Потом запер снаружи дверь.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Пятьсот ребят, увлеченных исследованием Антарктиды, приняли участие в нашей викторине! Среди победителей — Толя КОШЛЯК из поселка Благовещенка Алтайского края. Толя учился тогда в третьем классе, а на все вопросы ответил правильно, не хуже старших ребят. Конечно, он прочитал для этого много книг, как и другие победители. Братья Дима и Володя ДЕМЕНТЬЕВЫ из Новосибирска пишут, что прочитали пятнадцать книг о географических открытиях!

Приятно было читать ответы ребят на первые четыре вопроса. Почти все верно написали, что Антарктида была открыта в 1820 году русскими мореплавателями М. П. Лазаревым и Ф. Ф. Беллинсгаузеном на шлюпах «Восток» и «Мирный», что первым ступил на Южный полюс норвежец Руальд Амундсен, а чуть позже — англичанин Роберт Скотт.

Трудным для многих оказался вопрос, почему в Антарктиде холоднее, чем в Арктике. Действительно, ответ тут непростой. Прежде всего надо учесть, что снежный покров Антарктиды отражает более девяти десятых солнечного тепла. Кроме того, большая часть шестого материка расположена на высоте до 3 000 метров над уровнем моря. А мы знаем, что чем выше, тем становится холоднее. И наконец, Арктику в какой-то мере согревает теплое течение Гольфстрим, а лед Антарктиды «проморожен» на сотни метров...

Большинство ребят не только правильно назвали антарктические научные станции, но даже прислали нам карты Антарктиды, указав там положение станций и их координаты.

НАШИ ПОБЕДИТЕЛИ

ШОР Наташа, 7-й класс, г. Стерлитамак; **КОШЛЯК Толя**, 3-й класс, р. п. Благовещенка, Алтайский край; **КОРНИЛОВ Саша, ПАВЛОВ Сережа, МАКАРОВ Андрей, ШИНКАРЕВ Саша**, 6-й класс, г. Витебск; **ИВАНОВА Лена**, 5-й класс, г. Калинин; **АБДУЛАДЗЕ Мамука**, 6-й класс, г. Тетрицкаро, Грузинская ССР; **ПАСТЕРНАК Лена**, 7-й класс, г. Новый Роздол, Львовская область; **ДЕМЕНТЬЕВ Дима, ДЕМЕНТЬЕВ Володя**, 5-й класс, г. Новосибирск; **СУЛЕЙМЕНОВ Кайрат**, 5-й класс, совхоз

«Целинный», Кустанайская область; **УМАРОВА Хадича,** 6-й класс, к/с Ак-Курган, Ташкентская область; **ШТУМПФ Виктор,** 7-й класс, с. Вязовка, Павлодарская область; **КАЛМАНТАЕВА Зульфия,** 6-й класс, с. Верхнеильясово, Оренбургская область; **КРУЖОК ЮНЫХ ФИЛАТЕЛИСТОВ** Дома пионеров г. Выкса Горьковской области.

Ребятам отвечают полярники

Многие ребята по предложению редакции задали вопросы исследователям Антарктиды. Вот ответы ученых-гляциологов из Института географии АН СССР, участников антарктических экспедиций.

Ваня Кобыляцкий, г. Тольятти: Почему раньше в Антарктиде домики стояли на снегу, а сейчас на сваях?

Павел Александрович Королев, инженер-гляциолог: Антарктида — материк особенный, ледяной. Там часты вьюги, метели. Дома, которые стоят на снегу, так заносит, что не откопаешь. Поэтому теперь их поднимают на сваи. Казалось бы, вполне безобидная вещь — консервная банка. А в Антарктиде пурга, зацепившись за лежащий предмет, завьюжит над ним, и не успеешь оглянуться, а перед тобой уже не банка, а снежная гора. На научных станциях ничего не разрешается оставлять на улицах: технику — и ту прячут в специальные помещения.

Таня Ревякина, пос. Нижний Ингаш Красноярского края: Пингвины спят стоя. А если сильные ураганы? Их не уносит далеко-далеко?

П. А. Королев: Не беспокойся, пожалуйста, Таня: пингвины приспособились к климату. Когда они чувствуют приближение пурги, то сбиваются в плотные стаи, и непогода им не страшна. Их не сильно заносит снегом: они ведь живые, могут стряхнуть с себя снежные хлопья. Если же одного или двух застигает вьюга далеко от стаи, они ложатся носом к ветру, вжимаются в снег, и метель проносится над ними.

А. Миронов, г. Бугульма Татарской АССР: Насколько умны пингвины по сравнению, например, с собаками? Можно ли их приручить или использовать как вьючных животных?

П. А. Королев: Собаки, как нам, полярникам, кажется, намного умнее пингвинов. Даже как-то обидно за собак от такого вопроса! Чувствуется, как вы, ребята, еще мало знаете о пингвинах. И второй вопрос говорит о том же. Пингвины — это же всего-навсего птицы, только большие, они слишком слабы, чтобы переносить на них грузы. Пингвины адели очень малы, ростом до пятидесяти сантиметров. Они любопытные, порой даже нахальные. Например, пришли новые машины с корабля. Мы еще не успели подойти к тракторам, их только выгрузили, а уж адели тут как тут, облепили со всех сторон. А если с бутербродом подойдешь — из рук вырвут. Императорские же пингвины гордо несут свое звание, на расстояние вытянутой руки к себе не подпускают да и ростом выше — до одного метра. Их, очевидно, не приручить. Да, откровенно говоря, мы приручать и не пытались. Дело в том, что ученые решили ничем не нарушать в Антарктиде жизнь ее природы, не вмешиваться, только изучать и наблюдать. Человечеству сейчас помогает мощнейшая техника. Неужели мы не побережем таких редких и удивительных существ, как пингвины?

Женя Усачев, г. Стерлитамак Башкирской АССР: Может ли в Антарктиде быть полярное сияние?

П. А. Королев: В поселке Мирном я наблюдал полярное сияние, только черно-белое: на черном небе — белые всполохи.

Борис Иванович Втюрин, заведующий лабораторией полярных исследований: А мне довелось видеть в Новолазаревском именно цветное полярное сияние, причем необычного малинового цвета!

Софья Латышева, г. Дмитров Московской области: Какой вы представляете Антарктиду в будущем?

Михаил Григорьевич Гросвальд, доктор географических наук: Климат в Антарктике может потеплеть. Но вряд ли это будет к лучшему. Человечество уже приспособилось к тому оледенению, которое есть сейчас. Антарктид на самом деле две: Западная и Восточная. Причем в Западной поверхность континента ниже уровня моря, ледник, который ее покрывает, как бы выступает из воды. Если еще потеплеет, ледовая шапка Западной Антарктиды может растаять. Останется лишь Восточная Антарктида, а на месте Западной — море и айсберги. Уровень воды от таяния льдов поднимется, и это будет грозить затоплением низколежащим землям других континентов. Вот таким может быть будущее Антарктиды. Но это лишь одна из гипотез, правда, не самая приятная. Будем надеяться, что она не подтвердится.

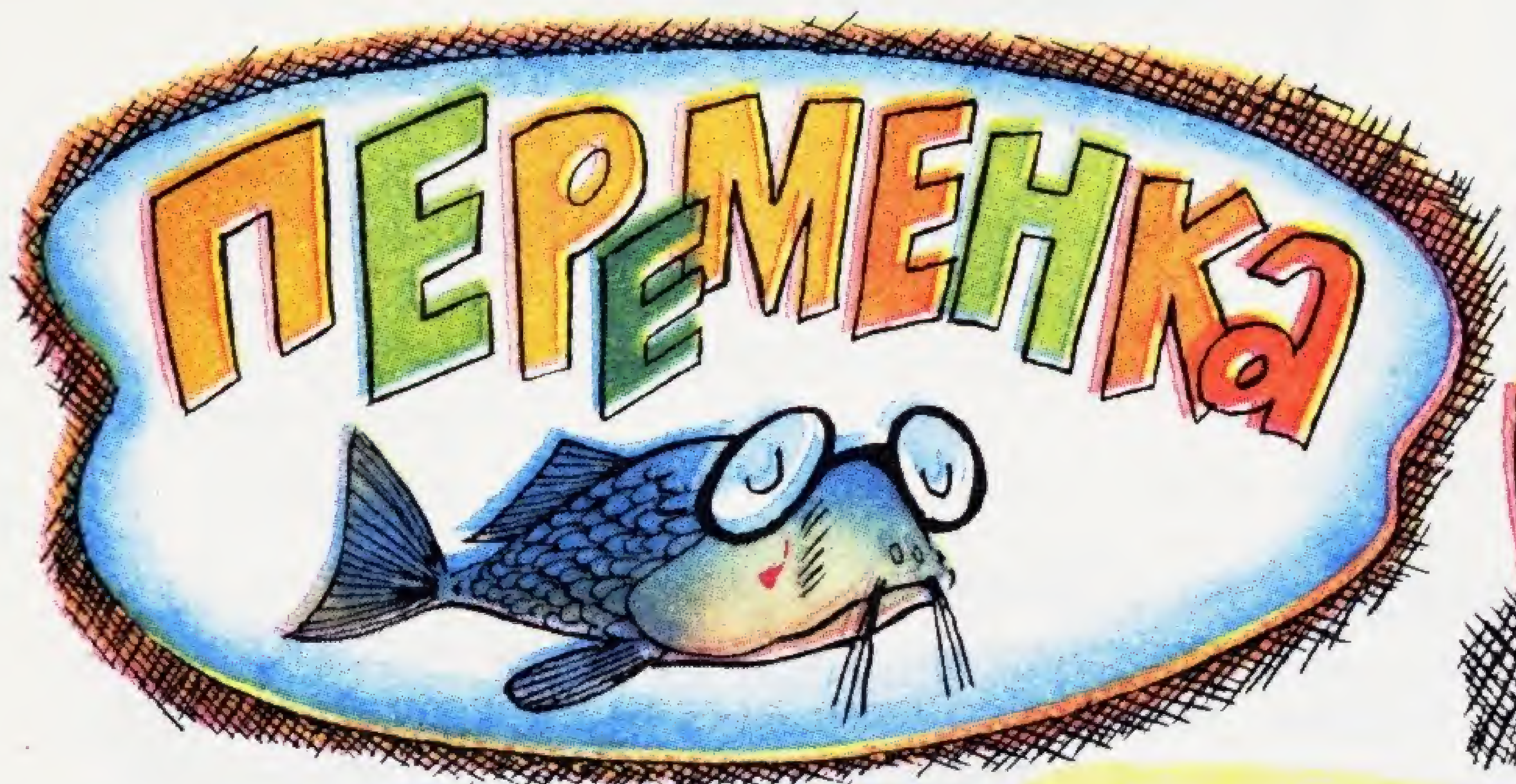
Кайрат Сулейменов, совхоз «Целинный» Кустанайской области: Могут ли роботы проявить свои способности в Антарктиде?

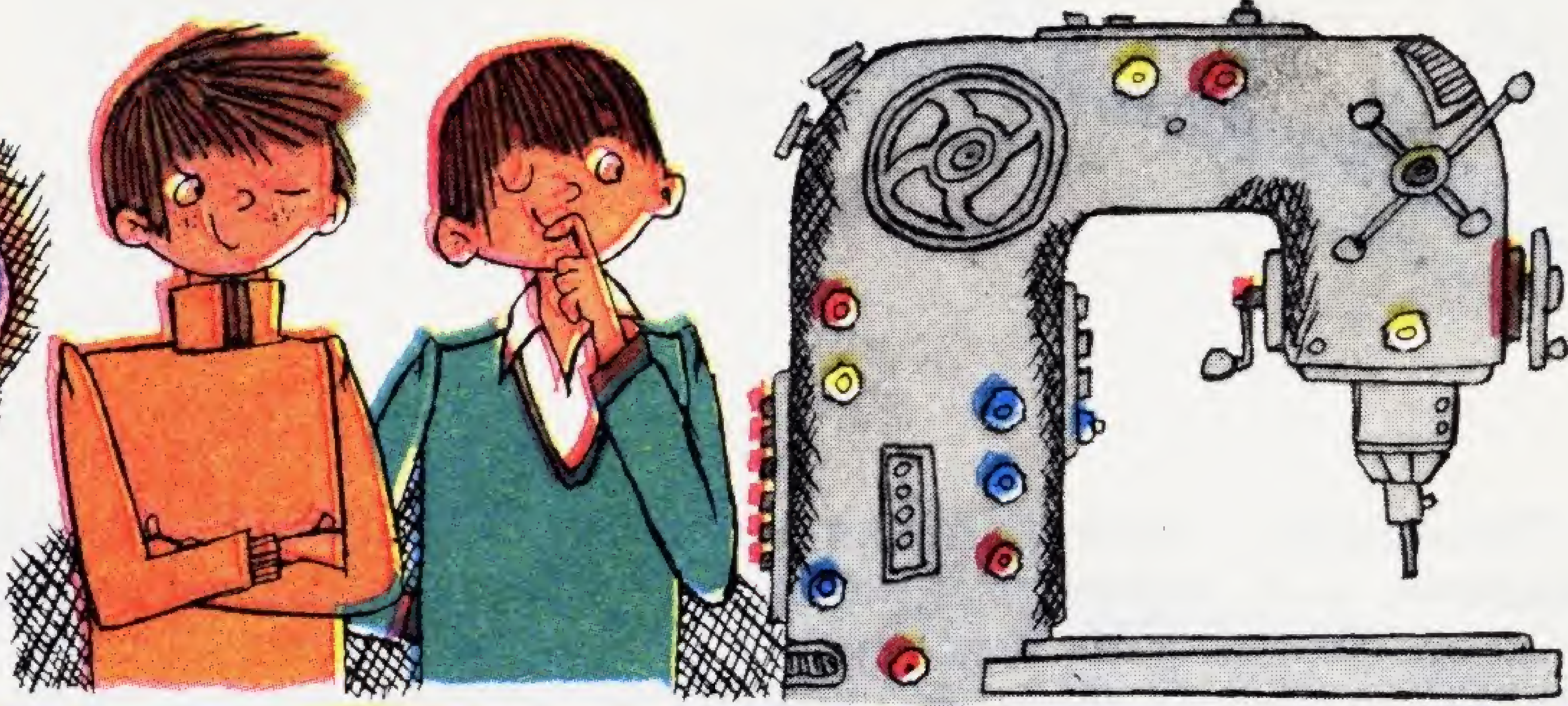
П. А. Королев: Да, роботов пока в Антарктиде еще не было. Можно попробовать их использовать и на ледовом континенте. Пусть помогут людям и здесь. По льду, скажем, вполне может ездить радиоуправляемая техника.

Самым интересным показался полярникам вопрос о роботах. **Кайрату Сулейменову, автору этого вопроса, будет выслан обещанный приз.** Благодарим всех ребят, приславших свои вопросы!

Записала Л. ВЕРИНА.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Учитель. Назовите источники тока.

Ученица. Розетка.

Олег Умиров,
г. Чарджоу.

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Чем южная Европа отличается от западной и северной?

Ученик. Она сильно искорежена.

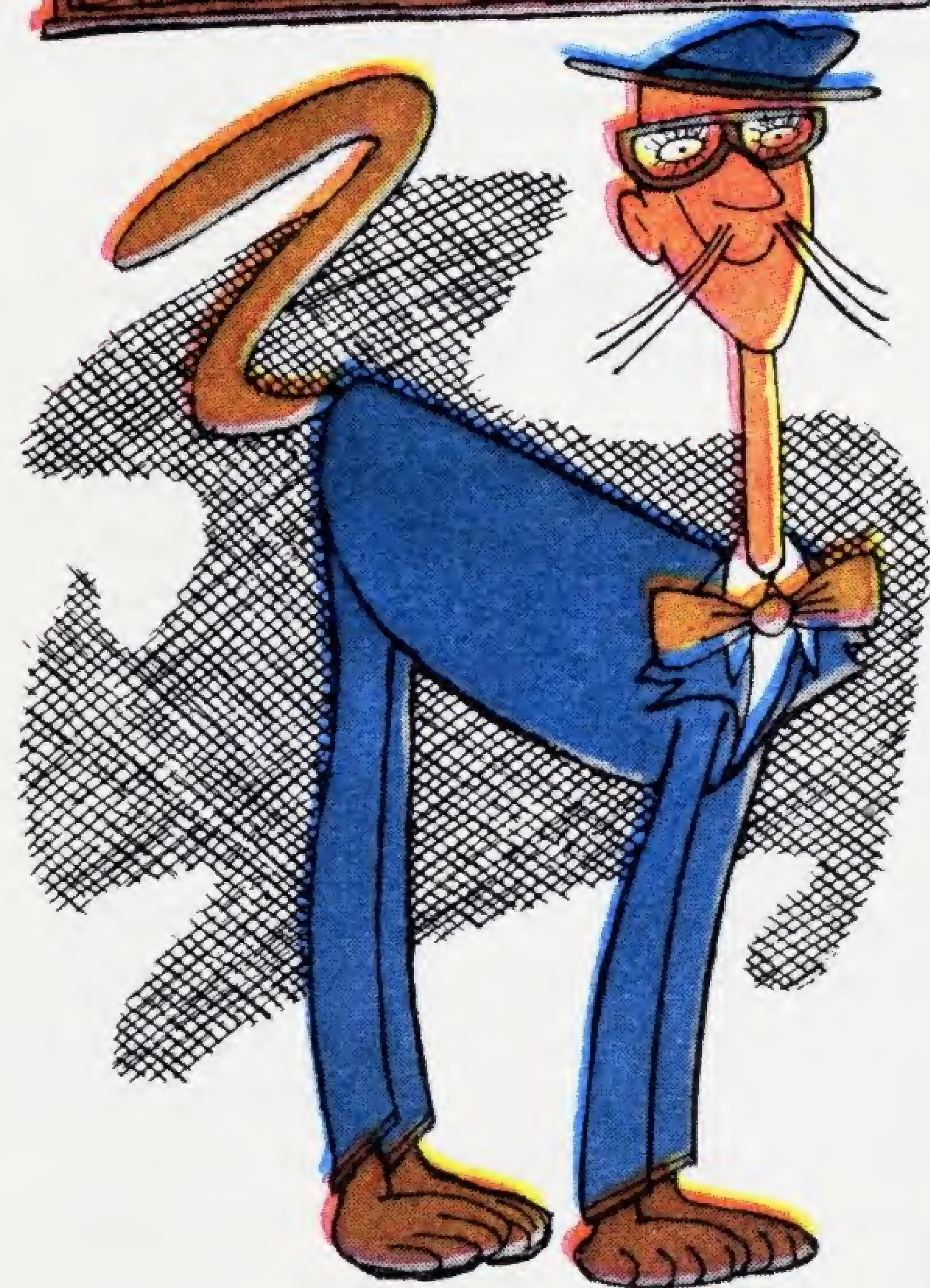
Милана Новиченко,
г. Семипалатинск.

* * *

Учительница. В каком виде летом выпадают осадки?

Ученик. В теплом.

Вера Солина,
Москва.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Составь предложение со словом «кот»...

Ученица. «А Васька слушает да ест...»

Лена Васильева,
г. Свердловск.

НА УРОКАХ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница. Объясни, почему летает голубь...

Ученица. Потому что его кошки пугают.

Севда Асадова,
г. Нахичевань.

* * *

Учительница. Как образуются моря?

Ученик. Моря образуются там, где глубоко.

Лариса М.,
г. Миргород.

* * *

Учитель. Как приспосабливаются животные севера к суровому климату?

Ученик. Они все в теплой одежде.

Наташа А.,
г. Нижний Тагил.

Из школьных сочинений

«Он залаял, а потом замяукал».
«Глаза глядели вправо, а уши влево».
«На экскурсии по заводу ребята видели много гаек».
«Автор и сам не заметил, как из пушистого комка превратился в красивую стройную кошку».
«Мои родители дома, только они у бабушки».
«Дед вылечил зайца и стал жить у него».
«Вадим орал вполголоса».
«Воздух был очень чистый, и можно было наслаждаться им, как конфетами».
«Мой братишка Петя маленький, но большой нахал».

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Леонид ВЛАДИМИРСКИЙ,
заслуженный деятель искусств РСФСР, художник

Иллюстрации Энрико Мацданти к первому изданию «Приключений Пиноккио».

Я хорошо знаком с Буратино. В детстве родители читали мне книжку о его приключениях, потом я сам читал ее своей дочке, а теперь читаю внучке.

Буратино знаком и дорог мне еще и потому, что он и мой «ребенок». Мне довелось создавать его образ на бумаге, а затем более сотни раз изображать в книжках.

Я много про него знаю и в преддверии его юбилея хочу рассказать вам кое-что из истории его появления на свет.

* * *

«Жил-был...» — так обычно начинается сказка. Но я вам расскажу правду. А начну все же так:

— Жил-был давным-давно, сто лет тому назад, в далекой Италии в городе Флоренции пожилой добрый человек по имени Карло Коллоди. На своем веку он многое узнал: в молодости добровольцем участвовал в двух войнах за независимость своей родины, позднее избирался сенатором, потом редактировал газеты и журналы, писал книги.

И вот однажды летом, в знойный июльский день, пришел к нему его друг... Нет, не столяр Джузеппе, а редактор детской газеты «Бамбино». И сказал: написал бы ты, Карло, для наших маленьких читателей какую-нибудь интересную, поучительную сказку. Папа Карло (будем его называть так), конечно, любил детей и поэтому согласился.

Поздно вечером он сел за письменный стол. Правда, перед ним лежало не полено, а чистый лист бумаги, и в руке он держал не нож, а перо. Но все равно утром с первыми лучами солнца на свет появился деревянный мальчишка, непоседа и озорник, с длинным любопытным носом. За одну ночь были написаны первые главы сказки. Как раз те, где из куска дерева рождается наш герой. Карло Коллоди сразу отослал все, что написал, редактору, сопроводив такой запиской: «Посылаю тебе эту безделицу, делай с ней, что тебе заблагорассудится...» Писатель и не догадывался, какую мировую славу принесет ему «безделица».

Детская газета стала печатать главы по порядку под заголовком «История буратино». Слово «буратино» было набрано с маленькой буквы, так как это было еще не имя. По-итальянски «буратино» означает «деревянная кукла». Но наш герой был не простой куклой, а живой.

Он бегал, прыгал и разговаривал — совсем как настоящий мальчик, непоседливый и веселый. Некоторые биографы писателя утверждают, что в буратино он изобразил самого себя в детстве. Ну что же, это возможно. Ведь образы даже для самых сказочных сказок берутся всегда из реальной жизни.

Девочкам, наверно, будет интересно узнать историю появления на свет феи с голубыми волосами, по-нашему, Мальвины.

Карло Коллоди всегда любил детей.

Однажды, отдыхая за городом, он встретил двенадцатилетнюю девочку Джованну Раджоньери. У нее были светлые-светлые, почти белые волосы, на которых — так показалось писателю — горели отблески яркого итальянского неба.

— Да у тебя голубые волосы! — воскликнул писатель.— Я обязательно опишу тебя в своей новой сказке!

Так он и сделал — серьезные взрослые люди всегда выполняют свои обещания.

Итальянские ребята сразу полюбили деревянного героя и его друзей. Писателю пришлось придумывать все новые и новые их приключения. За два года были напечатаны 36 глав, но только в середине сказки Коллоди выбрал для своего буратино подходящее имя: стал называть его «Пиноккио», что означает «кедровый орешек».

Наконец в феврале 1883 года вышла в свет книжка под названием «Приключения Пиноккио».

Иллюстрации к ней сделал молодой художник, инженер по образованию, Энрико Мацданти. Вы видите, что его Пиноккио одет в бумажную курточку с гофрированным воротником, короткие штанишки и конусообразную шапочку из хлебного мякиша. Это, несомненно, родной брат изве-

стных персонажей итальянского кукольного театра — Арлекина, Коломбины и других.

По одежде он, пожалуй, больше всего похож на Пьеро. Но по его вызывающей позе можно сразу догадаться, что характер у него иной — упрямый и задиристый. А длинный нос — несомненная принадлежность человека любопытного.

Таким его увидели итальянские ребята. Потом про сказку узнали за пределами Италии. «Ведь книга вышла во всех тех странах, где есть дети» — так любят шутить итальянцы. Они даже поставили памятник в городке, где Коллоди провел свое детство, только не писателю, а его герою!

На постаменте высекли надпись: «Бессмертному Пиноккио — благодарные читатели в возрасте от четырех до семидесяти лет».

Представьте себе, что в тот самый год, когда в далекой Флоренции появилась на свет книжка про озорного буратино, у нас в России, под Самарой, родился мальчик, которого назвали Алешей. Мальчик подрос, научился читать, и родители подарили ему сказку Карло Коллоди. Она ему очень понравилась и надолго запомнилась.

Прошло много лет, Алеша стал знаменитым писателем Алексеем Николаевичем Толстым, и вот что он рассказал:

«Когда я был маленький,— очень, очень давно,— я читал одну книжку: она называлась «Пиноккио, или Похождения деревянной куклы». Я часто рассказывал моим товарищам, девочкам и мальчикам, занимательные приключения Буратино. Но так как книжка потерялась, то я рассказывал каждый раз по-разному, выдумывал такие похождения, каких в книге совсем и не было».

В 1935 году Алексей Николаевич заболел. Врачи запретили ему работать над сложными историческими романами. Но, как всякий творческий человек, он не мог сидеть без дела и нашел себе занятие.

«Я припомнил моего старого друга Буратино и надумал рассказать вам, девочки и мальчики, необычайную историю про этого деревянного человечка». Такие слова написал Алексей Толстой в начале своей новой рукописи. А в заголовке поставил: «Золотой ключик».

На рисунках заслуженного художника РСФСР М. Скобелева Буратино кажется непоседой и сорванцом.

Когда работа над сказкой подходила к концу, в жизни писателя произошла большая перемена: он женился на молодой, жизнерадостной женщине по имени Людмила. Ей очень пришлась по душе сказка. Она смеялась над проделками Буратино, печалилась его неудачам. Вместе с Алексеем Николаевичем они много раз перечитывали книжку, сочиняли и разыгрывали сценки из «Золотого ключика».

Если вы откроете «Золотой ключик», то увидите рядом с предисловием надпись: «Посвящаю эту книгу Людмиле Ильиничне Толстой».

Интересно, что эта сказочная повесть, как и итальянская «История Буратино», сначала была напечатана в детской газете («Пионерская правда»), и ее сразу прочли миллионы советских ребят — ваших будущих дедушек и бабушек.

Как вы уже догадались, А. Толстой творчески переработал сказку К. Коллоди (прочитайте книгу «Приключения Пиноккио», и вы в этом сами убедитесь), а также изменил ее название и все имена. Деревянного мальчишку назвал по его первому прозвищу — «Буратино», теперь уже с большой буквы. Но, несмотря на то, что у героя осталось итальянское имя, писатель сделал его по характеру похожим на многих из вас. Буратино — смелый, добрый, иногда ленивый и, конечно, очень любопытный. Среди вас много таких Буратино. Может, только у вас носы покороче.

В Советском Союзе его полюбили дети всех национальностей. Книжка «Золотой ключик» издана на 30 языках народов, населяющих нашу страну. Более тридцати советских художников делали к ней иллюстрации. Наибольшим количеством изданий вышла книга с картинками народного художника РСФСР А. Каневского. На его рисунках мы видим деревянного человечка в белом колпачке, неуклюжего и обаятельного.

У народного художника РСФСР А. Каневского Буратино получился неуклюжим и обаятельным.

Заслуженный деятель искусств РСФСР Л. Владимирский еще больше «оживил» Буратино: деревянный человечек удивляется, грустит, веселится.

Рисунки заслуженного художника РСФСР М. Скобелева полны движения. Сразу видно, что его Буратино — непоседа и сорванец.

Молодой художник А. Кошкин создал образ Буратино с тонюсеньким носом и большими удивленными глазами.

Когда я рисовал своего Буратино, а было это давно, тридцать лет тому назад, я сначала не мог решить, как мне совместить два его качества: он деревянный и в то же время живой. Наконец, решил нарисовать руки и ноги на винтиках, волосы — стружки, а лицо? Я рискнул оживить его, и Буратино стал улыбаться, сердиться и грустить. И еще я придумал ему колпачок с красными полосками. С тех пор Буратино в нем щеголяет.

Много разных Буратино нарисовали для вас, ребята, художники. Одни рисунки, наверное, вам нравятся больше, другие меньше. Можете выбирать себе героя по вкусу.

Но не только художников вдохновила на творчество сказка А. Толстого.

Драматурги, сценаристы, композиторы и режиссеры каждый в своем виде искусства создавали и создают произведения о приключениях Буратино.

Знаете ли вы такую песенку?

Был поленом,
Стал мальчишкой,
Обзавелся умной книжкой,
Это очень хорошо,
Даже очень хорошо!

А такой припев?

Карабас ты Барабас,
Не боимся очень вас!

Они из музыкального спектакля, поставленного в Детском театре режиссером Наталией Сац еще в 1936 году.

Само собой разумеется, что вскоре и в кукольном театре Сергея Образцова ребята увидели пьесу «Золотой ключик».

На экране Буратино появился в 1939 году в фильме режиссера А. Птушко. Я смотрел его еще в то время, и мне запомнился продавец пиявок и лягушек в исполнении талантливого актера С. Мартинсона.

Художник-режиссер И. Иванов-Вано создал для вас мультипликационный рисованный фильм. А потом длинный нос Буратино появился на экранах телевизоров в музыкальной комедии «Приключения Буратино».

Прошло сто лет со дня появления на свет книжки о похождениях деревянной куклы. Можно сказать, что Буратино — древний старец: ему уже сто лет! Но, к счастью, герои гениальных произведений никогда не стареют. И Пиноккио (или, по-нашему, Буратино), озорник и проказник, благородный деревянный человечек, всегда будет другом детей всей земли.

* * *

В начале 1983 года в Италии будет отмечаться столетие выхода в свет книжки о деревянном мальчишке. У нас в стране Буратино — один из самых любимых литературных героев, и мы, конечно, собираемся тоже отметить эту дату. Тем более что 10 января 1983 года исполняется 100 лет со дня рождения Алексея Николаевича Толстого. В Московском Дворце пионеров состоится торжественное заседание, откроются выставки книг и иллюстраций, по телевидению покажут кинофильмы о Буратино. Хорошо будет, если и вы отметите этот юбилей в своих школах или у малышей в детских садах. Можно почитать книжку, посмотреть диафильм, послушать пластинки, нарисовать иллюстрации, а потом устроить свою «Выставку Буратино». Можно сделать маски и костюмы и разыграть на сцене небольшие отрывки из сказки.

Посоветуйтесь со старшими, как все это лучше организовать, и за дело!

Молодой художник А. Кошкин создал образ Буратино с тонюсеньким носом и большими удивленными глазами.

На борту «Кораблика» — стихи о любимых книгах. «Кораблик» долго собирал их, путешествуя по рекам и озерам нашей страны, чтобы сделать тебе подарок как раз к зимним каникулам. Кто не знает, как это славно — зимним вечером, в мороз, в уютном теплом доме раскрыть непрочитанную книгу! Вот об этом и говорят стихи ребят.

Володя КАРПЕНКО, 7-й класс, школа № 6, г. Куйбышев.

Я читаю

Я читаю, я читаю,
О пиратах я мечтаю.
Я мечтаю о буранах,
О штормах и ураганах.
Сел за книгу и уже
Нахожусь на вираже.
Вот плыву на льдине в море,
Чайки реют на просторе.
Только сел на дирижабль —
Отплывает мой корабль...
Вдруг: «А ну, иди в кровать,
Хватит вечером читать!»
Я уже на берегу,
Я ложусь — и ни гу-гу...
Завтра встану, почитаю...
А во сне я помечтаю!

Люда ГОРНОВА, г. Челябинск.

Красный всадник

Он полки водил в атаки
И не раз в разведке был.
Красный всадник, красный всадник,
Как он Родину любил!

Он любил цветы и книги,
Ребятишек, дом родной.
Повидал немало в жизни,
В своей жизни молодой.

И погиб он, защищая
Все, что на земле любил!
Красный всадник, красный всадник,
Впереди всегда он был!

Оля СТАНКЕВИЧ, 4-й класс, школа № 74, г. Воронеж.

Томик Пушкина

Сидишь... Откроешь томик Пушкина
И «Зимний вечер» в сотый раз прочтешь.
Мне кажется, что вечер в деревушке
И ветер злится, воет у ворот.
Солома зашуршит на крыше,
Я слышу стук веретена...
А ветер дует, воет, дышит,
И снег кружится у окна.

Рисунок Лены РУСЬЯНОВОЙ, 9 лет, к «Сказке о золотом петушке» А. С. Пушкина.

Эля КУКЛИНА, 8-й класс, г. Горький.

Памяти Лермонтова

Здесь поэта помнит каждый камень;
Здесь проходят люди не спеша.
Щелкают затворы фотокамер,
Скорбью наполняется душа.

Расплескался бурной жизни кубок:
Столько было планов, новых тем...
Все мне слышится, шумит Подкумок
В ритмах ненаписанных поэм.

Только жить бы, только бы работать,
Петь бы песню, лирою звеня!..
Все мне чудится, за поворотом
Слышен стук копыт его коня.

Стал наш мир стремителен и сложен,
Не вернутся прошлые века:
Провезли оседланную лошадь
В тряском кузове грузовика.

Лайнеры на аэровокзалах
Шум обвалов стали заглушать.
На сто с лишним лет я опоздала,
Чтоб дуэли этой помешать.

И грущу я перед обелиском,
А Машук окутан в сизый дым.
Лермонтов всегда нам будет близким,
Смелым, искренним и молодым.

*

Саша ТРУТЦЕ, 7-й класс, г. Москва.

Д'Артаньян

Все так же свеже ветра дуновенье,
А ведь прошло три с половиной века!
Какой громадный срок для человека...
А для Вселенной — меньше чем мгновенье!
Как много видел мир за жизнь свою!
Как мало — мы... Одно светило солнце
Для д'Артаньяна, храброго гасконца,
И для меня, когда в лучах стою.
Менялись люди, времена и страны.
И облака по небу так же плыли.
И мы эпоху Ришелье забыли,
Но до сих пор мы помним д'Артаньяна.

Рисунок Саши СТРОБИЛОВА, 10 лет, к сказке Шарля Перро «Кот в сапогах».

*

Наташа КОСТИНА, 6-й класс, Кузьмоловская школа № 2.

Мои друзья

Читаю книгу я, и вдруг
Чуть слышно, не спеша,
С индейским луком Чингачгук
Проходит, не дыша...
Из рощи выскочил олень,
Прислушался, исчез,
И клич воинственных племен
Раздался на весь лес.
Отважный Немо, капитан,
К глазам поднес трубу.
Ему подвластен океан
И в бурю, и в грозу.
Ассоль стоит и смотрит вдаль,
Ей хочется скорей,
Чтоб к ней приехал принц ее,
Прекрасный Артур Грей...

Книги — лучшие наши друзья,
И не читать их нельзя!

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ТАЙНЫ РАСКРЫТЫЕ И НЕРАСКРЫТЫЕ

КАК НАШЛИ ВТОРУЮ ЦЕЛИНУ

Ты, наверное, знаешь, что Казахстан дает нашей стране в год по миллиарду пудов первосортного зерна: из этого зерна делается каждая третья булка.

Как представить себе наглядно миллиард пудов? В одном пуде, старинной мере веса, содержится около 16 килограммов. В один мешок входит около 80 килограммов зерна — пять пудов. Значит, если миллиард пудов зерна поместить в мешки, то получится около двухсот миллионов мешков.

Много это или мало — двести миллионов? Если ты начнешь считать мешки со скоростью один мешок в секунду, то, работая круглые сутки без выходных, ты измеришь один казахстанский урожай только... через шесть лет!

В Казахстане есть почти триста миллионов гектаров плодородной почвы, способной родить хлеб. Если собрать ее всю вместе, то получится участок около тысячи километров шириной и трех тысяч километров длиной: даже на скоростном реактивном самолете такой участок можно облететь лишь за восемь часов!

Но из этих трехсот миллионов гектаров пока используется примерно одна десятая часть, на которой и выращивается ежегодно по миллиарду пудов зерна. И как только узнаешь об этом, то удивляешься: почему только одна десятая, почему только один миллиард, а не все десять? Ведь чем больше хлеба, тем лучше, тем богаче жизнь...

На этот вопрос мне ответил директор Алма-Атинского института почвоведения член-корреспондент Академии наук Казахской ССР Владимир Михайлович БОРОВСКИЙ. Вот что он рассказал.

Кроме плодородной почвы, растениям нужны тепло и солнце, воздух и вода. Почти всего этого предостаточно в Казахстане, только вот воды сильно не хватает. На севере республики — там, где почти тридцать лет назад была распахана целина,— растения получают столько влаги, сколько нужно для того, чтобы вырос хороший урожай. Но большая часть плодородных земель Казахстана расположена в засушливых степных районах, где воды едва хватает даже самым неприхотливым растениям.

Откуда взять здесь воду? Из рек? Но рек в Казахстане мало, да и так воду из них забирают для орошения хлопковых и рисовых полей. Некоторые ученые предлагают направить на юг часть стока сибирских рек, но до осуществления этого грандиозного проекта еще очень далеко. Дело не только в том, что это потребует огромных затрат, но и в том, что пока еще трудно точно предсказать, не обернется ли такое вмешательство в природу какими-либо нежелательными последствиями, например, резким ухудшением климата. Так что трудно надеяться на то, что в ближайшем будущем поля Казахстана получат нужное количество влаги.

И вот тут со своим предложением выступили почвоведы, которые занимаются тем, что изучают почву и ищут способы повышения ее плодородия.

Значительную часть еще не освоенной территории Казахстана, где воды вполне достаточно для того, чтобы выращивать хлеб, занимают так называемые солонцовые комплексы. Земля здесь похожа на лоскутное одеяло, составленное из крохотных кусочков плодородной почвы и мертвых участков, пропитанных солью.

Почвы, содержащие избыток солей, встречаются повсюду — не только в Казахстане, но и во всем мире. Причины этого явления бывают самыми разными.

В одном месте почва засоляется из-за того, что ее уж очень обильно поливают. Ведь соль есть и в пресной воде, а когда вода испаряется, соль в почве остается.

В другом месте соль в почве накапливается, наоборот, из-за сухости климата: поступающие на поверхность земли грунтовые воды тоже испаряются, оставляя наверху соляную корку.

Когда солью поражены большие участки плодородной почвы, да еще там, где есть много пресной воды, с этой бедой довольно легко справиться. Нужно прорыть канавы, уложить в них дырчатые дренажные трубы-водостоки и поливать поле как можно сильнее: теперь вода, не успевая испаряться, будет растворять избыток соли и уносить ее через дренажные трубы с поля вон.

Но что делать, если воды мало, как в Казахстане? И если, как в Казахстане, соль выступает на поверхность земли не сплошным покровом, а малыми пятнами, которые неизвестно как образовались? Как подступиться к такой земле? Порознь каждый незасоленный клочок обрабатывать невозможно, а если распахивать все подряд, то от соли погибнет и та почва, которая способна давать урожай...

Много лет работали почвоведы и наконец нашли способ, позволяющий достаточно быстро и без особых затрат превращать солонцовые комплексы в плодородные поля. Для этого почву перепахивают, внося в нее вещества, которые вытесняют вредные соли и без специальной промывки. Потом поле засевают неприхотливыми травами, способными жить и плодоносить в суровых условиях, когда соли много, а воды мало. Эти травы преобразуют почву, делают ее все более и более плодородной. И вот спустя всего несколько лет солонцовый комплекс превращается в поле, на котором колосится золотая пшеница.

Так на целине была открыта вторая целина, сулящая нашей стране еще один казахстанский миллиард.

В. БАТРАКОВ

ЗНАЕШЬ?

К октябрю 1981 года на околоземных орбитах находилось 4740 предметов искусственного происхождения.

* * *

Облака излучают радиоволны.

* * *

Южноамериканских обезьян-капуцинов можно научить говорить.

ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?

Сказки о людоедах

«Существует ли в наше время людоедство?»
Сережа ИБРАГИМОВ, 5-й класс, с. Кокошкино, Московская область.

Сказки о людоедах можно прочесть не только у Шарля Перро. Авторы вполне серьезных книг, особенно написанных сто — сто пятьдесят лет назад, часто угощали читателей жуткими историями о бедных путешественниках или купцах, будто бы съеденных страшными дикарями где-нибудь в Африке или Полинезии. Но вот что странно: ни один из этих авторов сам никогда не видел, как «дикари» едят людей. И наоборот, многие ученые (например, знаменитый русский путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай), годами жившие среди племен, о которых в Европе ходили самые чудовищные слухи, возвращались домой живыми и невредимыми.

В чем же тут дело? А в том, что эти путешественники приезжали в дальние земли как добрые гости, не оскорбляли тамошних жителей и в отличие от многих европейских купцов и работорговцев не грабили и не похищали их для продажи. А добрых гостей всюду встречают по-хорошему: история не знает ни одного племени, которое не чтило бы обычаев гостеприимства.

Кому же нужны были легенды о злых и тупых племенах людоедов? Не тем же ли работорговцам, чтобы хоть как-то оправдать их действительно людоедский промысел, придать ему черты «цивилизаторской» деятельности? Скорее всего именно им. Удивительно только, что эти легенды дожили и до наших дней.

П. САВКО

Чтобы в зубы крокодилу ничего не угодило

«Почему треугольник называют жесткой фигурой?»
Даша СОКОЛОВА, 4-й класс, г. Ростов-на-Дону.

Помните сказку Корнея Ивановича Чуковского про краденое Солнце?

Горе! Горе! Крокодил
Солнце в небе проглотил!

Крепко держал Крокодил в своей зубастой пасти Солнце. До тех пор держал, пока на него не набросился Медведь:

Уж он мял его
И ломал его:
«Подавай сюда
Наше солнышко!»

Как вы думаете, что следовало бы сделать, чтобы Крокодил не смог проглотить Солнце? Ему можно было бы надеть намордник, как кусачей собаке. А можно дождаться, когда он разинет пасть, и сунуть в нее стоймя крепкую палку: после этого крокодил просто не сможет сомкнуть челюсти.

Почему? Да потому, что две челюсти крокодила и застрявшая между ними палка образовали треугольник — эта геометрическая фигура не может изменить свою форму до тех пор, пока все ее стороны сохраняют неизменную длину.

Но если крокодил как следует поднатужится и сломает палку пополам, то вместо жесткого треугольника получится четырехугольник, который легко складывается наподобие карточного домика. Значит, чтобы крокодил так и оставался навсегда с разинутой пастью и не мог ничего и никого проглотить, палка должна быть очень прочной, жесткой. И треугольник с такими жесткими сторонами так всегда и останется треугольником — жесткой фигурой.

М. БАТАРЦЕВ

ГДЕ МЫ БЫЛИ, ЧТО МЫ ВИДЕЛИ

КАК ЗДОРОВЬЕ, МОРЕ?

Каждые десять дней в десять часов утра от причала биостанции «Картеш» на Белом море отходит научный корабль. Он направляется в соседний залив, в точку с самой глубокой отметкой — 67 метров. Капитан Анатолий Иванович Максимов приводит судно в нужное место с ювелирной точностью.

Достигнув цели, судно бросает якорь. Ученые начинают работу. За борт уходит хитроумный прибор батометр размером с большой самовар. Он оснащен приборами и пробирками. Стремительно раскручивается лебедка, счетчик глубины отсчитывает метры вытравленного троса. Стоп! Батометр достиг дна. Теперь начинается медленный подъем с остановками на разных глубинах.

Гидролог Алексей Иванович Бабков берет увесистый стальной цилиндр с прорезью, нанизывает его на трос и отпускает. Грузик стремительно скользит вниз. Всплеск, глухой удар — цилиндр достиг батометра, который находится в эту минуту на глубине 50 метров. Грузик ударил по рычагу в приборе, и это заставило термометр перевернуться. Ртутный столбик оторвался от резервуара со ртутью и застыл на том делении, где его настиг удар. Теперь показания термометра уже не изменятся, когда при подъеме наверх он будет проходить через теплые или холодные слои воды. И станет известно, какая температура была на глубине именно 50 метров.

Одновременно берут пробы воды на соленость. Для чего же ведут эти измерения?

Море населено множеством обитателей. У каждого свои излюбленные места, своя пища, свой образ жизни. Но есть условия, важные для всех,— температура и соленость воды.

Температура в море меняется от глубины к глубине, она разная в разные времена года. Морская живность чутко следит за этими колебаниями и перемещается вслед за слоями воды с подходящей ей температурой.

А соленость? Это только так говорят, что вода в море всюду соленая. На самом деле насыщенность солью меняется от места к месту, от сезона к сезону. К примеру, растаял лед весной — верхний слой моря опреснился. Соленая вода, более тяжелая, опустилась поглубже. Вслед за ней перекочевали и морские обитатели, выбирая, что кому по вкусу.

Вот и выходит, что наблюдения за температурой и соленостью делают более понятной жизнь обитателей моря.

На биостанции нам рассказали загадочную исто-

В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ

Сапоги из подсолнечного масла

«Вот вам масло — сделайте мне сапоги». Любой сапожник от такого заказа сойдет с ума. А химик скажет: «Пожалуйста». Чего только они не умеют, эти химики!

Если подсолнечное масло нагреть градусов до восьмисот или до тысячи, его молекулы начнут разрушаться. Получится уйма разнообразных молекул-осколков, из которых состоят самые разные вещества: и газы, и жидкости, и смолы. Только будут эти молекулы перемешаны неведомо как. Что с этим делать? Опять все испугаются, а химик возьмет свои приборы, поколдует несколько дней и молекулы рассортирует, выделит чистые вещества.

Среди них будет газ этилен. Если этилен пропустить через нагретую серную кислоту, получится этиловый спирт. А пары спирта пропустить над специальным катализатором — снова получится газ, но уже другой. Этилен сделать жидким очень трудно, а этот газ — его называют дивинилом — легко. Достаточно охладить снегом. Дивинил, если к нему добавить другой катализатор, превращается в каучук. Из каучука, ясное дело, можно изготовить резину, а из резины сапоги. А с чего начиналось? С масла.

Если нет подсолнечного масла, годится оливковое, нет оливкового — можно взять нефть, природный газ, дерево... В принципе для получения этилена годится почти любое вещество, молекулы которого содержат цепочки из атомов углерода (такие вещества называют органическими). Вот как просто, не правда ли?

Но давайте посчитаем, сколько будут стоить сапоги из масла. Каждый, кого мама посылает в магазин, знает: килограмм подсолнечного масла стоит рубль шестьдесят пять копеек. Если масло нагреть, то — я уже говорил — веществ получится много, а нужного нам этилена — довольно мало. Даже очень искусный химик едва ли добьется, чтобы из килограмма масла вышло более ста граммов этого газа. В спирт его можно превратить почти без потерь — это правда. Но вот дивинила из спирта получается снова не так много, как хотелось бы... В итоге из нашего килограмма масла хорошо, если 50 граммов каучука выйдет. Но на пару-то сапог каучука надо добрый килограмм! А масла, стало быть, целых двадцать!

Выходит, одного только

рию. Есть такая водоросль — морская трава зостера. Еще недавно ее было на Белом море видимо-невидимо. И вдруг в 1958 году она вся погибла. Это было не только удивительно, это вызвало тревогу. Ведь в зарослях зостеры мечет икру сельдь. Здесь выклевываются и подрастают ее мальки. Не будет зостеры — станет меньше сельди, основного богатства Белого моря.

Что же случилось с зостерой? Изменились температура и соленость воды? Нет, многолетние наблюдения никаких резких отклонений не отметили.

А может, это одно из тех колебаний численности растений и животных, которые регулярно происходят на земле? В прошлом веке сделали интересное открытие. Одна компания в Канаде занималась заготовкой пушнины. И по числу шкурок удалось выявить определенную закономерность. Когда зайцев много, становится много и рысей, которые ими питаются. Поедая растения, расплодившиеся зайцы уменьшают запасы пищи для себя и массами гибнут. Но тогда начинают гибнуть от голода и рыси. Зайцы же снова быстро размножаются... И такое повторяется каждые 10 лет.

Так, может быть, и у зостеры есть свои «рыси»? Точного ответа пока не нашли. А между тем запасы водоросли начинают понемногу восстанавливаться.

Вполне возможно, что загадку зостеры помогут понять наблюдения за планктоном — мельчайшими водорослями, рачками, личинками рыб... Планктон служит пищей для многих морских обитателей. И биологи следят за ним не менее внимательно, чем за соленостью и температурой воды.

Вот и сейчас вместо батометра к тросу прикрепляют специальную сеть. На нужной глубине она откроется, захватит воду и тут же захлопнется. Раз за разом опускают сеть. Припасенные бутылочки наполняются водой, в которой плавают крошечные, часто невидимые простым глазом существа. Их потом тщательно пересчитают под лупой в лаборатории.

Наконец, сеть вынута в последний раз. На сегодня — все. Корабль отправляется в обратный путь, чтобы через десять дней прийти сюда снова. Измерения ведутся вот уже 25 лет. Их не прекращают даже зимой. Только вместо судна к лунке, пробитой во льду, направляется снегоход.

Сотни и тысячи цифр накапливаются в толстых лабораторных тетрадях. Эти записи — бесценные сведения. Ведь море — большой и очень сложный организм, в котором все сообщества растений и животных связаны воедино. Чтобы использовать морские богатства, нужно хорошо изучить «болезни» моря и найти способы их лечения. Пробы, что при нас брали,— это и есть те самые анализы, которые помогают морским биологам ставить правильный диагноз.

В. ИВАНОВ, В. ЧЕРНИКОВА,
наши специальные корреспонденты

сырья мы истратим на 33 рубля. А выделка сапог, а подкладка, а рабочее время обувщиков и химиков, которые свою работу хоть и любят, но задаром-то работать не могут... Теперь вы, наверное, понимаете, почему ни один человек на земле в сапогах из масла не ходит. А делают каучук из нефти или природного газа. Так же, как и бо́льшую часть других синтетических материалов — пластмасс.

Вы, наверное, слышали, что нефти на земле становится все меньше — уж очень быстро ее сжигают наши моторы и электростанции. Так что же нам, без сапог, что ли, ходить предстоит? Кто этого боится, тот обижает химиков. Они ведь умеют все. Нефти еще не так мало осталось в природе, а они уже думают, как без нее обойтись, чем ее заменить.

Ну, а что касается масла, то сапоги из него делать все-таки не будут никогда — подсолнечное масло лучше добавлять в салат или жарить на нем картошку.

В. ИНОХОДЦЕВ

А ТЕПЕРЬ ПОСЧИТАЙТЕ САМИ

ХИМИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

(...которую могут, однако, решить и те, кто химию еще не проходит.)

Вещество X получается из соединения А. Для этого А надо превратить в В, В в С... Всего таких превращений потребуется десять. Искусный химик проделал их так, что на каждой стадии терялось всего 0,1 г из каждого грамма вещества, взятого в реакцию. Все остальное превращалось в нужный продукт. Сколько X получится из 100 г А? (Изменениями массы молекул, которые происходят при химических превращениях, можно пренебречь.)

После того, как задачу решили, ответ вы можете прочитать, поднеся к странице зеркало.

ОТВЕТ

На каждой стадии из грамма взятого в данную реакцию вещества получается 0,9 г продукта, промежуточного или конечного. Как говорят химики, выход любой стадии составляет 90%. Это очень много, больше бывает редко. Тем не менее после 10 стадий из 100 г А получится всего $100 \times 0,9^{10} = 34,9$ г X. Почти две трети сырья пропадает зря. Вот какое непростое дело — синтез сложных веществ!

089

Виктор БАНЫКИН

ВАЛЕРКИН КАЛЕНДАРЬ

ПОВЕСТЬ

Подарок деда

Валерка стрижом взлетел на крутое крылечко. Промчался через сени.

— Дедушка! Бабушка! Встречайте гостя!

Чуть приоткрылась тяжелая дверь, обитая войлоком.

— Батюшки, матушки! И в самом деле к нам гостечек пожаловал! — запела бабушка Анна, отступая от порога.

С клубами колючего морозного воздуха ввалился Валерка в жарко натопленную избу.

— Ух! — воскликнул он горячо.— Принимайте гостинцы.

Лишь тут бабушка увидела в руках внука пузатые сумки.

— Эко нагрузили пострела! А сами родители-то... Где они, шутоломные?

— Разговорилась! — басовито загудел дед Терентий, появляясь из горницы. И как-то удивительно ловко выхватил из рук Валерки увесистые сумки.— Парень-то умаялся...

— На тебя разве угодишь,— заворчала бабушка, принимаясь раздевать внука.

— Ладно вам! — примирительно молвил Валерка. Ну, точь-в-точь как его отец.— Папа с мамой на Кресты собираются. К Ивану-комбайнеру, папину дружку, Новый год встречать. А я к вам! — И скороговоркой продолжал, морща озябший нос: — Деда, а я чего днем ви-идел. Три солнца! Право слово, три солнышка над селом светились!

— Угу.— Дед Терентий мотнул широкой бородищей и достал с печки валяные коты.— К непосильному холоду... как бы в ночь за сорок не перевалило.

Освободившись из бабушкиных рук, Валерка наскоро пригладил ладонью белявые вихры на голове.

— Тебе, дедушка, я Мороза Красный нос нарисовал, а тебе, бабушка, Снегурочку,— сказал внук, доставая из кармана штанов помятые листики из ученической тетради.— Мой новогодний подарок!

— Угодил! Снегурочка... как есть писаная красавица! — Бабушка Анна поцеловала внука в округлые, все еще розовые от мороза щеки.— Спасибочко, ласковый, не забыл! Я тоже тебе подарок приготовила: варежки пуховые, теплые, что печная горнушка, и носки шерстяные. Никакая стужа не проймет!

Когда бабушка смолкла, дед Терентий взял с полатей толстую тетрадь в ярком малиновом переплете.

— Ты, Валерий, грамотей у нас. В третий класс с осени пошел. И «Конька-горбунка» всего замусолил, и народные сказки любишь читать, и про всякие приключения. Зачинай-ка вести календарь. Завтра наступит январь — всему году запевка. Весне дедушка. Вот и приступай записывать.

— А о чем... писать? — прижимая к груди подарок, спросил Валерка.

— Наблюдения за жизнью природы. У каждого месяца свои приметы. Знай только приглядывайся. Кумекаешь?

— Ага, кумекаю.

Дед заулыбался, поворошил огненно-рыжую бороду с редкими пронзительно-белыми паутинками.

— На ферму пойду. Самая пора дойки. А там и корм буренкам время задавать. Так что вы тут с бабушкой без меня ужинайте. А на обратном пути... глядишь, на обратном пути Деда Мороза повстречаю. Елку у него попрошу для тебя.

У Валерки округлились глаза, и без того большие, светло-карие, с искоркой. Чуть не сорвалось с языка: «Зачем обманываешь? Я ведь не маленький!» Да не захотелось обижать дедушку. Спросил, потупя взгляд:

— У Деда Мороза?

— Угу! Мы же с ним кумовья!

Тревожная ночь

После ужина забрался Валерка на печку да так сладко заснул, что даже не слышал, когда вернулся с фермы дед Терентий.

А вот в глухую полночь внезапно очнулся — будто шилом в бок кольнули. В ногах беспечно мурлыкал сибирский кот, рядом похрапывал дедушка. И все вокруг обволакивала вязкая, непроглядная темь.

Только собрался Валерка повернуться на другой бок, спиной к деду, а за окном ка-ак бабахнет!

Сон словно рукой сняло. Приподнялся Валерка, прислушался чутко.

Ни голосов, ни поскрипывания снега за окном. Лишь в переднем углу мерно отстукивали неподвластное людям время допотопные ходики с портретом Суворова.

«Померещилось мне»,— подумал Валерка, роняя на подушку голову, и тут снова — трах-тарарах! И снова стреляли где-то рядом.

— Деда, а деда! — Валерка затормошил дедушку за плечо.

Дед Терентий чмокнул губами и спросил нехотя, с укором:

— Чего не спишь, воженый?

— Бабахают где-то за окном,— заныл Валерка.— Два раза... что тебе из пушки бабахнули!

Позевнул дед.

— А то, внучек, дубы стреляют. Они, дубы-то, не приживчивы к здешним морозам. Вот и бабахают, как из пушки.

Опять позевнул дед Терентий и захрапел громче прежнего. Уснул вскоре и Валерка.

А поутру, после завтрака, полюбовавшись стройной елочкой, красовавшейся в горнице, Валерка попросил деда сводить его в лес, показать «стрелявшие» ночью дубы.

— Сидели бы дома,— ворчала бабушка Анна, убирая со стола посуду.— Куда вас понесет в несусветную эту стужу? Какие вон неразумные пичуги, и те в избу залетели отогреться.

На шесте у печки чутко дремали, нахохлившись, три синицы.

— Мы же не птахи небесные,— сказал дед Терентий, помогая Валерке надевать башлык.— Нам морозов опасаться не с руки!

Певуче скрипел под лыжами сияюще розовый снег. Жгучий мороз сначала колол иголками щеки, щипал в носу, но вскоре оставил Валерку, азартно махавшего палками, в покое. Послушные лыжи сами летели к продымленному инеем, затаившемуся настороженно лесу.

«Я от дедушки ни на шаг не отстаю!» — подумал Валерка не без гордости.

— Гляди по сторонам в оба! — сказал, останавливаясь, дед Терентий.— Примечай, где какие истории на снегу записаны.

Валерка даже споткнулся на ровном месте.

— На снегу... истории? — удивился он.

— На январском снегу все звери и птицы расписываются.— Дедушка взмахнул палкой.— Глянь вот сюда. Недавно здесь сорока скакала. Видишь крестики? А с этого бугра она вспорхнула. Чиркнула крыльями по рыхлому снегу да хвостом к тому же загогулинку оставила. Приметил?

— Приметил,— прошептал Валерка.

— А теперь отправимся дальше.

Немного погодя дед Терентий показал Валерке молоденькую осинку, стоящую вблизи тропы.

— Заяц осину ночью грыз. Вон какими белыми бороздками испещрил. А вокруг весь снег, неряха, словно кляксами, замарал.

Внезапно дедушка поднял руку в овчинной рукавице: сникни, не дыши!

Сквозь мохнатые еловые лапы, чуть ли не сросшиеся друг с другом, отягченные снежной нависью, смело пробился сверкающей стрелой солнечный лучик. И тропинка зарябила от золотых и бирюзовых блесток.

На долю секунды мелькнула в этом лучике тонкая, стремительная белка. Спасаясь от куницы, она бросилась на старую, почерневшую ель. И винтом взвилась вверх, пропав в гуще зеленых лап.

— Она, умница, несется в сей миг над вершинами,— весело прогудел дед Терентий.— Что тебе по снежному полю скачет. А растяпу куницу в дурах оставила!

Какое-то время спустя дед с внуком вышли на прогалину, щедро освещенную студеным солнцем. Посреди прогалины стройным молодцем возвышался дуб. От вершины до комля зияла на нем глубокая рана.

— Этой ночью случилась беда.— Дедушка Терентий обобрал с бороды и усов сосульки.— Дерево дюже прямоствольное. И рана до-олго не затянется. А заживет — на стволе, как на человеческом теле, шрам останется. Вроде рубца толстого.

Не выдержал дубок схватки с лютым морозом. А мороз и в самом деле вволю полютовал ночью. Когда дед с внуком возвращались домой, вблизи рябины они наткнулись на окоченевшего снегиря, словно бы на оброненное румяное яблоко.

Оглядываясь на понурого мальчишку, еле передвигавшего ногами, дедушка проговорил:

— В стародавние времена январь в народе батюшкой называли. Батюшка-лютень... Ты, Валера, не прозяб?

— Не,— прошептал внук, не поднимая головы.— Мне и дуб жалко, и снегиря тоже.

Взмахивая лыжными палками, дед прокричал, раззадориваясь:

— Теперь тебе есть о чем записывать в свой календарь!.. Ну-ка, наддай! С ветерком спустимся с горы!

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Внезапно дедушка поднял руку в овчинной рукавице: сникни, не дыши!

Рисунок М. ПЕТРОВА.

Когда в Сахаре зеленели луга...

...в мире уже существовало искусство.

Я уверен, что ты человек любопытный и одним учебником не ограничиваешься. Поэтому и советую тебе прочитать книгу известного советского искусствоведа **Льва Любимова «Искусство древнего мира. (Книга для чтения)»**, вышедшую уже вторым изданием в издательстве «Просвещение».

...Разъяренный раненый бизон смотрит со стен Альтамирской пещеры в Испании. Он весь напружинился, прыгнул и... застыл в последнем прыжке. Рука художника эпохи палеолита остановила мгновение. Вот уже почти двадцать тысячелетий раненый бизон не умирает. Такова сила искусства.

...Минута за минутой, час за часом, век за веком бегут — не оглядываются.

И вот мы уже на берегу Нила, в Древнем Египте.

Среди песков стоят огромные, величественные пирамиды. Большой Сфинкс фараона Хефрена смотрит не отрываясь вдаль: туда, где восходит вечное солнце. Ну, а мы, не отрываясь, смотрим на Сфинкса. Прекрасно сказал о нем русский путешественник прошлого века В. Андреевский: «Засыпанный по грудь песком, изъеденный, курносый, искрошенный веками, обратившись лицом к реке и спиной к пустыне... он сохранил еще, несмотря на все свои раны, выражение могучего спокойствия, поражающего вас до глубины души».

Несколько тысячелетий назад умерли создатели этого гигантского изваяния. А творение их живо! И кто знает, сколько еще веков простоит оно.

«То, что мне было суждено сотворить, было велико... **Я искал для потомков, это было мастерством моего сердца»,**— высечено на стене одного из древнеегипетских храмов.

Мы с тобой — потомки художников древности. Иногда — ленивые и нелюбопытные. Иногда — трудолюбивые и внимательные.

При чем тут трудолюбие, спросишь ты.

Представь себе музейный зал. Перед тобой — древнегреческая статуя. Время не пощадило ее: обломаны руки, расколот постамент. Можно усмехнуться и пройти мимо: вокруг много других, «целеньких» статуй. А можно остановиться и ощутить себя художником, которому необходимо завершить произведение. Это трудно.

Но кто сказал, что быть художником легко? Зато насколько взрослее становишься ты, когда выходишь из музейного зала!

Книга Л. Любимова, посвященная «мастерству сердца» художников древнего мира, учит нас: творчество объединяет людей всех времен и народов. Искусство не просто «останавливает мгновение». Оно в каждом человеке стремится пробудить Художника.

Разобраться в искусстве разных эпох невозможно без знаний. Поэтому советуем тебе прочитать еще некоторые книги: **В. Замаровский «Путешествие к семи чудесам света», А. А. Тахо-Годи и А. Ф. Лосев «Платон», К. Моисеева «Люди ищут забытое царство».** Все эти книги выпустило издательство «Детская литература».

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА

Меня интересует история

Я очень люблю читать. А особенно меня интересуют исторические романы и повести. Огромное впечатление осталось у меня от книги А. Волкова «Скитания». Она посвящена великому ученому Джордано Бруно. Я и раньше представляла себе жизнь ученых, врагами которых была церковь, но еще никогда так четко и ясно! Меня взволновала судьба Джордано, жизнь, проведенная в скитаниях, в разлуке с родиной. Нужно иметь невероятное мужество и веру в себя, чтобы вынести столько испытаний. Джордано Бруно стал для меня примером стойкости, целеустремленности и вошел в ряды моих любимейших героев: Николай Лобачевский, Овод, Александр Невский, Александр Радищев...

Я очень хочу, чтобы и другие ребята прочитали книгу А. Волкова. Книги на историческую тему — это самое интересное в художественной литературе. Здесь и подвиг, и риск, и верность родине, и увлекательные эпизоды из прошлого наших предков. Я не знаю, можно ли жить, не интересуясь историей, прошлым нашей страны.

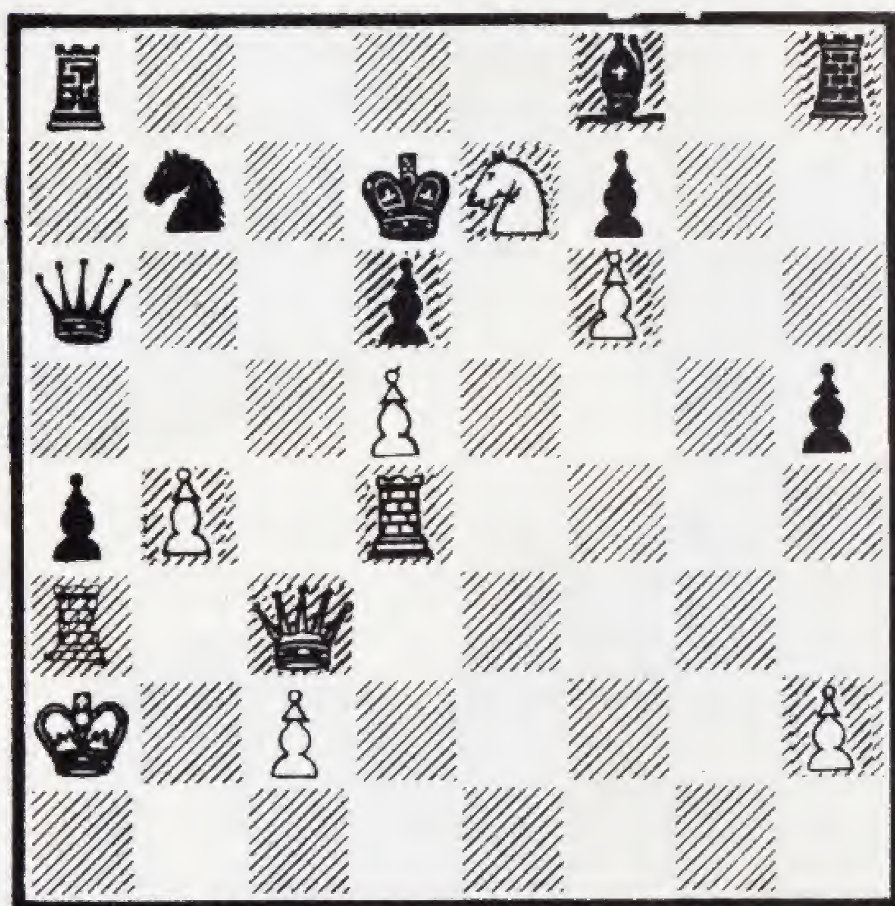
Наташа ФИЩЕВА,
п. Октябрьское, Тюменская область.

Рисунки В. ДУДКИНА.

Так играли в Шеки

Много интересных партий сыграли ребята на четырнадцатом финальном турнире клуба «Белая ладья». Познакомьтесь с их творчеством.

К этому положению пришла партия, в которой белыми играл Леша Широв (Рига), черными — Виталий Исаков (Душанбе). Оба соперника — перворазрядники. Леша был самым юным среди участников. Ему недавно исполнилось 10 лет.

Леша пожертвовал фигуру, и черный король оказался под угрозой. Вот как он завершил атаку:

33. b4—b5! Фа6—а7 34. b5—b6! Фа7:b6 35. Лd4—b4 Фb6—c7 36. Фс3—с6+ Крd7—d8 37. Лb4:b7 Фс7:с6 38. Ke7:c6+ Крd8—c8 39. Лb7—f7 Cf8—h6 40. Ла3—g3.

При материальном равенстве положение черных безнадежно: их фигуры разобщены и плохо взаимодействуют.

40... Лh8—f8 41. Лg3—g7! Ch6:g7.

Или 41... Л:f7 42. Л:f7 и затем 43. Лh7.

42. f6:g7 Лf8—e8 43. Kc6—e7+ Крс8—с7 44. Ke7—g6+ Крс7—b6 45. Лf7—f8. Черные сдались.

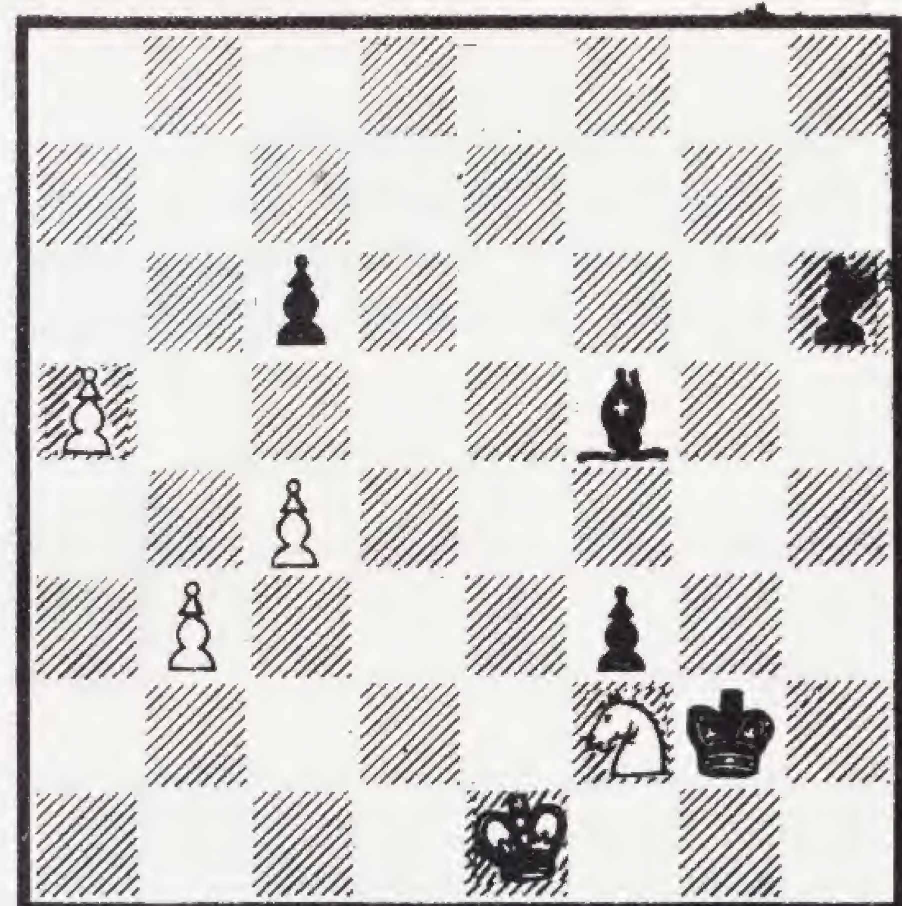

Смело разгромил королевский фланг черных Юлар Лаук (Тарту) в партии с Федей Савельевым (Фрунзе).

21. e5—e6! f7:e6 22. Kf3—e5 Фd7—d8 23. Cc1:h6! g7—g6.

К мату вело 23... gh 24. Фf7+ Крh8 25. Kg6+ K:g6 26. C:g6. 24. Cc2:g6 Cc8—d7 25. Cg6—f7. Черные сдались.

А вот пример изобретательной защиты в трудном положении. Белыми играл Паат Тутарашвили (Кутаиси), черными — Артак Оганесян (Кировакан).

Ясно, что слон удержит пешки белых на ферзевом фланге, а как остановить продвижение пешки h6? Паат нашел отличное решение:

57. b3—b4 c6—c5 58. a5—a6.

Только не 58. bc Cc8, и пешки белых обесценены.

58... Cf5—c8 59. b4—b5 h6—h5 60. Kf2—d3 h5—h4 61. Kd3—f4+ Крg2—g1 62. Kf4—d3 h4—h3 63. Kd3—f2 h3—h2 64. Kf2—h1!

В этом все дело. Черный король попадает в угол, из которого ему не удается выбраться.

64... Крg2:h1 65. Крe1—f2 Cc8—f5 66. b5—b6.

Не 66. a7 ввиду 66... Ce4.

66... Cf5—c8 67. b6—b7 Cc8:b7 68. a6:b7. Пат. Ничья.

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

СЧЁТНЫЕ ПАЛОЧКИ

Игры деда Буквоеда

ГНОМ

Из счетных палочек сложил я слово «гном».
Теперь, друзья мои, весь фокус будет в том,
Чтоб передвинуть здесь две палочки — какие? —
И слово новое легко мы получили.

ПЛАН

Сейчас другой пример, друзья, вам будет дан:
Из счетных палочек мы сложим слово «план»,
Две палочки опять переложи — из «плана»
Ушастого получишь великана.

ЕНОТ

И, наконец, енот — венец моей задачи! —
Здесь букву каждую изволь сложить иначе
Из тех же палочек и не меняй числа!
(решая, надо быть упрямее...!)

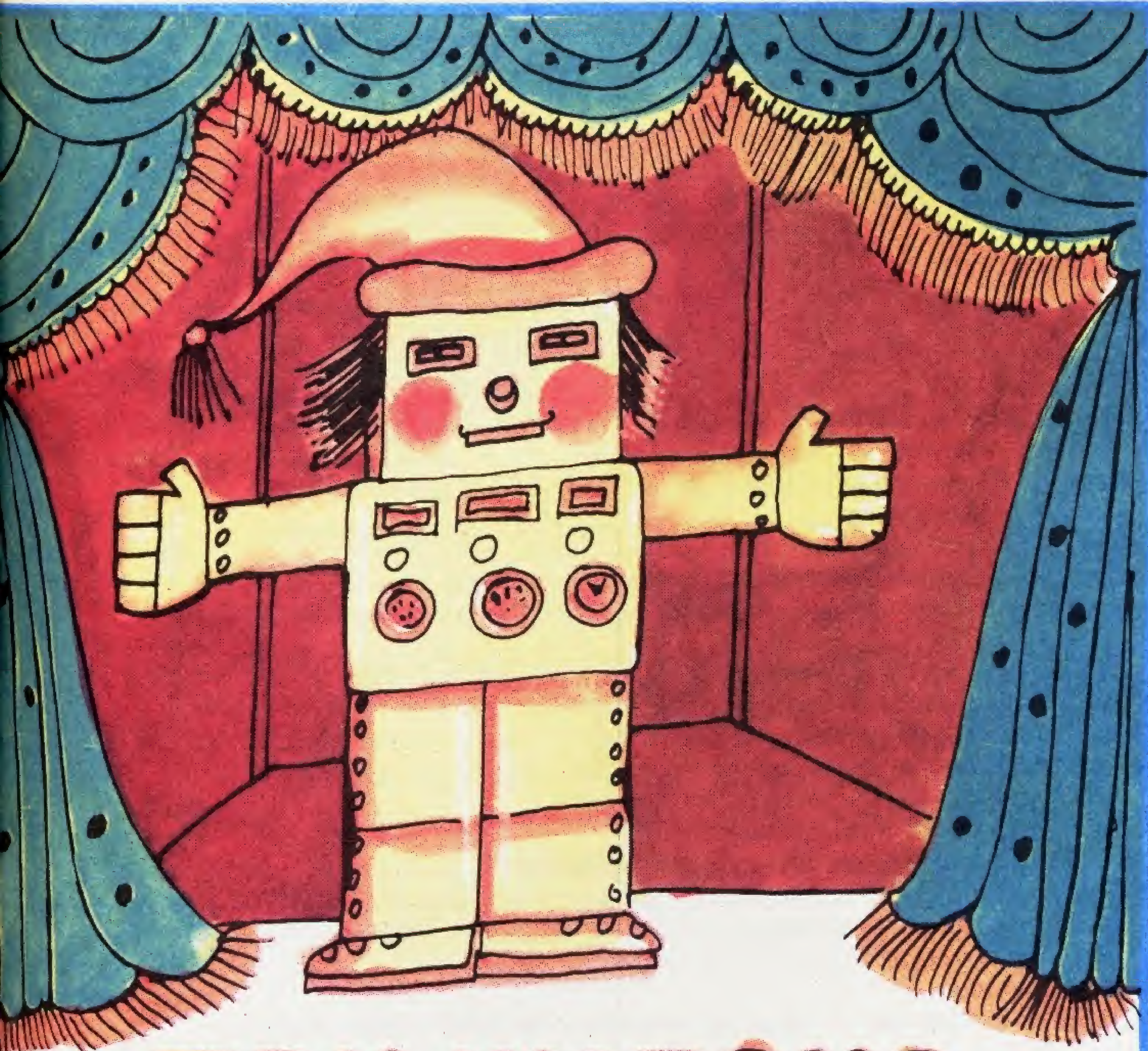
Шайбы любят счёт

Прекрасно знают хоккеисты,
Что не одним проворством ног,
Но и проворством точной мысли
Обязан обладать игрок.

У тренировочной доски
В уме проделайте броски!
(Всмотритесь в каждый поворот!)
Считайте! Шайбы любят счет.

Примечание. Вы забросите столько шайб, сколько раз, читая снизу вверх, сможете прочесть слово «шайба». Каждый раз при чтении надо выбирать такой путь, который отличается одним поворотом от предыдущего.

Три жетона

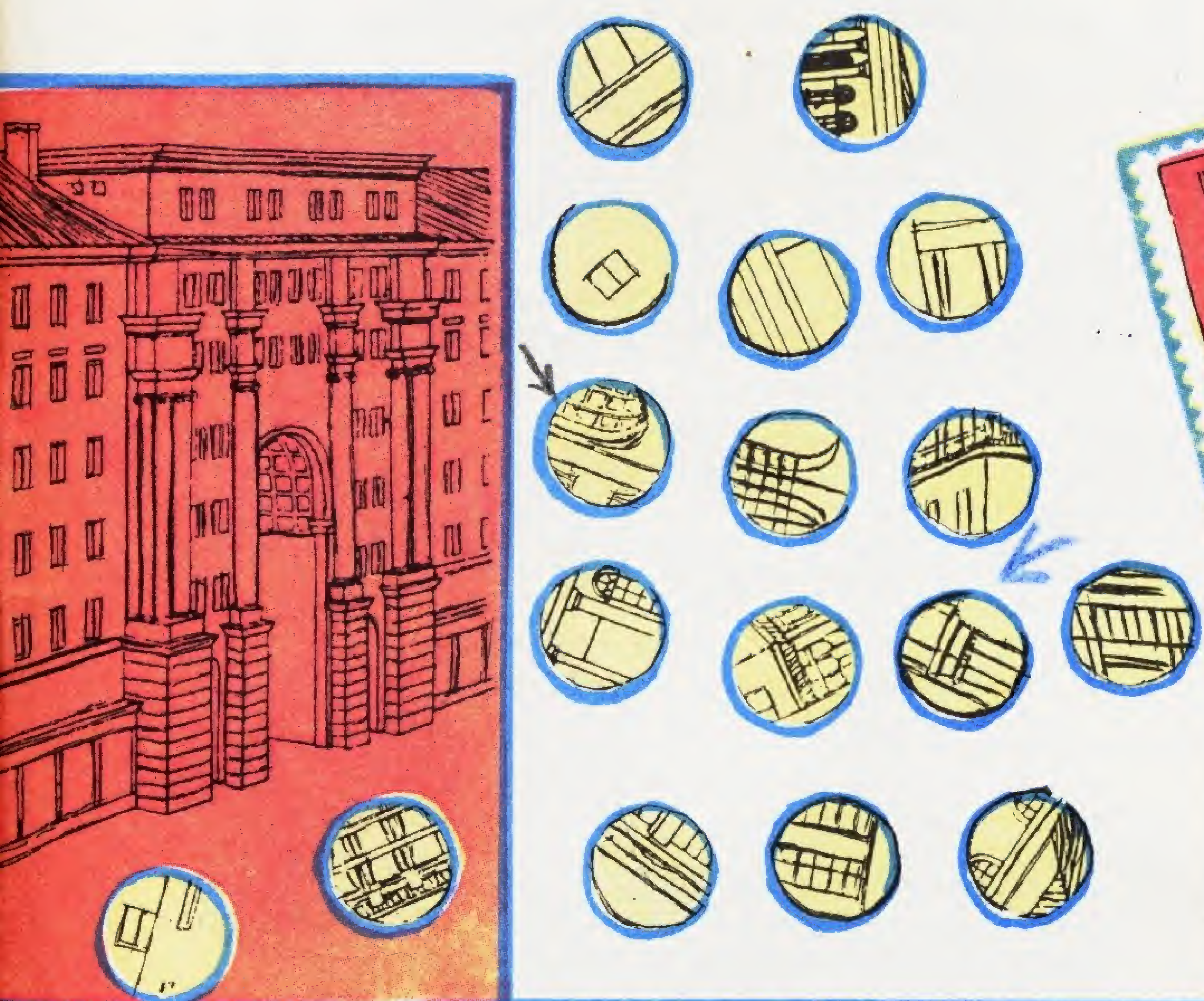
В театре пьеса для ребят,
Но возле двери автомат
Твердит железным тоном:
— Вход только по жетонам!

Необходимы три кружочка:
Таких — запомнить это надо,—
Чтобы на каждом очень точно
Ты мог увидеть часть фасада.

Найдете три таких детали,
И вы займете место в зале!

Примечание. В ответе сообщите, в каких рядах ваши жетоны.

Живживка

Игры Лупы и Пинцета

«Обменприб» вышел из строя!

Друзья! Мы с огорчением должны вам сообщить, что наш «Обменприб», о котором мы вам рассказали в прошлом номере, вышел из строя. Мы не знаем точно, что с ним произошло. Он дал ответ, когда мы его запрограммировали по таким буквенно-числовым коэффициентам:

С-4; У-1; Д-8; А-3; Н-6

Дания

и спросили, какую марку можно получить за две марки Судана. (Какую, вы легко установите сами, помня принципы работы «Обменприба».) Но когда мы хотели узнать, правильно ли мы сами высчитали, что две марки Ирана соответствуют одной марке Кении, включенный нами «Обменприб» не дал никакого ответа и его экран погас. Вероятно, мы допустили ошибку при программировании. Мы просим вас помочь нам установить, какие необходимы числовые коэффициенты, чтобы сложение

```
 ИРАН
+ИРАН
─────
КЕНИЯ
```

имело правильную математическую форму и программа была верно составлена. Мы не сомневаемся в том, что Е должно равняться 5, а Я—2. А другие буквы?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 11

Игры Лупы и Пинцета

«Обменприб» «ЛП». Судан.

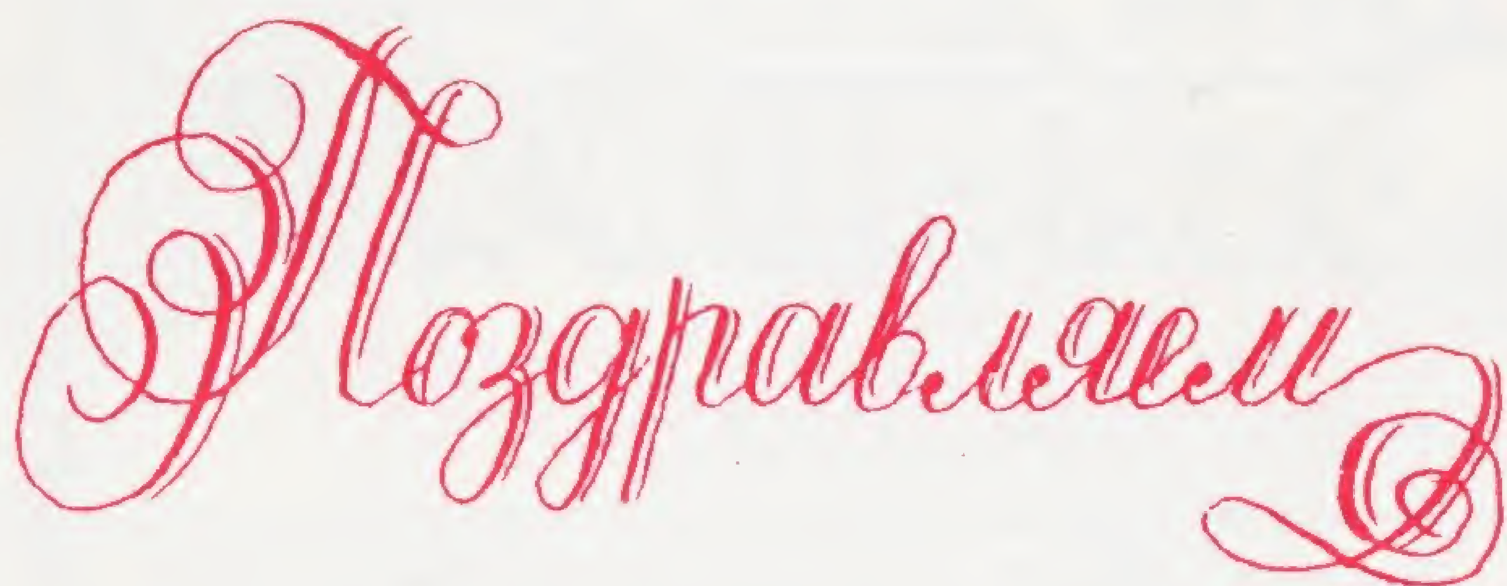
Игры Деда Буквоеда

Кроссворд с мячом. Заброшенные слова — осина, бизон, заноза.

Где рубильник? № 8.

Капитан Перо ищет помощника

В лесу тигры!

Редколлегия журнала «Пионер» присудила ежегодные премии своим авторам за лучшие публикации 1982 года:

З. ВОСКРЕСЕНСКОЙ — за статью «Ульяновский сад» (№ 3) и серию очерков «Ленинские Октябри»;

М. ПРИЛЕЖАЕВОЙ — за очерк «Новый этаж» в рубрике «Союз нерушимый» (№ 4);

Р. ПОГОДИНУ — за рассказ «Зеленый попугай» (№ 4);

Ф. КАМАЛОВУ — за рассказ «Золотой жеребенок» (№ 9);

Л. АГАФОНОВОЙ, директору школы № 109 г. Челябинска,— за большую организационную работу по проведению и пропаганде Всесоюзного пионерского сбора-поиска «Судьба семьи в судьбе страны»;

З. ПАПЕРНОМУ — за статьи «О книголюбии» (№ 1), «Я столетний дед Корней...» (№ 4);

О. ТИХОМИРОВУ — за очерки «Дорога к школе» (№ 3), «Саодат — значит счастливая» (№ 8), историческую повесть «За волю!» (№ 11);

А. ВИНОГРАДОВУ — за литературную миниатюру «Живет такой мальчишка...» в рубрике «Когда я носил красный галстук» (№ 5);

В. СТЕПАНОВУ — за две подборки стихов (№№ 7, 10);

А. САЛУЦКОМУ — за очерк «Завод XXI века» (№ 1);

В. ПОРУДОМИНСКОМУ — за статью «Себя как в зеркале я вижу» (№ 3);

Н. КРЫМОВОЙ — за статью «Почему люди ходят в театр?» (№ 5);

В. НИКИТИНОЙ — за ведение раздела «На научной волне» (№№ 1, 3, 5, 7, 9, 11);

Г. ВОРОНОВУ — за статьи в разделе «На научной волне» (№№ 3, 9);

В. ИВАНОВУ — за статьи в разделе «На научной волне» (№№ 1, 5, 7);

В. БАТРАКОВУ — за статьи и заметки в разделе «На научной волне» (№№ 3, 9);

П. САВКО — за статьи и заметки в разделе «На научной волне» (№№ 1, 9, 11);

Н. ДОБРОХОТОВОЙ — за художественное оформление раздела «На научной волне» (№№ 1, 3, 5, 7, 9, 11);

А. ДУГИНУ — за иллюстрации к сказке Р. Зеленой «Мальчик на дельфине» (№ 1) и повести В. Бахревского «Ойли» (№ 12).

Журнал «Пионер» сердечно поздравляет награжденных!

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
«Стройка дружбы».— Рисунок А. Дугина.

●

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 03.11.82.
Подписано к печати 24.11.82. А 07559. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1 660 000 экз. Изд. № 1. Заказ № 3450.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

«Переменка» благодарит за внимание к ней взрослых читателей. Тем более что большинство из них — учителя. Учительница Т. А. Синельникова из Одесской области пишет: «Вот уже много лет я выписываю журнал, знакомлю с его материалами своих учеников. Мы улыбаемся, читая «Переменку». Мои ученики собрали много «фактов» из сочинений одноклассников. Мы дарим их журналу...»

Елена Петровна Дробот из села Плоское Киевской области начала свое письмо так: «Посылаю вам стилистические «перлы» моих учеников. За четверть века в школе (преподаю русский язык и литературу) у меня их накопилось предостаточно. И вот что самое удивительное: не скудеет этот кладезь с годами!..»

Не впервые делится с нами своей «коллекцией» невыдуманного юмора Алла Николаевна Расторгуева из Ростовской области.

Итак, пополняется рубрика «Из школьных сочинений».

«Хочу быть машинистом, потому что машинист тянет много вагонов, цистерн с горючим».

«Улица не пускала Алешу на себе гулять».

«Алеша услышал на улице ребячий гав».

«Громко раздались безмолвные голоса».

«Вася приобрел себе собаку, когда он был еще щенком».

«Овцы своим блеянием сзывали овценят».

«Слева лес редкий, но зато дремучий».

«Они подбежали к озеру и упали на песок животами от усталости».

«У льва на хвосте шерстяная кисточка».

«Мы не забудем тебя, наш любимый Тарас Бульба, за твое мужественное героичество».

«В руках у него была книга, усталое и доброе лицо».

«Хлестаков был человеком, у которого нет ни одного короля в голове».

«Памятник был похож на человека, читающего стихи».

«Лица у них были поставлены в одну сторону».

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Жак ПРЕВЕР

Снеговик

Однажды ночью напрямик
Бежал по снегу снеговик.
И хоть он был снеговиком,
Но трубочку во рту держал,
И хоть он был снеговиком,
От холода дрожал.
Вбежал в деревню при луне,
Увидел свет в одном окне
И с облегчением вздохнул,
И тут же в домик дверь толкнул,
И к печке подбежал.
И чтоб согреться, в тот же миг
Залез на печь — и в тот же миг
Пропал он, снеговик.
И только трубочка его
Лежать осталась прямо в луже,
Простая трубочка его
И шляпа старая к тому же.

Жан-Люк МОРО

Старая баллада

— Мой сын! Почему убегаешь ты прочь?
— Отец мой! Спешу я сестренке помочь!
— Прекрасно, мой мальчик, я этому рад!
А что за работа?
— Доесть шоколад!

Сумерки

К ночи небо чище,
Засыпает сад.

Желтые глазищи
Из листвы глядят.

В сад мерцанье льется —
Поднялась луна.

И на дне колодца
Звездочка видна.

Эжен ГИЛЬВИК

Я видел столяра

Я видел столяра
За ремеслом столярным.

Я видел столяра,
Как выбирал он доски.

Я видел столяра,
Нашедшего что надо.

Я видел столяра,
Берущего рубанок.

Я видел столяра
За тонкою работой.

Ты напевал, столяр,
Шкаф собирая ловко.

Я образ твой храню —
Смолистый запах леса.

Я собиратель слов,
И мы чуть-чуть похожи!

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.